

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ
«ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» БНТУ

Под редакцией В.А. Божанова, Д.Н. Хромченко

Минск
БНТУ
2015

УДК 378.62 (476) (091) (082)

ББК 74.58я5

С23

Р е ц е н з е н т ы:

А.И. Осипов – д-р филос. наук, профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин Института подготовки
научных кадров НАН Беларуси;

А.В. Унучек – канд. исторических наук, заведующий отделом истории
белорусской государственности Института истории НАН Беларуси

В сборнике рассматриваются вопросы, связанные с проблемами исторического, политического, культурного развития белорусского народа в различные исторические периоды.

Материалы сборника могут быть полезны профессорско-преподавательскому составу, студентам и всем интересующимся историей Беларуси.

ISBN 978-985-550-700-1

© Белорусский национальный
технический университет, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читателям представляется очередной выпуск кафедрального сборника, в который вошли статьи преподавателей БНТУ по трем направлениям преподаваемых в университете учебных дисциплин: истории Беларуси, Великой Отечественной войны (в контексте Второй мировой войны) и истории мировой культуры. Издание этого и других подобных сборников научных трудов позволяет поддерживать в состоянии постоянного развития научную квалификацию коллектива кафедры, осуществлять непосредственную связь науки с учебным процессом.

Общетеоретические проблемы и проблемы культуры Беларуси подняты в статьях Божанова В.А., Щавлинского Н.Б., Киселевой С.А. и Луговой Е.С., персоналиям белорусской и русской истории посвятили свои работы Богданович А.И. и Лойко Т.В., различные аспекты белорусской истории проработали Боголейша С.В., Лепеш О.В., Семенова Л.Н., отдельные вопросы, связанные с Великой Отечественной войной и другими вооруженными конфликтами СССР, анализируют Сервачинский И.Ю. и Хромченко Д.Н., деятельность профсоюзов Беларуси и СССР представили в своих статьях Дубовик А.К. и Дубовик Е.А. Несомненно, здесь присутствует некоторый тематический разноречивый. Однако он, на наш взгляд, приемлем, ибо отражает научные интересы каждого автора, свидетельствует об особенностях научного поиска членов кафедры в целом.

Важной чертой сборника является систематичность, его ежегодный выход в печати. Соответственно, от глаз внимательного читателя не ускользнет характерная заостренность проблем, которые в том или ином виде возникают в различные годы. Надеемся, что и нынешний сборник нашей кафедры пополнит в чем-то научную разработку проблем, даст возможность преподавателям внести в студенческую аудиторию новизну и дополнительную обоснованность излагаемого материала.

Божанов В.А., Хромченко Д.Н.

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА»

Божанов В.А., доктор ист. наук, профессор

Культуре посчастливилось получить свое имя от самого важного дела жизни человека – земледелия. Первоначально это слово означало не что иное, как обработку почвы, ее возделывание, земледельческий труд. Такова этимология (т.е. происхождение) понятия культуры. Поэтому термин органически вошел в обиход, ярко осветив весь смысл бытия человека, который овладел способом своего воздействия на природу для ее изменения в своих целях. Он начал «культивировать» окружающую, естественную среду. Это понятие обогатилось другими сферами человеческой деятельности, включив не только обработку и возделывание, но и близкие к нему понятия образования и воспитания. Новое слово стало тем емким понятием, через которое человек обозначил и целенаправленно стал изучать особую сферу своего бытия. Понятия «культура» и «природа» определились как глобальные сферы человеческого бытия, выражающие сущность жизни на планете.

Наиболее сложным оказалось внести ясность, что понимать под культурой как жизненным явлением. Лучшие умы человечества высказывали самые разнообразные суждения о ее сущности, составных элементах, законах развития. Феномен культуры оказался очень динамичным и невероятно многообразным в своем содержании и развитии. При этом каждый новый исторический шаг человека связан с энергичным наращиванием культуры, приращением таких составляющих, которые вызывали противоречивые, а нередко и диаметрально противоположные мнения. Объясняется это, на наш взгляд, трудно поддающимися анализу качествами человека как источника культуры, его поступками, мотивами и т.д. Законы природы более статичны и, в конце концов, разум человека выявляет их. С познанием собственной природы человеческий разум пока справляется хуже.

Идея культуры витала в умах людей с древнейших времен. Весьма неторопливо шло познание этого феномена, выявление его характерных особенностей, черт. В сознании людей произошло разделение мира природы и мира человека, что уже позже швейцарский философ К.Г. Юнг (1875–1961) объяснил следующим образом: «животное исполняет свой жизненный закон, не более и не ме-

нее... Непослушание есть исключительная прерогатива человека, чьё сознание и свободная воля могут при случае *contra naturum* (вопреки природе) отрываться от своих корней в животной природе. Эта особенность есть непрременная основа всякой культуры...» [12, с. 64].

Лишь в XVII в. понятие *cultura* стало употребляться в значении, близком к современному, когда немецкий юрист Самюэль Пуфендорф (1632–1694) использовал его как самостоятельный термин [2, с. 26]. Английским философом Т. Гоббсом (1588–1679) и С. Пуфендорфом была высказана идея, что человек может пребывать в двух состояниях: естественном (природном) и культурном. Природное состояние человека является низшей ступенью его развития, поскольку оно творчески пассивно, а культурное состояние рассматривалось как более высокая ступень развития человека, поскольку оно творчески продуктивно.

Впрочем, наиболее часто к основателям современной теории культуры относят немецкого философа и просветителя И. Гердера (1744–1803). Именно ему приписывают формулирование проблемы культуры как предмета теоретического знания. Гердер первым дал определение культурного прогресса и раскрыл его содержание. Наконец, Гердер выдвинул и обосновал тезис о цели человеческой истории, состоящей в том, чтобы «шире распространять гуманный дух и культуру человеческого рода» [Цит. по: 1, с. 13].

Развитие культуры, по его мнению, составляет содержание и смысл исторического процесса. Культура раскрывает сущностные силы человека, причем у разных народов они значительно различаются, и поэтому в реальной жизни мы можем наблюдать различные стадии и эпохи в развитии культуры. В то же время утвердилось мнение, что ядро культуры составляет духовная жизнь человека, его духовные способности. «Культура народа, – пишет Гердер, – это цвет его бытия, изящное, но бренное и хрупкое откровение его сущности» [4, с. 388]. Культура, по его мнению, не дается божественным откровением, а создается в процессе человеческой практики, преобразования природного и социального мира. Создавая культуру, человек одновременно создает самого себя. В этом смысле генезис человека есть генезис культуры, и наоборот.

В результате процесс развития человека как рода, процесс человеческой деятельности и процесс человеческой истории тесно

связаны. В то же время продвижение человечества по пути исторического развития, рост масштаба исторического действия и расширение поля приложения человеческих сил меняют и культуру, делают ее более многогранной и сложной. С этим связывают понятие прогресса культуры.

Гердер подчеркивает целостность культур разных наций и народностей. Изменения культуры происходят на базе наследственных качеств от предыдущего уровня. Гердер обращает внимание на то, что в реальности существует не культура вообще, а культура разных этносов, которые вступают друг с другом в сложные взаимодействия, порождая в конечном счете тот комплекс, который при теоретическом анализе может быть назван культурой человеческого общества. Причем эти культуры равнозначны. Гердер одним из первых высказал сомнение в приоритете европейской культуры как высшей по отношению к другим культурам, так же, как и в подобных рассуждениях любых народов о культурах низших и высших.

Французская революция, пытавшаяся организовать общество на принципах свободы, равенства и братства, закончилась бонапартовской диктатурой. Надежды на просвещенный разум оказались не реализованными. Волна жестоких войн, как безумство, охватила европейский, американский и азиатский континенты: войны Франции против европейских государств, войны Великобритании в Индии и Канаде, «опиумные войны» в Китае, войны России с Турцией и коалицией европейских государств, гражданские войны в США и Швейцарии, революции во Франции, Италии, Бельгии, Германии и т.д.

В XIX в. появился ряд новых государств, завершилось становление капитализма как более прогрессивного по отношению к феодализму строя. В экономике свершается промышленная революция, заменившая мануфактурное производство фабричным. Стремительно растет военно-экономический потенциал стран, ставших на путь модернизации. Осуществляются великие открытия и изобретения, коренным образом изменившие жизнь людей (паровоз, динамомашин и электродвигатели, телеграф, строительство Суэцкого канала). Обобщенно говоря, в XIX в. был создан материально-технический и экономический базис современной «фаустовской цивилизации» и возникло общество буржуазного типа.

В массовом сознании возникло представление об огромной силе технического прогресса, который не только создаст новые условия для обеспеченной жизни, но и поможет решить социальные проблемы. Нарастает интенсивность культурных обменов. В первой трети века проводятся первые международные конгрессы, устраиваются первые международные выставки, растет число переводных изданий, расширяется круг людей, говорящих на двух и более языках. Возникает интенсивный взаимообмен между культурами Европы, Азии, Африки, Америки. В то же время формируются национальные культуры. Именно в этот период складывается учение о культуре как научное представление о становлении и развитии телесно-душевно-духовной целостности человека в мире природы и одновременно в исторически-духовном мире [11].

Взгляды немецкого философа И. Канта (1724–1804) в наибольшей степени отразили особенности философствования в эту эпоху. Он много сделал для осмысления природы культуры, для прояснения того, как культура связана с человеком, каковы механизмы и закономерности ее развития, чем она отличается от природы, каковы цели культуры. Ему же принадлежит постановка и решение вопроса о самоценности культуры, об отличии культуры и цивилизации, о коренном противоречии современного общества, где все более и более проявляется разрыв между уровнем морального развития индивидов и уровнем их цивилизованности. Он сформулировал мысль о необходимости исторического взгляда на культуру и обосновал идею, что стремление к овладению культурой принадлежит к числу базовых человеческих ценностей.

Среди множества целей, которые чередой выстраиваются в человеческой жизни, по мнению Канта, обязательно должна быть и конечная цель, придающая смысл её бытию. Такой конечной целью, с точки зрения Канта, является культура. Только человек, способный ставить перед собой цели и делать свободный выбор, может называться человеком культурным. Соответственно, культурным является лишь то общество, которое обеспечивает свободное волеизъявление своих граждан, принявших нравственные установления в качестве руководства к действию.

В отличие от Гердера, его соотечественник Г.Ф. Гегель (1770–1831) утверждает, что культура, будучи неким единством, тем не менее, качественно разнородна. В ней, по его мнению, можно выде-

лить не только высокую и низкую культуру, но также теоретическую и практическую, интеллектуальную и моральную, нравственную и умственную, а также культуру высказываний.

Культура, по Гегелю, не есть нечто застывшее, данное изначально и до окончания века. Она находится в постоянном движении, развитии, которое осуществляется через вызревание и разрешение противоречий в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей. Причем, подхватывает Гегель мысль Канта, движение культуры не хаотично, оно подчинено цели, которая определяется Разумом.

Немецкий экономист, основоположник научного коммунизма Карл Маркс (1818–1883) стал родоначальником новой онтологии, в центре которой не учение о мире как объекте познания, а учение о мире как результате практической деятельности людей [11]. Но мир человека и есть мир культуры. До Маркса и Энгельса выдающиеся европейские мыслители в целом согласились в том, что культура есть результат деятельности людей, человек – творец культуры. Однако если, по мысли их предшественников, культура являлась результатом духовной практики, то для марксизма – деятельностью, направленной на преобразование материальных условий существования людей, процессом взаимодействия общественного человека с природой и социумом, в результате которого совершается изменение прежде всего условий его материального бытия. Отсюда марксизм сформулировал фундаментальное положение о том, что духовное производство является результатом материальной деятельности и материального общения людей.

Отличие же материального производства от духовного, по мнению Маркса, состоит в том, что материальное производство опирается на средства и предметы труда, здесь взаимодействие людей опосредствовано вещью, в духовном же производстве взаимодействия людей совершаются непосредственно. Продукт духовной деятельности создается и потребляется одновременно. При этом надо иметь в виду, что ценность продукта, создаваемого творческим, умственным трудом, определяется его уникальностью. Потеря уникальности ведет к обесцениванию материального труда.

Согласно воззрениям классиков марксизма, культура создается в рамках обоих типов производства. Однако, с точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса (1820–1895), материальное производство

играет определяющую роль, накладывая неизгладимый отпечаток как на сам процесс духовного производства, так и на создаваемый здесь продукт. Маркс метко заметил по этому поводу: «Возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? И разве не исчезают сказительство, былинное пение и Муза, а тем самым необходимые условия эпической поэзии, с появлением печатного слова?»

Однако, по мнению Маркса и Энгельса, влияние материальной культуры на образ культуры той или иной общественно-экономической формации определяется лишь как конечный фактор. В истории, по их мнению, было немало примеров, когда при неразвитости материальной базы некоторыми народами создавалась высокая культура. Тем не менее, классики марксизма считали, что существуют факторы, самым непосредственным образом влияющие на тип духовного производства и его результат. В качестве такого фактора они прежде всего рассматривали тип собственности на орудия и средства производства, являющийся главенствующим в данном обществе, и тип государственной власти. «Господствующие мысли, – писали они, – суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это – выражение тех отношений, которые как раз и делают этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства» [6, с. 48].

Взгляд австрийского основателя психоанализа З. Фрейда (1856–1939) на культуру – это взгляд врача-психоаналитика, видящего в продуктах культурно-творческой деятельности человека прежде всего результат столкновения, противоборства тех сил, которые коренятся в бессознательном и человеческом разуме. С его точки зрения, все, что способствует обработке земли, защите человека от природы, приносит ему практическую пользу, имеет самое непосредственное отношение к миру культуры.

Однако помимо средств защиты от сил природы культура, по Фрейду, включает чистоплотность, красоту и порядок. В них нет прямой жизненной потребности и полезности, но их нельзя рассматривать как нечто второстепенное. Чистота тела и жилища, вообще среды обитания, по мысли Фрейда, является одним из важнейших показателей культуры того или иного общества.

К числу основных характеристик культуры Фрейд относит и наличие уважительного отношения к высшим формам психической деятельности, интеллекту, к достижениям науки и искусства. Культура должна требовать справедливости. Справедливость Фрейд понимает как насущную необходимость всех и каждого подчиняться требованиям культуры, обуздывать свои первичные инстинкты, разгул которых превращает социальную жизнь в войну всех против всех.

Из фрейдовского понимания культуры как предохранительного механизма, препятствующего проявлению темных сил первичных влечений и эмоций, вытекает и решение вопроса об индивидуальной свободе как критерии существования культуры. Фрейд провозглашает тезис: «Индивидуальная свобода не есть достижение культуры» [10, с. 34]. История показывает, что свобода может быть враждебна самим основам культуры.

В историю человечества XX в. вошел как период коренных изменений во всех сферах бытия, как время перемен, затронувших базисные структуры человеческого существования. Завершилось международное разделение труда и возник феномен, который Валлерстайн назвал «мир-экономикой». Научно-техническая революция перевела наиболее развитые страны Западной Европы, Северной Америки и Дальневосточного региона с индустриальной на постиндустриальную стадию развития. Во второй половине века в результате быстрого развития компьютерной техники и СМИ была разрушена государственная монополия на информацию и началось постепенное вхождение в так называемое «информационное общество».

Символом качественных изменений в духовной сфере стала мировая компьютерная сеть Интернет, позволяющая в считанные минуты устанавливать контакты с пользователями, находящимися на другом конце земного шара, и обмениваться информацией с ними. Коренным образом изменился процесс создания, распространения и потребления духовных ценностей. Массовая культура постепенно вытеснила «высокую культуру» с позиций, которые она занимала несколько столетий. Появился социальный тип «человека с одномерным сознанием и запрограммированным поведением».

Однако XX в. одновременно является и временем резкого изменения приоритетов в исследовательской философской проблема-

тике, временем поворота лицом к культуре. С определенной степенью справедливости можно сказать, что если XVIII в. был веком философов, XIX – веком истории, то XX в. по праву может считаться веком культурологии [11].

Большую лепту в создание базиса современной теории культуры внесли представители «философии жизни», которые в господстве науки над жизнью видели «выражения духа прошлого века». Нужны новые подходы для постижения истины. Представители «философии жизни» старались оградить жизнь от чрезмерного сциентизма, поработавшей мощи естествознания, претендующего на тотальность применения своих средств и методов.

В понимании природы культуры и ее социальной роли немецкий философ Ф. Ницше (1844–1900) занимает двойственную позицию. С одной стороны, он рассматривает ее как отрицательный фактор, провоцирующий регресс и пессимизм. С другой стороны, у него отношение к культуре позитивное, ибо она мобилизует нас на борьбу против всего, что лишает нас высшего осуществления нашего бытия. Мысль Ницше, близкая к Канту, состоит в том, что путь возвышения человека – это путь окультуривания индивида, который может обрести себя, только войдя в мир культуры. В то же время Ницше впервые замечает, что широкое распространение культуры приводит к «упадку высшего типа человека», продуцирует возникновение посредственных заурядных личностей, в которых не горит божественный огонь.

Разрешая это противоречие, Ницше приходит к мысли, что овладение культурой доступно не каждому, а только тем, кто способен к философской рефлексии, к самопознанию. Только тогда, когда просыпается или формируется подобная способность, человек входит в мир культуры. Если нет, то он останется за пределами данного мира. То есть, культура – это не самопроизвольный процесс ее соединения с человеком. Культура, исходя из рассуждений Ницше, «есть дитя самопознания каждого отдельного человека и его неудовлетворенности самим собой». Поэтому она требует от индивида инициативного действия, т.е. борьбы за культуру и вражды против влияний, привычек, законов и учреждений, в которых он не может узнать своей цели – «создание гения».

Близок к Канту и Ницше в понимании культуры испанский философ Х. Ортега-и-Гассет (1883–1955). Он совершенно однозначно

считает, что высший смысл жизни следует искать в культуре, причем это положение применимо не только к отдельному индивиду, но и к человеческому роду, целью деятельности и существования которого является создание именно культуры, а не чего-то другого. Ортега-и-Гассет подчеркивает, что культура «вывела человека из доисторического леса», что именно благодаря ей человек осознал свое особое место среди других представителей животного мира, что, по сути, именно культура превратила человекообразную обезьяну в *homo sapiens*.

По мнению Ортеги-и-Гассета, в реальности существует множество культур, отличающихся друг от друга в силу специфики субъектов, их создавших. Он считает, что культуры зарождаются, созревают и гибнут. Цикл их развития приблизительно равен тысяче лет. После угасания культуры начинается новый цикл, но на более высоком уровне. Причиной кризиса культуры современной Европы Ортега-и-Гассет назвал «восстание масс». В это понятие он вкладывает смысл стандартизации всех сфер общественной жизни, прежде всего, сферы духа.

Ортега-и-Гассет пишет по этому поводу, что особенность нашего времени в том, что масса сминает все непохожее, все недюжинное, личностное и лучшее. Мир обычно был однородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня мир становится массой. Такова жестокая реальность наших дней, заключает Ортега-и-Гассет.

Масса, в понимании Ортеги-и-Гассета, это однородное состояние множества людей, характерными чертами которых становятся отсутствие каких-либо достоинств, неспособность к созидательной творческой деятельности. Типичное порождение этой массы – средний человек, пишет Ортега-и-Гассет. Самая яркая его черта – не индивидуальность, а поведение, мышление в рамках установившихся стандартов («как все»), не требующих стремления к познанию первооснов, поиску ответов на кардинальные вопросы бытия. Подобные «средние люди» встречаются в различных социальных слоях, а не только внизу социальной пирамиды. Главное для нее – не позволить никому выйти за пределы общей воли, установившихся представлений о цели жизни, понимания ценностей чего-либо как единственно возможного.

Понятие моральной нормы ей чуждо, ибо для массы главным аргументом, к которому она склонна прислушаться, всегда была, есть и будет грубая сила. Там, где нет норм, нет и культуры, пишет Ортега-и-Гассет, нет культуры, где нет гражданской законности и где не к кому апеллировать. Нет культуры там, где в решении споров нет апелляции к основным принципам разума. Культура предполагает уважение к любым, даже крайним взглядам, в полемике. «Кто в споре, – отмечает Ортега-и-Гассет, – не доискивается до истины и не стремится быть правдивым, тот интеллектуальный варвар. В сущности, так обстоит дело и с массовым человеком, когда он ведет дискуссию, письменную или устную» [7, с. 311].

Вывод, к которому, как и ряд его предшественников, приходит испанский мыслитель, весьма пессимистичен: европейская цивилизация вступила в «век самодовольных недорослей».

Другой сторонник «философии жизни» немецкий философ О. Шпенглер (1880–1936) трактовал историю как смену развивающихся и подобных по структуре организмов с индивидуальным обликом и ограниченным сроком жизни, которые мы называем «культурами». Их восемь: египетская, индийская, вавилонская, китайская, античная, арабская, западная и культура народов майя. Шпенглер обращает внимание на уникальность, неповторимость каждой культуры. По его мнению, хотя культуры и подобны по общей структуре и общей судьбе, каждая из них представляет как бы совершенно самостоятельное существо, замкнутое, обособленное от других, подчиненное лишь собственным стилевым законам мышления, видения, ощущения, переживания. Ни одна из культур не понимает ничего того, что говорит другая. Она существует как локальное образование, никоим образом не связанное с другими.

Из этого, по Шпенглеру, следует, что представление о единстве человечества абсурдно, ибо отсутствует процесс взаимодействия между локальными культурами. Каждая культура в своем развитии проходит такой же жизненный путь, как и отдельный человек. Она возникает на почве своей родины, расцветает, достигает зрелости, увядает и умирает, поднявшись к вершинам своего индивидуально-го характера, исчерпав все живописные, выразительные возможности своей сущности.

Немецкий социолог М. Вебер (1864–1920), продолжая традицию Канта, существенно дополнил и развил понимание культуры,

сформулировал дефиницию культуры. Суть культуры, по Веберу, в том, что она обладает смыслом и значением с точки зрения человека [3, с. 379]. Любой предмет или объект становится предметом или объектом культуры только тогда, когда он наполняется для индивида смыслом, когда он приобретает для него значение. Причем эти смысл и значение исходят из конкретно-исторической обстановки, в которой живет человек. Каждая эпоха вырабатывает свои ценности, поэтому то, что выступает явлением культуры в одну историческую эпоху, может не быть таковым в условиях другого общества.

Культура, будучи аристократичной по своей природе, основана, как пишет русский философ Н.А. Бердяев (1874–1948), «на принципе качественного отбора». Творцы культуры всегда стремятся к совершенству, к достижению высшего качества и в научном познании, и в искусстве. Она связана с процессом формирования душевного благородства и высших человеческих качеств. Для культуры, считает Бердяев, высшими абсолютами являются истина, красота, правда, любовь, добро и только тот, кто принимает их как ценности собственного бытия, является истинно культурным человеком. Творения культуры вечны.

Бердяев считает, что в культуре отсутствует революционное начало. Революция и культура, с точки зрения Бердяева, «две вещи несовместимые». Когда общество вступает в пору революционных катаклизмов, тогда для культуры наступает черная пора. Базисные основания культуры расшатываются и она гибнет. Революционному духу, утверждает Бердяев, культура не нужна, ибо он стремится овладеть благами цивилизации, а не достичь вершин духа. В результате революционных преобразований возникновения нового типа культуры не происходит, ибо нарушается принцип преемственности наследия культурных ценностей.

Другой русский философ И.А. Ильин (1883–1954) считает, что культура, «есть явление внутреннее и органическое. Она захватывает саму глубину человеческой души и слагается на путях живой таинственной целесообразности» [5, с. 300]. Источником культуры выступает дух, который, как пишет Ильин, «строит» ее. Таким образом, культура духовна по своей природе и говорить о ней, не рассматривая креативную функцию духа, значит совершать крупную ошибку. Культура «многоличностна» по субъекту и «сверхличностна» по своей ценности [Там же, с. 275]. Ильин особо подчеркивает,

что роль веры, божественного начала в культуре исключительно высока. Там, где нет веры, там не может быть и культуры, точно так же там, где нет культуры, там нет и веры. Безверие разрушает культуру, создает же ее, как считал Ильин, только христианство.

Русский философ П.А. Сорокин (1889–1968) развивает тезис о культуре как ценностной системе. Через ценности, по сути, проявляются, по мысли Сорокина, скрытые от прямого наблюдения культурные качества феноменов. Благодаря анализу ценностей можно выявить типы культур, которые являлись доминирующими на каких-либо отрезках исторического пути, пройденного человечеством, раскрыть динамику культуры, предсказать будущее цивилизации. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры.

Современную культуру Сорокин называет «чувственной», поэтому она грешит поверхностностью, иллюзорностью восприятия мира. Судьбу чувственной культуры Сорокин определяет как исчезающую, на смену которой должен прийти новый, прогрессивный тип культуры, благодаря которому человек достигнет более высокой ступени своего духовного совершенства.

Однако, по мнению Сорокина, процесс смены типов культуры сопровождается социальными потрясениями, выбросами неуправляемой социальной энергии, нарастанием напряженности в обществе, утратой индивидами четких ориентиров бытия, распадом одних и возникновением других общественных институтов, перемещением огромных масс из центра на периферию общественных отношений и утратой многими членами общества своего социального статуса.

Подобный кризис, в ходе которого происходит смена типов культур, затрагивает более фундаментальные основы жизни, чем какие-либо иные: политические, экономические, социальные. Разрешить подобные состояния удастся лишь в течение длительного времени. Отсюда пессимистическое предсказание Сорокина о том, что в ближайшей перспективе нас ожидают войны и революции, упадок демократических режимов и торжество деспотизма.

В то же время Сорокин глубоко верит в идею культурного прогресса. По его мнению, культурный прогресс является реальностью, он представляет «удивительное выражение неутомимой созидательной способности человечества» [8, с. 427]. Ее суть состоит в

утверждении Истины, Добра и Красоты в жизни каждого отдельного индивида и всего человеческого рода. И здесь Сорокин разделяет понятия культуры, которая неразрывно связана с гуманизмом, и цивилизации, которая, по его мнению, не имеет отношения к совершенствованию, раскрепощению человека, его самореализации как мыслящего и чувственного существа, То есть, цивилизация, по мысли Сорокина, лишена культуры в подлинном смысле этого слова.

Оригинальную интегральную концепцию сущности культуры разработал советский философ В.М. Межуев. По его мнению, существует неразрывная взаимосвязь четырех социальных феноменов – человека, его личностного начала, деятельности и культуры. Мир, окружающий человека, есть в полном смысле «произведение» человека и как таковой он есть не столько явление природы, сколько продукт культуры.

И природа обретает свое качественное различие только в том случае, когда она «втянута» в процесс преобразовательной деятельности человека и выступает в виде его «неорганического тела». С этой позиции анализ природы – это не что иное, как выявление того, чем она является для человека.

Будучи связанной со всеми видами человеческой деятельности, культура не имеет четко выраженных и эмпирически фиксированных границ, отделяющих ее от других сфер человеческой деятельности. Поэтому она не может быть сведена ни к какому отдельному виду природного или социального бытия. Никакое простое перечисление того, что существует в обществе и представляет собой особенности человеческого образа жизни, не дает нам определения культуры или объяснения ее сущности. Каждый раз мы будем чувствовать, что затрагиваем лишь малую частицу целого мира, а нечто глубинное ускользает от нас [2, с. 8]. Как нельзя указать границы познанию и творчеству человека, ибо он есть существо, постоянно выходящее за границы любых границ, так нельзя указать границы культуры. Отсюда Межуев делает очень важный логический вывод: уровень универсальности, достигнутый человеком в процессе освоения окружающего мира, есть возможный критерий для выделения сферы культуры. В зависимости от того, насколько универсальным является человек, настолько широка сфера культуры, настолько «культуренными» выступают те отношения, которые устанавли-

ваются между действующими субъектами исторического процесса. При подобном подходе культура может быть интерпретирована как показатель прогрессивности общества, свидетельствующий о том, насколько сложившаяся на данный момент система является действительно миром человека.

Российский философ В.С. Библер утверждает, что, говоря о культуре, недопустимо исходить из того, что художественные поиски эпохи Возрождения ставят под сомнение деятельность первобытного искусства, что импрессионисты «лучше» творчества Эль Греко или Веласкеса. Как пишет Библер, в искусстве явно действует не схематизм «восходящей лестницы», но схематизм драматического произведения.

Происхождение термина «культурология» принято связывать с именем американского культурного антрополога Лесли Алвина Уайта (1900–1975), хотя сам Уайт считал, что первым, кто дал определение и описание новой науки, был английский антрополог Эдуард Бернетт Тайлор (1832–1917) [9, с. 100, 440]. В 1959 г. он впервые в одной из своих статей применил термин «культурология», который и вошел в науку XX в. Уайт в своих работах «Наука о культуре» (1949), «Эволюция культуры» (1959), «Понятие культуры» (1973) обосновал необходимость выделения этой области знания в отдельную науку и заложил ее общетеоретические основы. Он прочил культурологии большое будущее, считая, что она представляет собой новую, качественно более высокую ступень в постижении человека и мира.

Использованная литература

1. Бенвенист Э. Основы лингвистики/ Э. Бенвенист. – М. – 1976.
2. Быстрова А.Н. Мир культуры (Основы культурологии). Учеб.пос. – М.: ИВИЦ «Маркетинг», Новосибирск: ООО «Изд. ЮКЭА», 2000. – 680 с.
3. Вебер М. Избранные произведения/ М. Вебер. – М. – 1990.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М. – 1977.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: в10 т. / И.А. Ильин. – Т.1. – М.– 1993.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2 изд. – Т. 46.
7. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. – 1991.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М. – 1992.
9. Уайт Л. Избранное: наука о культуре / Лесли Уайт. – Москва: Роспэн, 2004. – 959 с.
10. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. – М. – 1990.
11. Шендрик А.И. Теория культуры. Учеб. пос. для вузов / А.И. Шендрик. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2002. – 519 с.
12. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / Пер. с нем / К.Г. Юнг. – М.: «Канон +» РОЛЮЛИ «Реабилитация», 2013. – 320 с.

ДЗЕЙНАСЦЬ МІНІСТЭРСТВА БЕЛАРУСКІХ СПРАЎ ПРЫ ЛІТОЎСКІМ УРАДЗЕ Ў 1918–1924 ГГ.

Багалејша С.В., канд. гіст. навук, дацэнт

Адной з малавядомых старонак у гісторыі Беларусі навейшага часу з’яўляецца дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе ў 1918–1924 гг. Звестак у гістарычнай літаратуры аб ім няшмат: ёсць толькі некалькі невялікіх артыкулаў і фрагментарныя ўпамінанні ў манаграфіях даследчыкаў, якія займаюцца праблемамі беларускай дзяржаўнасці [4, с. 25–31; 5, с.22–26].

Утварэнню і дзейнасці Міністэрства беларускіх спраў нацыянальныя дзеячы ў свой час надавалі важную ролю. Яны спадзяваліся з яго дапамогай пашырыць самасвядомасць і арганізаванасць беларускага грамадства, ускладалі на яго некаторыя надзеі ў адраджэнні беларускай дзяржаўнасці.

У дзейнасці Міністэрства беларускіх спраў можна выдзеліць некалькі перыядаў, абумоўленых палітычнымі абставінамі:

1. Снежань 1918 г. – красавік 1919 г. – дастаткова плённы перыяд у дзейнасці Міністэрства з пункту гледжання распрацоўкі нарматыўных дакументаў, арганізацыі беларускай справы і спроб

зацвярджэння БНР у якасці суб'екта міжнародных зносін. У той час Міністэрства знаходзілася ў Гродна.

2. Май 1919 г. – ліпень 1920 г. – дзейнасць Міністэрства, якое пераехала ў Коўна, некалькі звужаецца ў сувязі з пагаршэннем беларуска-літоўскіх узаемаадносін і складаным міжнародным становішчам, звязаным, у прыватнасці, з савецка-польскай вайной і польскай акупацыяй часткі Беларусі.

3. Жнівень 1920 г. – люты 1922 г. – у гэты перыяд пашырылася культурна-асветніцкая праца Міністэрства сярод беларускага грамадства. Гэта быў час дастаткова актыўнай міжнароднай дзейнасці, якой паспрыяў заключаны 11 лістапада 1920 г. дагавор аб супрацоўніцтве паміж урадамі БНР і Літвы.

4. Сакавік 1922 г. – студзень 1924 г. – статус Міністэрства беларускіх спраў рэзка змяніўся. Яго роля ў жыцці беларускага грамадства знізілася, літоўскі ўрад зменшыў фінансаванне Міністэрства і 20 студзеня 1924 г. яно спыніла сваю дзейнасць [4, с. 22].

Беларускія дэпутаты, уваходзячы ў склад Тарыбы, склалі 27 лістапада 1918 г. наступную дэкларацыю: “Беларуская Рада, выбраная на канферэнцыі 25–27 студзеня 1918 г. прадстаўнікамі беларускага насельніцтва на захад ад лініі фронту, абапіраючыся на пастановы названай канферэнцыі і маючы ідэалам утварэнне федэратыўнага Літоўска-Беларускага гаспадарства, дзеля важнасці моманту знайшла патрэбным прыступіць да канкрэтнай работы з літоўскай Тарыбай як адзіным цяпер існуючым літоўскім прадстаўніцтвам. Беларуская Рада верыць, што два народы, злучаныя гістарычна і эканамічна, падаўшы адзін аднаму руку, патрапяць здабыць вольнае і незалежнае жыццё, ідучы дарогай дэмакратычнага будаўніцтва агульнай дзяржавы” [6, с. 183].

Адным з першых крокаў сумеснай дзейнасці стала стварэнне 1 снежня 1918 г., згодна з дагаворам паміж прадстаўнікамі Віленскай беларускай Рады і Літоўскай Тарыбы ад 27 лістапада 1918 г., Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе [10, с. 4]. Яго ўзначаліў былы старшыня Народнага Сакратарыята БНР Я. Варонка (да 12 сакавіка 1919 г. і з 12 красавіка 1919 г. да 19 чэрвеня 1920 г.). З чэрвеня 1920 г. яго ўзначальваў Д. Сямашка [12, с. 145].

31 снежня 1918 г. урады Літвы і БНР пераехалі ў Коўна, а Міністэрства беларускіх спраў некалькі раней, 19 снежня, – у Гродна, дзе паспрабавала рэалізаваць ідэю аб беларускай дзяржаўнасці на практыцы.

Я. Варонка як міністр беларускіх спраў, па сутнасці, стаў прадстаўніком літоўскага ўрада на беларускіх землях. Ужо 20 студзеня 1919 г. Міністэрствам беларускіх спраў была выдадзена грамата, у якой абвяшчалася, што беларускае насельніцтва Гродзенскага, Сакоўскага, Беластоцкага, Бельскага, Ваўкавыскага, Белавежскага, Слонімскага павеатаў Гродзенскай губерні, Аўгустоўскага павеата Сувалкаўскай губерні і Лідскага павеата Віленскай губерні павінна па сваіх нацыянальных пытаннях зносіцца з літоўскім урадам праз Міністэрства беларускіх спраў, якое выступае ў якасці гаранта яго нацыянальных інтарэсаў [2, с. 319–320].

Тэрыторыя, на якую пашыралася юрысдыкцыя Міністэрства беларускіх спраў (каля 39 тыс. кв. км з насельніцтвам больш за 1,9 млн. чалавек), павінна была мець статус аўтаномнай адзінкі з дзяржаўнай беларускай мовай. Да яе адносіліся Гродзенская, паўднёвая частка Віленскай (Лідскі, Ашмянскі і Віленскі павеаты) і Аўгустоўскі павет Сувалкаўскай губерняў [12, с. 145].

Згодна з Часовым палажэннем аб Міністэрстве беларускіх спраў літоўскага ўрада, яно мела на мэце прадстаўляць і абараняць інтарэсы беларусаў, якія жывуць на беларускай, а таксама літоўскай этнічных тэрыторыях. Міністэрства павінна было распрацаваць дакументы аб устанавленні аўтаномнага кіравання ў беларускай частцы Літвы, а таксама законапраекты і падаць іх на разгляд Тарыбы. Яно было раўнапраўным з іншымі міністэрствамі краю. Міністэрства беларускіх спраў і яго мясцовыя органы зносіліся з Тарыбай і паміж сабой на беларускай мове, а ў справаводстве выкарыстоўвалася кірыліца [22, с. 1–3]. Для арганізацыі больш эфектыўнай працы ў Міністэрстве былі створаны розныя аддзелы. Яны з'яўляліся дапаможна-прыкладнымі арганізацыямі, якія карэктавалі працу ўсіх адпаведных міністэрстваў літоўскага ўрада і павінны былі гарантаваць правы беларускага народу ва ўсіх галінах утварэння.

У палажэнні гаварылася аб тым, што ўсе сродкі, “патрэбныя Міністэрству беларускіх спраў дзеля выпאўнення яго функцый, адпускаюцца з Дзяржаўнага скарбу на агульных асновах” [22, с. 3]. У кіруючы склад Міністэрства ўваходзілі міністр, віцэ-міністр, упраўляючы справамі. Былі створаны цывільны (грамадзянскі), грашова-гандлёвы, асветны, тэхнічны, аграрны і ваенны аддзелы [5, с. 28–29].

Горад Гродна, куды пераехала Міністэрства беларускіх спраў, Літоўская Тарыба лічыла цэнтрам беларускай часткі Літвы. На пачатку 1919 г. Міністэрства распачало актыўную дзейнасць. На працягу некалькіх месяцаў намаганнямі Міністэрства, а таксама асобных беларускіх дзеячаў былі дасягнуты некаторыя поспехі ў галіне будаўніцтва нацыянальнай дзяржаўнасці. Стварыліся і пачалі функцыянаваць Гродзенская губернская беларуская ўправа, беларуская камендатура горада і Гродзенская ваенная акруга; арганізаваны прафесійныя саюзы настаўнікаў, чыгуначнікаў, сялянская грамада і інш. [1, с. 7–8]. Былі створаны “Рада сялян-беларусаў” у Літве і “Беларускі жаночы гурток”. Беларускія нацыянальныя дзеячы актыўна працавалі ў сферы культурна-адукацыйнай справы. Былі адчынены два беларускія клубы, бібліятэкі, дзейнічалі гурткі моладзі, беларускі нацыянальны тэатр і хор [1, с. 8]. Пачалі выдавацца беларускія газеты: “Бацькаўшчына”, а з 2 лютага 1919 г. – “Беларускі народ” [19, с. 53]. Пры дапамозе Міністэрства беларускіх спраў быў выдадзены шэраг кніг лідэраў беларускага нацыянальнага руху і беларускіх пісьменнікаў: Я. Варонкі, К. Езавітава, М. Засецкага, М. Гарэцкага, Л. Чарняўскай і інш. На тых землях, някія пашыралася яго юрысдыкцыя, ствараліся органы мясцовага кіравання. У функцыі Міністэрства ўваходзіла прадстаўленне кандыдатаў на пасады кіраўнікоў гарадскіх і павятовых органаў самакіравання, прызначэнне школьных інспектараў, суддзяў, следчых у гарадскія і павятовыя органы самакіравання. Такія служачыя былі прызначаны ў Гродна, Беласток, Ліду, Бельск, Белавежу, Дзятлава, Крынкі, Саколку, Шчучын [12, с. 145]. У іх ліку былі П. Крэчэўскі, К. Езавітаў, Л. Дзекуць-Малей, М. Касцевіч (М. Краўцоў) і іншыя беларускія дзеячы [18, с. 228]. Аднак Міністэрства беларускіх спраў распачало прызначэнне павятовых камісараў на Гродзеншчыну толькі з канца снежня 1918 г., што было выклікана затрымкай літоўскім урадам 10 тыс. руб. крэ-

дыту. У выніку частка служачых (напрыклад, некалькі суддзяў у Гродна, Беластоку і Сувалках) была прызначана ў абход Міністэрства беларускіх спраў [14, л. 7]. 15–16 снежня 1918 г. у Гродне адбыўся сялянскі з’езд, на якім была прынята рэзалюцыя “Аб палітычным становішчы”. У ёй дэлегаты з’езда адзначылі: “Беларускі народ павінен быць цэлым і ні ад каго незалежным. Сваіх правоў ён будзе дабівацца разам з суседнімі дэмакратычнымі народамі”. На з’ездзе была выбрана Гродзенская павятовая рада ў складзе 14 чалавек. На 9 студзеня 1919 г. было прызначана скліканне краёвага беларускага з’езда Гродзеншчыны, але Германія не дала дазвол на яго правядзенне [21, с. 38].

1 сакавіка 1919 г. у Гродна арганізацыйна аформілася культурна-асветніцкае таварыства “Бацькаўшчына”, якое выдавала часопіс з гэтай жа назвай. Заснавальнікаў таварыства было 14 чалавек, сярод іх К. Езавітаў, Я. Варонка, І. Карчынскі, А. Яўленскі, Т. Вернікоўскі, С. Якавюк, Т. Пчыцкая, У. Боеў, П. Марозаў, А. Зорын, Н. Зорын, Е. Сеўлена, А. Кароль, Е. Курлаў. Сярод асноўных мэт таварыства вызначаліся наступныя:

1) праводзіць ідэю беларускага нацыянальнага адраджэння сярод беларускага насельніцтва і яго суседзяў праз выданне кніжак, брашур і газет на беларускай, рускай, літоўскай, яўрэйскай і польскай мовах;

2) садзейнічаць асвеце беларускага народа праз адкрыццё школ, чытальняў, бібліятэк, тэатраў і падтрымку навукоўцаў і навучэнцаў, паэтаў, артыстаў і пісьменнікаў [16, л. 1–7].

Для членаў таварыства прадугледжваўся ўступны ўзнос у памеры 10 руб. Для людзей, малодшых за 18 гадоў, пры таварыстве існаваў “Кружок для маладых”.

Была створана камісія па арганізацыі гродзенскай народнай бібліятэкі. Адначасова па дамоўленасці нямецкае камандаванне аддало загад, каб усе нямецкія жаўнеры здавалі Міністэрству літаратуру, знойдзеную на кватэрах. У выніку было сабрана некалькі тысяч старых кніг і іншыя беларускія матэрыялы [16, л. 10].

Адначасова Міністэрства займалася і вайскавай справай. З вялікай цяжкасцю быў сфарміраваны 1-ы беларускі полк, які дыслацыраваўся ў Гродне. У сваіх успамінах аб пачатку дзейнасці Міністэрства ў Гродна Я. Варонка пісаў наступнае: “У пачатку студзеня 1919 г. на вуліцах Гродна ўжо можна было бачыць бела-

рускае войска. У кожным з павятовых месцаў былі ўжо павятовыя камісары, упершыню пачалі выдавацца беларускія газеты... Пачалася паступовая беларусізацыя абшару, які на працягу цэлага века нёс на сабе адначасна цяжар і польскага панавання, і русіфікацыі” [21, с. 38].

28 лютага 1919 г. у газеце “Грамадзянін” выйшаў невялікі артыкул А. Луцкевіча, у якім ён даў сваю ацэнку дзейнасці Міністэрства беларускіх спраў у Гродне: “Ладзяцца курсы беларусазнаўства. У грамадскай гімназіі ўведзены выклад беларускай мовы. Адбываюцца беларускія спектаклі, канцэрты, вечарыны, усюды пачуеш беларускую мову...” [8].

Тым не менш, вызначыць дакладна адносіны паміж Міністэрствам беларускіх спраў і ўрадам БНР пад кіраўніцтвам А. Луцкевіча ў сувязі з недахопам гістарычных крыніц даволі складана. Ёсць меркаванні, што спачатку, зыходзячы з пастулатаў III Статутнай граматы, урад БНР імкнуўся дыстанцавацца ад дзейнасці Міністэрства, якое працавала аўтаномна. Акрамя таго, паміж А. Луцкевічам і Я. Варонкам існавала асабістая непрыязнасць, якая таксама ўскладняла сумесную працу [20, с. 110–111]. На наш погляд, кантакты паміж Радай БНР і Міністэрствам беларускіх спраў пры літоўскім урадзе існавалі, але кожны зыходзіў са сваіх уласных інтарэсаў. Урад БНР на чале з А. Луцкевічам, які расчараваўся ў ідэі беларуска-літоўскай дзяржаўнасці, у першую чаргу жадаў бачыць Беларусь незалежнай дзяржавай і не разглядаў Літву як саюзную дзяржаву. У сваю чаргу, прадстаўнікі ВБР, якія ўвайшлі ў склад Літоўскай Тарыбы і падтрымлівалі дзейнасць Міністэрства, бачылі будучыню беларускіх зямель у складзе адзінай літоўска-беларускай дзяржавы з палітычнай і культурнай аўтаноміяй для беларусаў. Такія пункты гледжання на будучыню Беларусі і сталі асноўнай прычынай разыходжання.

5 лютага 1919 г. у Беластоку была падпісана польска-нямецкая дамова, згодна з якой нямецкія ўлады пагаджаліся прапусціць польскія войскі праз Беласток, Гродна і Ваўкавыск на ўсход супраць бальшавікоў. 9 лютага ў Гродна абодва бакі заключылі дадатковае пагадненне, па якім з Гродзенскага павета падчас заканчэння эвакуацыі нямецкай арміі выводзіліся ўсе польскія вайсковыя часткі [13, с. 27]. Гэта быў, па сутнасці, захоп палякамі Гродна, аднак ён адклаўся на некалькі месяцаў.

У сувязі з акупацыяй палякамі беларускай тэрыторыі 13 лютага Міністр беларускіх спраў Я. Варонка накіраваў ноту пратэсту ўпаўнаважанаму нямецкага ўрада ў Літве Э. Цымерле.

У канцы лютага 1919 г. у Гродна прыезджаў упаўнаважаны літоўскага ўрада А. Жылінскі, каб на месцы пазнаёміцца з дзейнасцю Міністэрства беларускіх спраў, а таксама даведацца аб фарміраванні беларускага палка, паколькі адным з асноўных пытанняў, якімі займалася Міністэрства, было стварэнне беларускіх узброеных сіл. Дзеля гэтага ў ім быў створаны вайсковы сакратарыят.

На працягу амаль чатырох месяцаў свайго знаходжання ў Гродна Міністэрства беларускіх спраў ператварылася ў адміністрацыйны орган літоўскага ўрада на беларускіх землях. У справаздачы за ліпень 1919 г. адзначаліся наступныя напрамкі яго дзейнасці: а) фарміраванне 1-га беларускага палка – вярбоўка салдат, кантроль за назначэннем каманднага саставу, пошук памяшкання для войска і г. д.; б) замежныя справы – зносіны з Міністэрствам замежных спраў Літвы, кантакты з замежнымі прадстаўнікамі; в) унутраныя справы – арганізацыя Дзятлаўскага, Гродзенскага і Бельскага беларускіх з’ездаў, стварэнне бюро па асведамленню і разведцы, інфармаванне прэсы і нагляд за ёю, прызначэнне павятовых камісараў; г) справы шляхоў зносін – нагляд за мастамі праз р. Нёман, перадача пошты і яе кантроль, спроба адстаяць перад палякамі чыгуначную маёмасць у Бельскім, Белавежскім, Беластоцкім паветах; д) юстыцыя – пошук і прызначэнне міравых суддзяў, барацьба за арганізацыю суда ў Гродна і Беластоку, юрыдычныя парады насельніцтву; е) справы працы і сацыяльнага забеспячэння – адкрыццё сталовых для бедных і бежанцаў, дапамога прыюту, адкрыццё бежанскага камітэту і дапамога ваеннапалонным; ж) адукацыя – прызначэнне школьных інспектараў, арганізацыя Гродзенскага школьнага саюза; з) прапаганда – рассылка афіцэраў і тайных агітатараў, дастаўка літаратуры і г.д.; і) гандаль – продаж тавараў і запасаў, застаўшыхся пасля немцаў [17, л. 7–8].

Перыяд дзейнасці Міністэрства беларускіх спраў у Гродна – самы плённы час з пункту гледжання развіцця беларускай справы сярод насельніцтва краю, што садзейнічала развіццю яго нацыянальнай свядомасці. Вось што пісала газета “Грамадзянін” на гэты конт: “Усюды пачуеш цяпер беларускую мову, пабачыш урадавыя абвесткі па-беларуску, беларускія кніжкі і інш.” [8]. Аднак гэта

працягвалася нядоўга. 22 красавіка палякі захапілі Вільню, а 28 красавіка нямецкія войскі перадалі ім Гродна. Па гэтай прычыне Міністэрства беларускіх спраў 26 красавіка вымушана было пераехаць у Коўна.

Міністэрства беларускіх спраў імкнулася выйсці на міжнародную арэну, спрабавала дыпламатычным шляхам абараніць тэрытарыяльную цэласнасць этнаграфічных зямель ад распачатай анэксіі – на гэты раз з боку польскай дзяржавы. Трэба адзначыць, што абарона беларускіх тэрыторый ад замаху Польшчы з’яўлялася адным з асноўных напрамкаў у дзейнасці Міністэрства беларускіх спраў, у першую чаргу, дыпламатычнай. 11 красавіка 1919 г. Міністэрства беларускіх спраў накіравала ноту германскаму ўпаўнаважанаму ў Літве Э. Цымерле ў сувязі з захопам палякамі беларускай тэрыторыі, якую раней займала нямецкая армія [88, с. 48–49]. У ёй было сказана, што палякі не маюць ніякіх правоў на этнічныя беларускія землі і іх захоп з’яўляецца насіллем над беларускім народам. У афіцыйным адказе германскага ўпаўнаважанага ад 14 красавіка рабілася спасылка на патрабаванне маршала Фоша ад 25 студзеня 1919 г. аб неабходнасці “праходу польскіх войск праз Гародню далей на Усход у мэтах адбіцця большавізму, якое нямецкае камандаванне адхіліць не ў стане” [9, с. 24].

Міністр беларускіх спраў Я. Варонка 17 жніўня 1919 г. накіраваў лідэрам краін Антанты ноту пратэсту, у якой з этнаграфічных, гістарычных і палітычных пазіцый абгрунтоўвалася права беларускага народа на сваю тэрытарыяльную цэласнасць. Я. Варонка выказаў пратэст супраць бяспрычыннага дзеянняў палякаў на беларускіх землях і прасіў краіны Антанты ўмяшання, каб спыніць тое свавольства [22, с. 7].

Супрацоўнікі Міністэрства пастаянна прыводзілі факты нацыянальнага ўціску з боку польскіх улад. Безвыніковымі аказаліся таксама і асабістыя сустрэчы Я. Варонкі з прадстаўніком французскай ваеннай місіі палкоўнікам Рэбулем, прадстаўніком Вялікабрытаніі Гранд-Ватсанам, а таксама прадстаўніком амерыканскай ваенна-харчовай місіі палкоўнікам В. Грэве [7, с. 40].

16 кастрычніка Міністр беларускіх спраў падаў запіску кіраўніку дыпламатычнай місіі Вялікабрытаніі ў Коўне Б. Уарду, у якой настойваў на стварэнні ваенна-следчай і судова-следчай

камісій дзеля абследавання ўсіх незаконных дзеянняў палякаў на беларускіх тэрыторыях.

Каб надаць бачнасць “гістарычнай справядлівасці” сваіх прэтэнзій на Віленскі край, польскія ўлады вырашылі правесці “ўсенародны плебісцыт”. Я. Варонка заявіў, што беларусы ніколі не згодзяцца на правядзенне плебісцыту, які будзе праходзіць у прысутнасці польскага войска і жандараў, вынікі якога загадзя зразумелыя, а таксама з усталяваннем польскай усходняй граніцы, калі ў склад польскай дзяржавы будуць уключаны этнічныя беларускія землі з гарадамі Аўгустоў, Беласток, Бельск, Брэст [23, с. 11].

У той жа час пагоршыліся адносіны Міністэрства беларускіх спраў з літоўскім урадам, які паменшыў памер яго фінансавання, не выконваў сваіх абавязальстваў і ўсё больш акрыта прэтэндаваў на беларускія землі. Пачалося аслабленне кантактаў паміж Міністэрствам і Літоўскай Тарыбай. Негатыўна паўплываў на дзейнасць Міністэрства той факт, што да ўлады ў Літве прыйшлі палітычныя сілы на чале з прэзідэнтам А. Смятонай, якія насцярожана ставіліся да перспектывы раўнапраўнага ўдзелу беларусаў у палітычным жыцці літоўскай дзяржавы. Таму ў гэты час адносіны літоўскага ўрада да дзейнасці Міністэрства беларускіх спраў набылі невыразны характар, а беларускія палітыкі ў складзе Літоўскай Тарыбы апынуліся ў палітычным вакууме. У сувязі з гэтым з лета 1919 г. пачалося збліжэнне паміж Міністэрствам і Радай Народных Міністраў БНР [20, с. 108–109].

Для пашырэння ўплыву з верасня 1919 г. Міністэрства пачало выдаваць свой друкаваны орган – “Часопіс Міністэрства беларускіх спраў”, на першай старонцы якога было напісана: “Просім не лічыць наш “Часопіс” урадавым казённым выданнем, а пашыраць яго і дапамагаць матэрыялам, як усялякаму друкаванаму слову, якое павінна сеяць свет, праўду і чалавечыя думкі роўнасці і братэрства” [22, с. 1]. У ім змяшчаліся ўсе ўрадавыя пастановы, дакументы, хроніка падзей. Шмат месца ў часопісе адводзілася артыкулам беларускіх нацыянальных дзеячаў, матэрыялам, якія датычыліся культуры і асветы. Часопіс выдаваўся з дадаткамі (малюнкамі і табліцамі), выходзіў штомесячна і зараз з’яўляецца важнай гістарычнай крыніцай, без якой немагчыма вывучаць дзейнасць Міністэрства.

Падчас знаходжання Міністэрства беларускіх спраў у Коўна ўмовы яго дзейнасці значна пагоршыліся. На гэта, безумоўна, паўплывалі палітычныя абставіны, а таксама змены, якія ўвогуле адбыліся ў беларуска-літоўскіх узаемаадносінах. На працягу 1920 г. Я. Варонка некалькі разоў сустракаўся з прэзідэнтам літоўскай дзяржавы, але ніякіх паразуменняў дасягнута не было.

3 студзеня 1920 г. міністр беларускіх спраў Я. Варонка выступіў са зваротам “Да ўсіх членаў урада, дзяржаўнага савету і грамадскіх дзеячаў Літвы” ў сувязі з пратэстам супраць арышту 22 снежня 1919 г. супрацоўнікаў і вобыскам у памяшканнях Міністэрства, якое было абвінавачана ў сувязях з палякамі і бальшавікамі, а яго будынак ацэплены войскамі. Арыштаваных беларусаў М. Маркевіча і А. Чарапука літоўскі ўрад меў намер высласць за межы Літвы. Я. Варонка не мог пагадзіцца з такім рашэннем, таму ў сваім звароце ён падкрэсліваў, што калі ў Вільне, Гродна, Беластоку, Мінску, Ваўкавыску даведаюцца пра арышт літоўскім бокам беларусаў, то гэта будзе вельмі зручным момантам для палякаў, якія змогуць пачаць агітацыю супраць літоўцаў і літоўска-беларускіх дамоўленасцяў. Усё гэта будзе спрыяць пагаршэнню беларуска-літоўскіх узаемаадносін, у выніку чаго беларусы перастаюць падтрымліваць літоўцаў, і, увогуле, паўстане пытанне аб будучым Вільні і Гродна.

У ходзе вобыску быў складзены пратакол, у якім адзначалася, што нічога, пацвярджаючага абвінавачванні, знойдзена не было [2, с. 578]. Гэта падзея наклала значны адбітак на беларуска-літоўскія адносіны, якія яшчэ больш пагоршыліся.

Пасля стварэння Сярэдняй Літвы ў літоўскіх уладаў ізноў узнікла зацікаўленнасць у больш эфектыўным беларуска-літоўскім супрацоўніцтве. Пасля заключэння 11 лістапада 1920 г. дагавора аб супрацоўніцтве паміж урадамі БНР і Літвы становішча Міністэрства беларускіх спраў значна палепшылася. Літоўцы павялічылі памер яго фінансавання, што дало магчымасць Міністэрству пашырыць культурна-асветніцкую працу сярод беларускага насельніцтва. Нягледзячы на падтрымку беларускіх нацыянальных дзеячаў у польска-літоўскім канфлікце, літоўцы паступова накіроўвалі свае сілы на тое, каб зрабіць Міністэрства беларускіх спраў толькі прадстаўніцтвам беларускай меншасці, і не адказвалі на ўсе яго пратэсты.

У сувязі з вырашэннем пытання аб, так званай, Сярэдняй Літве на карысць Польшчы літоўскі бок страціў былую зацікаўленасць да супрацоўніцтва з беларусамі. Так, у новым праекце Канстытуцыі Літвы 1922 г. наогул адсутнічаў параграф 80 аб Міністэрствах нацыянальных меншасцяў, што адзначала значнае пагаршэнне беларуска-літоўскіх узаемаадносін.

На працягу 1923 г. Міністэрства дзейнічала ў складаных умовах. Літоўскі бок спыніў яго фінансаванне і накіроўваў свае намаганні на абмежаванне яго дзейнасці толькі культурна-асветніцкімі справамі, а затым на поўную яго ліквідацыю. У той жа час распачалася кампанія па звальненню супрацоўнікаў Міністэрства, што выклікала вялікае незадавальненне з беларускага боку і яшчэ больш пагоршыла беларуска-літоўскія адносіны [3, с. 1420]. Міністэрства беларускіх спраў спыніла сваю дзейнасць 20 студзеня 1924 г. пасля канчатковага далучэння Віленшчыны да Польшчы. У сувязі з гэтым ліквідаваліся наступныя беларускія арганізацыі: “Беларуская грамада” ў Коўне, “Рада сялян-беларусаў” у Літве, “Беларускі жаночы гурток” [15, л. 1].

Нягледзячы на нядоўгі час існавання, нестабільнасць становішча і нязначнасць сродкаў, Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе адыграла пэўную ролю ў павышэнні нацыянальнай свядомасці беларускага грамадства Віленшчыны і Гродзеншчыны, яго культурна-адукацыйнага ўзроўню. Супрацоўнікі Міністэрства вялі дастаткова актыўную культурна-асветніцкую, ваенную і дыпламатычную дзейнасць, якая знаходзіла адпаведнае рэагаванне з боку палітычных колаў Францыі, Вялікабрытаніі, Польшчы, Літвы і іншых краін, якія прымалі ўдзел у вырашэнні лёсу беларускага народа. Міністэрства беларускіх спраў імкнулася выступаць гарантам абароны нацыянальных інтарэсаў беларускага насельніцтва Літвы, прапагандавала сярод яго ідэю беларускага нацыянальнага адраджэння, на міжнароднай арэне спрабавала дыпламатычным шляхам абараніць тэрытарыяльную цэласнасць беларускіх этнаграфічных зямель.

Выкарыстаная літаратура

1. Антонаў І.Г. Успаміны аб польскай акупацыі Гродзеншчыны ў 1919–1921 гг. / І.Г. Антонаў.– Коўна: Выд-ва ім. Ф. Скарыны, 1921. – 79 с.

2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: У 2 кн. / Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт, камент, пер., паказ. С. Шупы. – Вільня – Нью-Ёрк – Мінск—Прага: Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва: Т-ва бел. пісьменства “Наша ніва.” – 1998. – Т. 1. – Кн. 1. – 860 с.

3. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: У 2 кн. Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт, камент, пер., паказ. С. Шупы. – Вільня–Нью-Ёрк–Мінск–Прага: Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва: Т-ва бел. пісьменства “Наша ніва”. – 1998– Т. 1. – Кн. 2. – 1721 с.

4. Багалеіша С. Дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе ў 1918–1924 гг. / С. Багалеіша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 9. – С. 22–26.

5. Брыгадзін П.І. “ Іменем беларускага народу...” / П.І. Брыгадзін, У.Ф. Ладысеў // Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 2.–С. 25–31.

6. Весялоўскі Ю. Беларусь у Першай сусветнай вайне (Гістарычны нарыс) / Ю. Весялоўскі; [Рэд.А. Мірановіч]. – Беласток-Лёндан. – 1996. – 361 с.

7. Воронко И. Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции: историко-политический очерк. / И. Воронко.– Ковно: Из-во им. Ф. Скорины, 1921. – 59 с.

8. Грамадзянін. – 1919. – № 3.

9. Езовитов К. Беларусы и поляки: Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918–1919 гг.: Пер. с бел. / К. Езовитов. – Ковно: Изд-во им. Ф. Скорины, 1919. – 124 с.

10. Засецкі М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання. Кароткі нарыс / М. Засецкі // Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919.– № 1. – С. 3–9.

11. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь; (Склад.: У.М. Міхнюк, Рэдкал.: І.І Антановіч (старшыня) [і інш.] – Т. 1. (1917–1922 гг.). Мінск: БелНДІДАС: Выдавецкі цэнтр БДУ. – 1997. – 395 с.

12. Ладысеў У.Ф. Міністэрства беларускіх спраў / У.Ф. Ладысеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск. – 1999. – Т. 5. – С. 145.

13. Lukomski G. Wojna domowa. Z dziejow konfliktu polsko-litewskiego 1918-1920 / G.Lukomski – Warszawa, 1997. – 214 s.

14. НАРБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 7. – Л. 7.

15. НАРБ. – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр. 225. – Л. 1.
16. НАРБ. – Ф. 468. – Воп. 1. – Спр. 5. – Л. 1-7, 10.
17. НАРБ. – Ф. 468. – Воп. 1. – Спр. 7. – Л. 7-8, 10.
18. Сідарэвіч А. Антон Луцкевіч: ад краёвасці да незалежнасці (1916–1918) (агляд крыніцаў БДМЛМ) / А. Сідарэвіч // *Архіўныя чытанні I–III. Складальнікі: Г.В. Запартыка і інш. / Матэрыялы навуковай канферэнцыі 2003–2005 гг. – Вып. 1. – Мінск: РІВШ, 2006. – С. 209–222.*
19. Турук Ф. *Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения в Беларуси* / Ф. Турук – М.: Гос. изд-во, 1921. – 144 с.
20. Хомич С.Н. *Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершённой этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo* / С.Н. Хомич – Мінск: Экономпресс, 2011. – 415 с.
21. Ціхаміраў А.В. *Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.)* / А.В. Ціхаміраў – Мінск: Экаперспектыва, 2003. – 399 с.
22. *Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 1.*
23. *Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 2.*

ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ ИЛИ ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР? (К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РОЛИ ПЕТРА I В ИСТОРИИ РОССИИ)

Богданович А.И., канд. ист. наук, доцент

В исторической науке и общественном мнении с конца XVIII в. до настоящего времени существуют диаметрально противоположные оценки как личности Петра I, так и его роли в истории России. В официальной российской историографии его принято считать одним из наиболее выдающихся государственных деятелей, которые определили направление развития России не только в XVIII, но и в следующие века. Однако многие историки прошлого, а также многие современные исследователи высказывали и высказывают критические оценки его деятельности, обвиняя Петра I в том, что он нарушил естественный ход развития российской истории, насаждал

чуждую русскому менталитету западную идеологию и культуру, в итоге его деятельность отрицательно сказалась на исторических судьбах русского народа, его менталитете и культуре. В данной статье мы попытаемся обобщить весь спектр оценок деятельности этого бесспорно выдающегося человека и государственного деятеля.

М.В. Ломоносов, Ф. Вольтер, С.М. Соловьев С.Ф. Платонов пишут о Петре I восторженно [1]. Они высоко оценивают его преобразования. Советские историки Н.И. Павленко, Е.В. Тарле, Н.Н. Молчанов, В.И. Буганов [2] рассматривают деятельность Петра I с классовых марксистских позиций, но, тем не менее, дают высокую оценку его деятельности как императора, прорубившего России окно в Европу.

Отрицательную оценку личности Петра и итогам его реформ дали известные историки и публицисты российской эмиграции Б. Башилов и И.Л. Солоневич [3]. По их мнению, итогом деятельности Петра стал разрыв между руководящей элитой общества и народом, денационализация первой и порабощение второго. Самого Петра они обвинили в самодурстве, жестокости, некомпетентности и даже трусости. Они считают, что Петр I организовал дворянскую революцию или дворянский переворот, благодаря которому дворянство не только сохранило свои права и привилегии, но и расширило их, прежде всего за счёт остальных слоев населения России.

Современные зарубежные и российские историки Р. Пайпс, Е.В. Анисимов и др. также больше склоняются к негативной оценке, они пишут, что, несмотря на введение целого ряда новшеств во все сферы жизни общества и государства, реформы вели к усилению и консервации самодержавно-крепостнической системы в России[4].

Более объективно, на наш взгляд, оценивают петровские реформы и личность Петра I Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, П.Н. Милоков, М.Н. Покровский и некоторые другие историки[5]. Они высказывают резкие, критические, порою отрицательные оценки значения петровских преобразований, хотя и отдают дань традиции дворянской историографии, согласно которой о Петре I было принято говорить только позитивно. При этом позитивные оценки в основном относятся к освоению Россией достижений тогдашней европейской цивилизации.

В средние века Московская Русь твёрдо шла по пути культурного и материального расцвета для всех слоёв общества. Не свернула она с этого пути даже при Иване Грозном и в смутное время. Постепенно значение дворянства и аристократии в государстве уменьшалась, а с ним уменьшались и дворянские права и вольности. Если бы не Пётр I, Московская Русь и дальше шла бы по пути улучшения своего государственного и хозяйственного устройства. Постепенно мирно и без больших потрясений она стала бы свободной и благополучной страной мира.

Монархия в России всегда была ценностью самой по себе. Царское самодержавие поддерживали не столько бояре и дворяне, сколько посадские люди и крестьяне. Об этом свидетельствуют многочисленные факты ее истории: во время пленения татарами Василия Темного Московская Русь собрала для выкупа громадную по тем временам сумму в 200 000 рублей (для сравнения, контрибуция России Швеции по Столбовскому миру составляла 20 000 рублей). Во время бегства Ивана Грозного в Александровскую Слободу десятки тысяч посадских людей явились к царю с просьбой о том, чтобы он «государство не оставлял и их на расхищение волкам не давал, наипаче от рук сильных избавлял, а кто будет государевым лиходеем и изменником, – они за тех не стоят, а сами их истребят» [6, с. 127]. Петру I такой гармонии монархии и народа оказалось недостаточно и он превращает Россию в империю, а себя провозглашает императором.

В Московской Руси царю помогала править боярская дума – высший совет, который включал в себе наиболее близких к нему представителей аристократии. С конца XIV в. без думы не обходился ни один государь. В начале XVI в. началась демократизация состава думы. В думу стали вводить людей «худородных», для них был учрежден титул думных дворян. Эта тенденция в особенности усилилась в годы опричнины, когда И. Грозный развязал борьбу с родовитым боярством. Постепенно в государстве усиливается роль делопроизводства – при думе появилась канцелярия, а в ее составе – думные дьяки. Петр I с начала своего фактического правления придавал все меньшее значение думе, а 22 февраля 1711 г., собираясь уехать на театр военных действий с Турцией, он доверил ведение дел в стране нескольким лицам, назвав их сообщество сенатом. Этот орган уже не имел ничего общего с боярской думой, так как

назначался императором. Таким образом, боярская дума (после ликвидации в XVII в. Земского собора как сословно-представительного органа Московской Руси для обсуждения политических, экономических и административных вопросов), которая придавала власти монарха хотя бы символическую опору на представителей разных слоев общества, была ликвидирована окончательно [6, с. 135].

Так завершилась начатая Петром I в конце XVII в. дворянская революция, в ходе которой ликвидировалась сложившаяся веками система земского самоуправления и земского законодательства, которая, по мнению Л.А. Тихомирова, была значительно демократичнее, чем в передовых европейских странах. Так, например, еще Судебник 1549 г. предписывал представителям общин, что по всему государству, по всем городам, пригородам, волостям и погостам и даже в частных владениях бояр и других землевладельцев должны быть выбраны самими жителями старосты и целовальники, сотские и десятские. Для всех волостей должны были быть написаны уставные грамоты, при помощи которых волости могли бы управляться без государевых заместителей и волостелей [7, с. 304].

«Земская реформа, – пишет В.О. Ключевский – была последним моментом в перестройке местного управления. Она состояла в попытке совсем отменить кормления. То есть, заменить представителей коронной власти – заместителей и волостелей выборными общественными властями, доверив земским мирам (общинам) не только дела уголовной полиции, но и все местное земское самоуправление вместе с гражданским судом» [8, с. 339–339]. П. Миллюков пишет о земствах Петербургского образца: «Крестьянство в большей части России не желало считать даже земство своим, ведь позднейшее земство, построенное по Петербургскому, а не по Московскому образцу, было чисто дворянским земством, на котором мужику была предоставлена единственная роль – голосовать "за"» [9, с. 53].

Самоуправления, равного средневековому Московскому, не имела тогда ни одна страна в мире, ведь повсюду к середине или даже до конца XIX в., во всех европейских странах самоуправление носило чисто сословный характер. Реформы Александра II были только очень бледной тенью стародавнего земского самоуправления Москвы [6, с. 205]. Петр I ликвидировал последние остатки этой

системы и установил в России абсолютную самодержавную власть, которая учитывала интересы только своей непосредственной опоры, служилого дворянства – одного слоя российского общества.

Законодательство в эпоху Петра I существенно ужесточалось: если по «Уложению» царя Алексея Михайловича смертная казнь полагалась только за 60 видов преступлений, по современному ему французскому законодательству – за 115, то Петр I ввел смертную казнь более чем за 200 видов преступлений [6, с. 179]. В своей преобразовательной деятельности Петр I исходил из его, безусловно, отрицательного отношения к Московской системе управления. Он не видел в ней никаких положительных сторон и не хотел улучшать московское управление, воспользовавшись тем, что в нём было хорошего, в итоге совершенно упразднил ее и на расчищенной от старого почве начал воздвигать новое. Он последовал совету Лейбница, который рекомендовал ему не медлить с преобразованиями, «не производить их по частям, а сразу и по единообразному плану» [7, с. 319–325].

Как создание «творческого ума одного человека», учреждения Петра I действительно имеют наружную стройность, но несовместимы с интересами и потребностями живых людей, населяющих государство, которое строилось так, что даже сам Петр I все время переправлял своё создание [7, с. 324]. Во главе государственного управления им был поставлен Сенат. Жаловаться на злоупотребления Сената до возвращения царя было запрещено. Компетенция Сената была универсальна. Все управления ему были подчинены. Губернаторы должны были во всём адресоваться к нему. По общей идее «коллегиальности» члены Сената (их в 1711 г. было назначено по числу коллегий 9) имели равные голоса. Так как бывшие приказы, т. е. своеобразные министерства, были перестроены и приобрели вид коллегий, то впоследствии Сенат был составлен из президентов этих коллегий с председательством самого царя [7, с. 325].

Идея коллегий была также подражанием иностранным образцам. Тот же Лейбниц писал Петру I, что хорошее управление может быть организовано только на принципе коллегиальности и сравнивал коллегии с часами, где колёса взаимно приводят в движение одно другое. «Но так как русские не умели обращаться с новым учреждением, то царь выписывал и самих членов коллегии из-за границы. В 1717 г. взяли шведских пленников для службы в колле-

гиях, а вместе с тем русские подьячие посылались за границу для обучения этому делу» [10, с. 140–142]. Вообще Петру I приходилось часто исправлять свою систему. Равенство членов коллегий приводило к бездействию новые учреждения. Личное председательство царя в Сенате оказывалось по большей части невозможным. Поэтому Пётр I ввёл для наблюдения за Сенатом должность обер-прокурора, а за коллегиями – прокуроров, и эти чиновники начали мало-помалу превращаться в настоящих начальников “коллегиальных учреждений” [7, с. 329].

В 1701 г после смерти патриарха Петр I воспрепятствовал избранию нового, а в 1721 г. создал для духовных дел Синод. Сенат вместе с Синодом под главенством царя представляли весь спектр правительственных властей петровской России. В действительности все эти создания «творческого ума одного человека» не имели ничего общего с замыслами своего творца. В своём «духовном коллегииуме» – Синоде Петр проявил особое пренебрежение к самобытным органическим силам. Л.А. Тихомиров писал: «За первое десятилетие, после установления Синода, большая часть русских епископов побывала в тюрьмах, была расстригаема или бита кнутом и т.п. В истории Константинопольской церкви, после турецкого завоевания, мы не находим ни одного периода такого разгрома епископов и такого бесцеремонного отношения к церковному имуществу». Святейший Синод, который заседал под контролем гвардейских офицеров, потом армейских офицеров, потом – чиновников уже не мог быть выразителем голоса русского православия [7, с. 332].

Провинциальное управление было отдано губернаторам и воеводам, которые долго сосуществовали параллельно. Для управления городами в 1724 г. были введены магистраты. Что касается крестьян, то их устройство определялось последовательнее всего всё более возрастающим крепостным правом. Петр I ничем не обеспечил самого союза верховной власти и нации. Он отнял у народа возможность контролировать действия органов управления, подчинил всю нацию не себе, а чиновникам. В этом и состоит суть бюрократии. Он устроил чиновничью республику, которая должна была властвовать над Россией и беспрекословно подчиняться императору. Само собой, что вся эта чиновничья республика действовала в

национальных интересах плохо, расхищала Россию, больше заботилась не о государственных делах, а о личном благополучии.

Этот исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого участия в государственном управлении делают из якобы «совершенных» петровских учреждений нечто в высшей степени «регрессивное», стоящее по сути и по отрицательным последствиям бесконечно ниже учреждений управления Московской Русью.

Наиболее кардинальной реформой Петра I был его Указ о единой наследии, изданный в 1714 г. В итоге огромный фонд поместных земель окончательно сделался собственностью дворянства, а государственно-обязанные крестьяне перешли в частую собственность. Человек, состоящий на службе в московском государстве, имел положение, которое определялась обязанностями, а вовсе не правами. После Петра I у дворянства остались только права. В итоге область крепостного права значительно расширилась, в стране совершился переворот, имевший только отрицательные свойства и последствия [11, с. 294].

В 1722 г. Петр I издал еще один фатальный для России Указ о наследовании царского престола, согласно которому царь передавал свой престол тому, кому захочет. В итоге сразу же после смерти Петра I Россия провалилась в бездну дворцовых переворотов и правления временщиков. Лев Тихомиров по этому поводу сказал следующее: «Монархия уцелела только благодаря народу, который продолжал считать законом не то, что приказал Петр I, а то, что было в умах и совести монархической сознательности народа» [7, с. 337].

Существенно преувеличена роль Петра I и в развитии промышленности. Здесь ему также не удалось создать ничего выдающегося. М.Н. Покровский писал, что в промышленности «...самодержавие Петра, как и в других областях, создать ничего не сумело, но разрушило многое. Из более чем сотни петровских фабрик и заводов до Екатерины дожило не более 10%» [12, с. 79]. Сам способ воздействия Петра I на промышленность был таков, что должен был распугивать, а не привлекать капиталы. Петр I попытался учить капитал, что он должен делать и куда ему следует идти, и выполнял свою работу с энергией и натиском, которые всегда были ему свойственны. У Петра I не было терпения дожидаться, пока

капиталы сами начнут притекать в те производства, на продукцию которых был спрос в Европе (ткачество, шелковые мануфактуры, чугунолитейное производство). Более того, чтобы обеспечить предприятия рабочей силой, он приписывает к ним тысячи крепостных. Подневольный и неквалифицированный труд крепостных не мог создать конкурентную продукцию. Выжить таким предприятиям помогал таможенный протекционизм. Так, например, пошлины на ввозимое железо фактически были запретительными. Указ от 18 января 1721 г., позволивший купцам покупать и присоединять к фабрикам и заводам населенные пункты с жителями, окончательно узаконил это положение вещей. Но если фабрикант мог вести теперь дело руками своих крепостных людей, кто же мешал владельцу крепостных завести фабрику? Это и начинает делать феодальная знать, владеющая тысячами крепостных [12, с. 87].

Реформирование высшего общества раскололо единое народное тело России на две части. Верхняя часть уподобилась так называемым «нормальным странам», под которыми понимались протестантские. Нижняя часть, традиционная Россия, отчаянно боролась за право быть сама собой. В высшей точке раскола элита стала воспринимать язык своей Родины как язык варваров. «Нормальные» люди должны были разговаривать на чужом языке. То же самое можно сказать об одежде, внешнем виде, традициях и прочем. По выражению Достоевского, в России возникает маленький народец, не являющийся ни западным, ни российским. Петербург напоминает колониальную столицу, уставшую от распущенности и пьянства, окруженную туземным населением. Голова общества отделилась от туловища и каждая часть стала жить своей жизнью. Народ считал высший свет чужим, иностранным. Новоявленная знать смотрела на мужчин в грубых портах и на женщин в закрытых сарафанах без декольте, не умеющих говорить по-французски, как на папуасов.

Не столь большим был вклад Петра I и в реорганизацию армии, а тем более в ее победы. Реорганизация армии, то есть, переход от системы милиционной к регулярной системе был начат еще Иваном Грозным и продолжен Алексеем Михайловичем. Он был обусловлен не тем, что русская армия была плохой, а тем, что перед ней были поставлены другие задачи. Москва, закончив свои непосредственно оборонительные операции, стояла накануне перехода к

наступательным войнам – против Ливонии, Польши, Швеции и Турции. Именно поэтому ей понадобилась регулярная и профессиональная армия. В 1681 г., за несколько лет до восхождения Петра на престол, из 164-тысячной московской армии 89 тысяч, т.е. более половины, были переведены на иноземный строй, это значит, были преобразованы в регулярную армию. К концу петровского царствования регулярная армия составляла уже около двух третей всех вооруженных сил страны, но это было, прежде всего, итогом Северной войны, когда в течение более чем двадцати лет солдаты не выходили из строя и когда милиционная армия автоматически превращалась в регулярную [8, с. 59–63].

Военный гений Петра I также не что иное, как миф, который был создан позже дворянскими историками. У Петра I не было полководческого таланта, прежде всего потому, что он по своей натуре был человеком импульсивным и даже панически трусливым. Об этом свидетельствует целый ряд фактов из его биографии: паническое бегство в Троицкий монастырь после получения известия о заговоре Софьи; под Нарвой, возглавляя 35-тысячное войско, Петр I панически бежит от восемнадцатилетнего Карла который имел всего лишь восемь тысяч солдат, бросив на произвол судьбы армию точно так, как бросил свои полки в Преображенском – в результате позорнейшее поражение. Это же повторяется во время Гродненской операции, когда, имея подавляющее преимущество и детально разработанный план операции, он в марте, в самый ледоход, когда шведы не могли перейти Неман, отдает преступный приказ отступить. Русская армия, спустив в реку до ста пушек с зарядами «с большою нуждою», но благополучно, отошла к Киеву [13, с. 51].

Однако «венцом полководческого искусства» Петра I был, конечно, Прутский поход: ничего настолько же позорного Россия не претерпевала никогда за всю свою историю. Если бы расторопный еврей Шафиров не ухитрился «смазать» и визиря, и его пашей, то сидеть бы великому полководцу в «турецком плену» вместе со своей непобедимой после Полтавы армией. А так любезность победителей дошла до того, что они охраняли путь отступления петровской армии [6, с. 217].

Самым любимым детищем, детской игрушкой и барской затеей Петра I был флот. После Петра I русские иногда имели хорошие корабли, почти всегда имели прекрасных моряков, но никогда не

имели приличного флота – ни военного, ни торгового: флот русским был не нужен. Или точнее, в таком размере, в каком он был бы им на пользу, он был им совершенно не под силу из-за проблемы четырех морей. Флот уже не был нужен и к концу петровского царствования, если допустить, что он был нужен раньше. Швеция была разбита на суше. Постройка же его дорого обошлась русскому народу, обернулась тысячами погибших на его строительстве крестьян, огромными расходами и почти полным уничтожением дубовых и других лесов в Воронежской губернии и на Дону.

Даже морские победы Петра I носят такой же сухопутный характер, как носили победы Рима над Карфагеном. Римляне взяли верх на море только тогда, когда изобретением абордажных мостиков перенесли на море методы сухопутной войны. Шведский флот был разбит русскими галерами и русской пехотой, шедшей на абордаж. А парусная премудрость тут была не причем, в особенности в шхерах, где только и можно было применять абордаж. Прибалтика была завоевана сухопутной армией. Карл XII погиб, Швеция надорвалась и сошла с арены. Против кого нужен был Балтийский флот? Против Дании и Англии? С Данией Россия не воевала, а Англия все равно была не под силу, в итоге российский флот просто гнил из-за своей ненужности.

В результате петровских преобразований население было разорено и разбегалось. К 1710 г. убыль населения во многих губерниях, в сравнении с последней допетровской переписью, составляла местами 40%. Как бы не были сомнительны цифры тогдашней статистики (переписи 1710 г. не доверяли уже современники), общее впечатление они дают достаточно определенное. Банкротство петровской системы заключалось не в том, что «ценою разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы», а в том, что, несмотря на разорение страны, эта цель не была достигнута. Иностранцы, состоявшие на русской службе, оценивали могущество петровской империи далеко не так высоко, как иностранцы, смотревшие издали и как позднейшие историки [11, с.294].

Петр I совершил дворянскую революцию, повернул ход развития России на пользу аристократии и дворянства, и именно по этой причине дворянство возвело этому царю тысячи памятников, бронзовых и литературных. Вместе с тем, «великий реформатор» в действительности оказался великим разрушителем, который разрушил

естественный ход истории Московской Руси. Ему удалось создать империю, но так и не удалось поставить Россию в один ряд с ведущими европейскими государствами.

Использованная литература

1. Ломоносов, М.В. Похвальные блаженные памяти государю императору Петру Великому говоренные апреля 26 дня 1755 года // Хрестоматия по истории СССР. – М.: Просвещение, 1989. – С. 123–127; Вольтер. История Российской империи при Петре Великом: в 2 т. – СПб. – Т. 1, 1859. – Т. 2, 1863; Соловьёв, С.М. Сочинения в 18 кн. Книга VII – М.: "Мысль", 1991; Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – Петроград, 1917.

2. Павленко, Н.И. Петр Первый / Н.И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 384с.: Тарле, Е.В. Сочинения: в 10 т. / Е.В. Тарле: Т. 10. Северная война и шведское нашествие на Россию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959; Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого / Н.Н. Молчанов. – М.: Политиздат, 1985; Буганов, В.И. Петр Великий и его время; отв. ред. А.П. Новосельцев / В.И. Буганов. – М.: Наука, 1989. – 188 с.

3. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – Минск: Лучи Софии, 1998. – 508 с.; Башилов, Б. Робеспьер на троне: Петр I – исторические результаты совершенной им революции / Б. Башилов. – М.: Изд-во «Русь», 2004. – 456 с.

4. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Из-во "Захаров", 2004. – 548 с.; Анисимов, Е.В. Государственные реформы Петра Великого / Е.В. Анисимов. – С.-Пб., 1997. – 347 с.

5. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – СПб, 1911. – 567 с.; Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – С. 183–205. – 4 т.; Милуков, П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого / П.Н. Милуков. – СПб, 1905.

6. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – Минск: Лучи Софии, 1998. – 508 с.

7. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – М.: Облиздат, ТОО «Алар», 1998. – 672 с.

8. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. / В.А. Ключевский. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – 447 с.

9. Миллюков, П. Голос минувшего на чужой стороне // Русские записки. – 1926 г. – С. 16 – 87.

10. Соловьёв, С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга VII / С.М. Соловьёв. – М.: "Мысль", 1991. – 701с.

11. Шмурло, Е.Ф. История России (862 – 1917 гг.) / Е.Ф. Шмурло. – Мюнхен: Русский мир, 1922.

12. Покровский, М.Н. Петровская реформа. Промышленная политика Петра // Русская история с древнейших времен в 2-х частях. Часть 2 / М.Н. Покровский. – М.: Учпедгиз, 1929. – 478 с.

13. Ключевский, В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 4 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988 – 398 с.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАФСАЮЗАЎ БЕЛАРУСІ Ў СІСТЭМЕ САЦЫЯЛЬНА-ПРАЦОЎНЫХ АДНОСІН У ПЕРЫЯД НЭПа

Дубовік А.А., магістр гіст. навук, выкладчык

Практычнае ажыццяўленне задач рэгулявання сацыяльна-працоўных адносін патрабуе глыбокага аналізу і абагульнення гістарычнага вопыту, набытага прафсаюзамі Беларусі ў гады новай эканамічнай палітыкі (НЭП), калі асобныя ўмовы ў эканамічнай і працоўнай сферах былі падобныя на сёняшнія. З улікам таго, што ў гэты перыяд былі закладзены асновы многіх сучасных форм работы прафсаюзаў, складваліся перадумовы для станаўлення сацыяльнага партнёрства ў працоўнай сферы, вывучэнне праблемы ўдзелу прафсаюзаў у рэгуляванні сацыяльна-працоўных адносін мае не толькі тэарэтычнае, але і практычнае значэнне. У гэтай сувязі актуальным з'яўляецца агляд крыніц па праблеме, вызначэнне іх інфармацыйных магчымасцяў.

Крыніцазнаўчую базу даследавання гісторыі прафсаюзаў Беларусі перыяду НЭПа складаюць самыя разнастайныя дакументы і матэрыялы. Перш за ўсё, гэта нарматыўныя і заканадаўчыя акты. Да іх, у першую чаргу, трэба аднесці Кодэкс законаў аб працы (КЗаП) РСФСР 1922 г., дзеянне якога было распаўсюджана і на тэрыторыю БССР [1]. Найбольшае значэнне маюць наступныя главы Кодэкса: II. Аб парадку найму і дазволу рабочай сілы; IV. Аб калектыўных дагаворах; VII. Аб нормах выпрацоўкі;

VIII. Узнагароджванне за працу; XIII. Праца жанчын і непаўналетніх; XIV. Ахова працы; XV. Аб прафесіянальных (вытворчых) саюзах рабочых і служачых і іх органах на прадпрыемствах, ва ўстановах і ў гаспадарках; XVI. Аб органах па вырашэнню канфліктаў і разгляду спраў па парушэнню законаў аб працы; XVII. Аб сацыяльным страхаванні і інш. Як сведчаць архіўныя дакументы, у 1927 г. ішла работа па стварэнню беларускага КЗаП, але ён тады не быў прыняты [2].

Пастановай ЦВК і СНК БССР ад 27 ліпеня 1929 г. КЗаП 1922 г. быў выкладзены ў новай рэдакцыі [3]. У яго былі ўнесены змяненні і называўся заканадаўчы акт цяпер Кодэксам аб працы БССР. З пэўнай доляй умоўнасці можна лічыць Кодэкс 1929 г. першым уласным працоўным кодэксам рэспублікі. Але хоць у Кодэксе 1929 г. некалькі змянілася нумерацыя артыкулаў і найменаванне бакоў працоўнага дагавора (замест наёмных працаўнікоў – рабочыя і служачыя; тэрмін “наймальнік” у асобных артыкулах заменены словам “адміністрацыя”), згодна з ім канцэптуальных змяненняў у рэгуляванні працоўных і звязаных з імі адносін не адбылося [4].

Важнае навуковае значэнне маюць дэкрэты і пастановы Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта (ЦВК) і Савета Народных Камісараў (СНК) СССР, ЦВК і СНК БССР, іншых агульнасаюзных і рэспубліканскіх органаў, у прыватнасці, Наркамата працы, якія датычыліся рэгулявання працоўных адносін, заключэння калектыўных дагавораў, вырашэння працоўных канфліктаў, функцыянавання прымірыцельных камер і трацейскіх судаў. Публікаваліся яны ў Зборы законаў і загадаў Рабоча-сялянскага Ураду БССР і аналагічным Зборы законаў РСФСР (з 1922 г. – СССР). Характэрнай рысай дакументаў мясцовых органаў улады было тое, што яны, як правіла, капіравалі нарматыўныя дакументы вышэйшых цэнтральных органаў.

Багатыя звесткі аб становішчы народнай гаспадаркі, рабочага класа і яго прафесійных арганізацый змяшчаюцца ў даведчай і статыстычнай літаратуры, якая выходзіла ў перыяд НЭПа ці пазней і была прысвечана, галоўным чынам, юбілейным датам у жыцці краіны і рэспублікі [5, с. 6]. У прыватнасці, вельмі каштоўныя звесткі аб стане прафсаюзаў Беларусі, як і ў цэлым аб сітуацыі ў розных галінах народнай гаспадаркі рэспублікі ў самым пачатку НЭПа, прыведзены ў зборніку, выдадзеным у 1921 г. [7].

Важнейшую группу крыніц даследавання складаюць матэрыялы агульнасаюзных і рэспубліканскіх з'ездаў і канферэнцый прафсаюзаў, пленумаў УЦСПС і прафсаюзных органаў БССР, а таксама вышэйшых партыйных форумаў краіны і рэспублікі, на якіх разглядаліся пытанні работы прафсаюзаў. У 1921 г. была выдадзена стэнаграфічная справаздача I-га з'езда прафсаюзаў Беларусі з уступным словам члена Прэзідыума Саўпрафбела В.А. Нодэля [8]. У далейшым публікаваліся рэзалюцыі з'ездаў прафсаюзаў (у 1922 – 1927 гг. адбыліся з II-га па VI-ы Усебеларускія з'езды), пастановы асобных з'ездаў галіновых прафсаюзаў і акруговых міжсаюзных органаў. Рэзалюцыі, якія прымаліся на з'ездах і пленумах прафсаюзных органаў, даюць уяўленне аб мэтах, задачах і асноўных накірунках дзейнасці прафсаюзаў на асобных этапах НЭПа. У рэзалюцыях парторганаў разглядаліся пытанні партыйнага кіраўніцтва прафсаюзамі, удасканалвання іх працы.

Шмат цікавай фактычнай інфармацыі ўтрымліваюць апублікаваныя ў 1920-я гг. справаздачи аб дзейнасці прафсаюзных органаў у перыяд паміж з'ездамі прафсаюзаў СССР (Справаздачи УсеЦСПС да VI, VII, VIII з'ездаў прафесійных саюзаў. 1924, 1926, 1928 гг.) і Беларусі) [9–13]. Выдаваліся таксама справаздачи асобных галіновых саюзаў і рэгіянальных міжсаюзных прафбюро. Матэрыялы прафсаюзных органаў – як міжсаюзных, так і галіновых – з'яўляюцца важнейшай крыніцай для вывучэння механізмаў прыняцця і рэалізацыі рашэнняў ў галіне сацыяльна-працоўных адносін у гады НЭПа. Разам з тым, у гэтых справаздачах звесткі часта няпоўныя і недакладныя, бо складаліся яны часта ў спешцы. Выступаючы на 3-м Усебеларускім з'ездзе прафсаюзаў (чэрвень 1923 г.), старшыня Саўпрафбела Ш.Ш. Ходаш адзначыў: “Загадзя хачу толькі агаварыцца, што ў дадзенай справаздачы, якая друкуецца ўпершыню за час існавання нашых прафарганізацый, безумоўна, ёсць некаторыя дэфекты, галоўным чынам, па віне саміх губаддзе-лаў і павятовых прафбюро. Апошняга ні адзін таварыш адмаўляць не будзе” [14, л. 27]. Таму гэтыя фактычныя даныя трэба пераправяраць па іншых крыніцах.

Багатыя звесткі аб становішчы рабочага класа і яго масавых арганізацый змяшчаюцца ў зборніках дакументаў, прысвечаных гісторыі прафсаюзаў краіны [15], аднаўлення народнай гаспадаркі і індустрыялізацыі ў рэспубліцы ў 1920-я гг. [16, 17]. Заметнай падзеяй у

крыніцазнаўстве стала публікацыя ў апошнія дзесяцігоддзі зборнікаў дакументаў, якія ўвялі ў навуковы абарот багаты масіў новых архіўных матэрыялаў аб выпрацоўцы палітычнага і эканамічнага курсу ў СССР у 1920-я гг., настройх у асяроддзі рабочых і беспрацоўных у перыяд НЭПа, працоўных канфліктах і інш. [18, 19]. Сярод іх асабліваю каштоўнасць мае шматтомнік “Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Зборнік змяшчае багаты матэрыял для вывучэння сацыяльна-палітычнага жыцця рэгіёнаў краіны, у тым ліку БССР, у гады НЭПа і яго згортвання; развіцця пратэстнага, забастовачнага руху рабочых; асобных выступленняў прадстаўнікоў апазіцыйнай часткі насельніцтва.

Для даследавання пазіцый кіруючай камуністычнай партыі па праблемах прафсаюзнага руху ў гады НЭПа маюць вялікае значэнне працы партыйна-дзяржаўных і прафсаюзных кіраўнікоў: У.І. Леніна, М.І. Калініна, І.В. Сталіна, М.І. Бухарына, А.І. Рыкава, М.П. Томскага, А.А. Андрэева і інш. Выкарыстанне гэтай групы крыніц дазваляе разабрацца не толькі ў тэарэтыка-метадалагічных пытаннях, але і істотна папаўняе канкрэтна-гістарычны матэрыял, які характарызуе развіццё савецкага прафруху ў 1920-я гг. Сярод іх важнае месца займаюць працы У.І. Леніна, як спецыяльна прысвечаныя прафсаюзным пытанням, так і аналізуючыя агульную сацыяльна-эканамічную сітуацыю ў краіне [20]. Трэба выдзеліць напісаны У.І. Леніным у пачатку студзеня 1922 г. «Праект тэзісаў аб ролі і задачах прафсаюзаў ва ўмовах новай эканамічнай палітыкі», у якім распрацавана праграма іх дзейнасці на новым этапе [20, с.338–345]. У савецкі перыяд гісторыі ленінскае вучэнне з’яўлялася асновай і дырэктывай для прафсаюзаў краіны. Сёння неабходна аб’ектыўнае і ўсебаковае вывучэнне твораў У.І. Леніна з улікам канкрэтна-гістарычных абставін, калі кіраўніком партыі і савецкай дзяржавы рабіліся тыя ці іншыя ацэнкі прафсаюзаў. Толькі такі падыход дазволіць пазбавіцца крайнасцяў у ацэнках, якія даюцца дзейнасці і творчай спадчыне У.І. Леніна. Працы М.П. Томскага, які стаяў на чале УсеЦСПС з кастрычніка 1918 г. да мая 1929 г., дазваляюць зразумець сутнасць “новага курсу” у прафсаюзным руху ў перыяд НЭПа, аўтарам і прапагандыстам якога ён выступаў [21, 22].

Вялікую цікавасць уяўляюць успаміны і выступленні ветэранаў прафсаюзага руху, актыўных удзельнікаў дзяржаўнага, гаспадарчага і культурнага будаўніцтва ў перыяд НЭПа [23]. Каштоўнасць звестак, якія ўтрымліваюцца ў іх, заключаецца не толькі ў багацці фактычнага матэрыяла, але і ва ўзнаўленні атмасферы той эпохі.

Важнай гістарычнай крыніцай выступае перыядычны друк. Выкарыстанне матэрыялаў цэнтральнай, рэспубліканскай і мясцовай прэсы дазваляе больш поўна раскрыць каларыт эпохі, вызначыць асноўныя накірункі прафсаюзнай дзейнасці, адносіны рабочых да сваіх прафесійных арганізацый. Значны аб'ём інфармацыі аб дзейнасці прафсаюзаў у перыяд НЭПа змяшчае перыядычны друк СССР 1920-х гг. На яго старонках каменціраваліся нарматыўныя акты партыйных, савецкіх і прафсаюзных органаў усіх узроўняў, тлумачылася палітыка кампартыі, ураду і прафсаюзаў, аналізавалася эканамічнае становішча краіны і асобных губерняў, друкаваліся артыкулы і нататкі, якія ўтрымлівалі аналіз дзейнасці партыйных і прафсаюзных органаў. Найбольшую цікавасць для вывучэння даследуемай праблемы ўяўляюць цэнтральная газета “Труд” і часопісы “Вопросы труда”, “Вестник труда”, “Известия Наркомата труда”, якія выдаваліся УсеЦСПС і Наркоматам працы.

Багатае мінулае мае і прафсаюзны друк Беларусі [24]. У лютым 1921 г. Прэзідыўмам Савета прафсаюзаў Беларусі было прынята рашэнне прыступіць да выдання двухтыднёвых часопісаў на рускай і яўрэйскай мовах. Часопіс “Голос производственных союзов”, першы нумар якога выйшаў 5 сакавіка 1921 г., прызначаўся для прафсаюзных арганізацый Беларусі. Часопіс “Прафбавегунг” (“Прафсаюзны рух”) на яўрэйскай мове павінен быў абслугоўваць прафарганізацыі не толькі Беларусі, але і іншых гарадоў краіны, дзе мелася значная колькасць яўрэйскага рабочага насельніцтва. Рэдагаванне часопісаў было даручана члену Прэзідыума Саўпрафбела В.А. Нодэлю. 3 сакавіка па 20 верасня 1921 г. выйшла 18 нумароў «Голоса производственных союзов», у якіх быў змешчаны 91 артыкул: палітычна-кіруючага характару – 19, эканамічнага – 30, тарыфнага – 14, арганізацыйнага – 19 і г.д. Акрамя таго, было змешчана 307 нататкаў і іншых матэрыялаў, у тым ліку, з жыцця саюзаў – 71, аб рабоце Прэзідыума Саўпрафбела – 31, павятовых прафбюро – 29 і г.д. За гэты ж час у 20 нумарах часопіса “Прафбавегунг” былі

змешчаны 103 артыкулы, у тым ліку, гаспадарча-эканамічных – 27, тарыфных – 16 і 266 нататкаў [7, с.150]. Гэтыя выданні працягвалі выходзіць да 2-га Усебеларускага з’езда прафсаюзаў (красавік 1922 г.), пасля чаго іх выпуск спыніўся з-за фінансавых цяжкасцей.

Асабліва важнае значэнне для абагульнення вопыту работы прафсаюзных арганізацый рэспублікі ў гады НЭПа меў выхад у свет часопіса «Прафесіянальны рух Беларусі» (выдаваўся ў 1925 – 1929 гг., усяго выйшла 100 нумароў). Першы нумар часопіса ўбачыў свет 1 сакавіка 1925 г. Большасць артыкулаў былі надрукаваны на рускай мове, шэраг матэрыялаў – на беларускай, сама ж назва часопіса давалася на чатырох мовах (беларускай, рускай, ідыш і польскай). У далейшым, па меры паглыблення палітыкі беларусізацыі, беларуская мова атрымала распаўсюджанне ў выданні, а шэраг артыкулаў друкаваўся на польскай і яўрэйскай мовах. Шмат артыкулаў і нататкаў у часопісе былі прысвечаны тарыфна-эканамічнай і калектыўна-дагаворнай рабоце прафсаюзаў [25, 26]. Знайшлі адлюстраванне і іншыя накірункі прафсаюзнай дзейнасці: ахова працы і сацыяльнае страхаванне [27], абарона інтарэсаў асобных катэгорый працоўных – жанчын [28], моладзі [29], інжынерна-тэхнічных работнікаў [30], праца вытворчых нарад і камісій [31]. Матэрыялы часопіса могуць служыць каштоўнай крыніцай для вывучэння ролі прафсаюзаў Беларусі ў сістэме сацыяльна-працоўных адносін у 1920-я гг. Асобныя артыкулы аб дзейнасці прафсаюзаў былі надрукаваны таксама ў часопісах “Бальшавік Беларусі”, “Савецкае Будаўніцтва” і інш. [32, 33].

Нямала матэрыялаў для даследавання праблемы прафсаюзнай дзейнасці у перыяд НЭПа ўтрымліваецца ў газетах “Звязда”, “Савецкая Беларусь” і інш. Матэрыялы перыядычнага друку дазваляюць глыбей пранікнуць ў атмасферу тых гадоў, перадаюць настрой людзей. Разам з тым, паведамленні друку патрабуюць абачлівага выкарыстання і крытычнага аналізу з пункту гледжання дакладнасці інфармацыі.

У апошні час важнай гістарычнай крыніцай становяцца інтэрнэт-рэсурсы. На жаль, у Рэспубліцы Беларусь праца па стварэнню тэматычных электронных рэсурсаў яшчэ не атрымала належнага развіцця і таму асабліва каштоўны вопыт расійскіх гісторыкаў, якімі створаны ў Маскоўскім дзяржаўным універсітэце комплексны, пастаянна папаўняемы электронны рэсурс “Эвалюцыя

працоўных адносін у расійскай прамысловасці: ад дарэвалюцыйнай індустрыялізацыі да НЭПа” [34]. У той жа час доступ да інфармацыі, прадстаўленай на інтэрнэт-рэсурсах, ставіць перад навуковай грамадскаю праблемай, якія патрабуюць абмеркавання і асэнсавання: якасці інфармацыі, дакладнасці электронных крыніц, адсутнасці стандартаў электронных публікацый, спецыфікі цытавання і спасылак на матэрыялы, размешчаныя ў інтэрнэце [35].

Раскрыць карціну перабудовы работы і ролі прафсаюзаў у перыяд НЭПа немагчыма без выкарыстання архіўных матэрыялаў. Асноўная частка дакументаў па дадзенай тэме сканцэнтравана ў прафсаюзных фондах дзяржаўных архіваў Беларусі і Расійскай Федэрацыі. У фондзе УсеЦСПС (ф. 5451) Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (ДАРФ) найбольш поўна прадстаўлены кіруючыя матэрыялы УсеЦСПС і ЦК галіновых саюзаў, якія дазваляюць прасачыць асноўныя накірункі прафсаюзнай палітыкі 1920-х гг. Асабліва каштоўныя матэрыялы абагульняючага характару (інфармацыйныя зводкі, справаздачи, матэрыялы абследаванняў і г.д.), складзеныя аддзелаў УсеЦСПС ці прысланыя з месц, у тым ліку з БССР. Немалае значэнне маюць і дакументы з фондаў Наркамата працы СССР і ЦК галіновых прафсаюзаў, асабліва тых, якія аб’ядноўвалі значную частку рабочых Беларусі (скураной, дрэваапрацоўчай прамысловасці і інш.).

Галоўнай крыніцай для вывучэння праблемы дзейнасці прафсаюзаў Беларусі ў сістэме сацыяльна-працоўных адносін у перыяд НЭПа служаць матэрыялы фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ). У фондах ЦК КПБ (ф. 4 п.), СНК БССР (ф.7), ЦВК БССР (ф.6), Беларускага рэспубліканскага савета прафсаюзаў (ф.265) змяшчаецца больш за 2700 спраў, якія адносяцца да перыяду 1920-х гг. У фондах Наркамата працы БССР (ф.44), Наркамата Рабоча-Сялянскай інспекцыі (ф.101), цэнтральных праўленняў (ці рэспубліканскіх камітэтаў) галіновых саюзаў (18 фондаў), Беларускага міжсекцыйнага бюро інжынерна-тэхнічных работнікаў (ф.266) і іншых захоўваюцца шматлікія пастановы і цыркуляры, якія рэгламентавалі дзейнасць усёй сістэмы рэгулявання сацыяльна-працоўных адносін у СССР і БССР, матэрыялы, адлюстроўваючыя правядзенне тарыфна-эканамічнай і калектыўна-дагаворнай работы, вырашэнне працоўных канфліктаў, метады і формы барацьбы з беспрацоўем, арганізацыі аховы працы,

сацыяльнага страхавання і г.д. Многія з гэтых матэрыялаў з'яўляюцца копіямі дакументаў, якія захоўваюцца ў ДАРФ, і могуць паспяхова замяніць іх пры даследаванні праблемы.

Акрамя пастановаў і дырэктываў УсеЦСПС, ЦК прафсаюзаў, Савета прафсаюзаў Беларусі (Саўпрафбела), з 1924 г. Цэнтральнага Савета прафсаюзаў Беларусі (ЦСПСБ), Цэнтральных праўленняў (ці БРК) галіновых прафсаюзаў у фондах НАРБ захоўваюцца тэксты калектывных дагавораў і тарыфных пагадненняў, агляды і справаздачы аб дзейнасці прафсаюзных органаў, у прыватнасці, іх тарыфна-эканамічнага аддзела, а таксама Наркамата і аддзелаў працы, камітэтаў бірж працы, Наркамата Рабоча-сялянскай інспекцыі і г.д. Важнай крыніцай для вывучэння працоўных канфліктаў з'яўляюцца пратаколы паседжанняў расцэнчана-канфліктных камісій (РКК) прадпрыемстваў і ўстаноў прымірыцельных камер і трацейскіх судаў, працоўных сесій народных судаў БССР. Глыбокае вывучэнне гэтых крыніц дазваляе зразумець асаблівасці вырашэння сацыяльна-эканамічных праблем у Беларусі, ацаніць практычны ўдзел прафесійных арганізацый у справе рэгулявання сацыяльна-працоўных адносін, паляпшэння ўмоў працы і быту працоўных.

Пры даследаванні праблемы могуць быць выкарыстаны таксама фонды рэгіянальных архіваў: дзяржархіваў Мінскай, Віцебскай і Гомельскай абласцей, дзе захоўваюцца матэрыялы мясцовых прафсаюзных органаў, аддзелаў працы і г.д.

Архіўныя крыніцы, таксама, як і многія матэрыялы, надрукаваныя ў перыядычных і спецыяльных выданнях таго часу, не пазбаўлены пэўных недахопаў. Галоўны з іх – супярэчлівасць, а часам недакладнасць статыстычных і іншых фактычных даных. Акрамя таго, выклікае сумненне рэпрэзентатыўнасць некаторых дакументаў. Нярэдка ў рознага роду справаздачах завывшаліся некаторыя паказчыкі (напрыклад, звесткі аб ступені ўкаранення прапаноў вытворчых нарад), што было адлюстраваннем адной з характэрных рыс бюракратычнай сістэмы, якая імкнулася “на паперы” стварыць бачнасць дабрабыту і паспяховасці гаспадарчага будаўніцтва. У дакументах часта адсутнічаюць дакладныя звесткі за асобныя гады па многіх важных накірунках прафсаюзнай дзейнасці.

Напрыклад, фрагментарна прадстаўлена статыстыка забастовачнага руху на прадпрыемствах у 1920-я гг., што не дае магчы-

масці разгледзець у дынаміцы ўсе праблемы, звязаныя з дзейнасцю прафсаюзаў у сістэме сацыяльна-працоўных адносін. На жаль, статыстычныя даныя прафсаюзаў аб працоўных канфліктах не з’яўляюцца поўнымі і дакладнымі. У навуковай літаратуры ёсць сведчанні разыходжанню паміж канфліктнай статыстыкай прафсаюзаў і Наркамата працы, з аднаго боку, і данымі АДПУ, з другога. Напрыклад, у сакрэтным “Аглядзе палітычнага становішча СССР за верасень 1925 г.”, падрыхтаваным для вышэйшага кіраўніцтва краіны, у прыватнасці, паведамлялася, што ў БССР забаставалі работнікі Заходняй чыгункі ў колькасці 100 чалавек, якія будавалі мост праз р. Свіслач. Іх патрабаванні заключаліся ў павышэнні заробтнай платы [36, с.526]. У прафсаюзных справах гэтая забастоўка не ўзгадваецца. Аднак прымаць на веру інфармацыю АДПУ, на наш погляд, таксама нельга, паколькі ў некаторых выпадках гэтыя органы згущалі фарбы, “рабілі з мухі слана”, каб паказаць сваю неабходнасць і незамяняльнасць.

Разам з тым, выкарыстанне сукупнасці крыніц, іх крытычны аналіз забяспечвае дастатковую базу для рашэння задач па даследаванню дзейнасці прафсаюзаў Беларусі ў сістэме сацыяльна-працоўных адносін у перыяд НЭПа.

Выкарыстаная літаратура

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства (СУ) РСФСР. – 1922. – № 70. – Ст. 903.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 265. – Воп. 1. – Спр. 2310. – Арк. 8.
3. Збор законаў і загадаў Рабоча-сялянскага ўраду БССР. – 1929. – № 33. – Паст. 191. – С. 645–663.
4. Томашевский, К.Л. История правового регулирования трудовых отношений в Беларуси / К.Л. Томашевский // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 143–158.
5. Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР. 1919–1929. – Минск, 1929. – 534 с.
6. БССР. 1922–1932 гг. Ст. сб. – Минск, 1933. – 146 с.
7. Советская Белоруссия. – Минск: Гос. изд-во ССРБ, 1921. – 307 с.
8. Первый съезд профсоюзов Белоруссии 7–13 мая 1921 г. Стеногр. отчет. – Минск: Госиздат БССР, 1921. – 111 с.

9. Отчет о деятельности Президиума Совета профессиональных союзов Белоруссии (апрель 1922 – июнь 1923 г.). – Минск, 1923. – 126 с.

10. Отчет о деятельности Временного Центрального бюро профсоюзов Белоруссии. – Минск, 1924. – 47с.

11. Профессиональные союзы Белоруссии за 1924–1925 гг.: к V Всебелорусскому съезду профсоюзов. – Минск, 1925. – 144 с.

12. Отчет Центрального совета профсоюзов Белоруссии за период: декабрь 1925 г. – июнь 1927 г. К VI Всебелорусскому съезду профсоюзов. – Минск, 1927. – 117 с.

13. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Савета прафсаюзаў БССР 7-му Усебеларускаму з’езду. – Менск, 1932. – 183 с.

14. НАРБ. – Фонд 265. – Воп.1. – Спр. 1036. Протоколы заседаний 3-го Всебелорусского съезда профсоюзов, 23 июня 1923 г.

15. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. – Т. 2. – Профсоюзы в период построения социализма в СССР. 1917–1937. – М, 1963. – 867 с.

16. Восстановление народного хозяйства БССР 1921–1922 гг.: сб. док-в и материалов /Сост. Э.Л. Козловская [и др.]. – Минск: Беларусь, 1981. – 270 с.

17. Индустриализация Белорусской ССР (1926–1941 гг.): Сб. документов и материалов. – Минск: Беларусь, 1975. – 467 с.

18. Как ломали НЭП. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. – М., 2000.

19. Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. / Под ред. Ю.И. Кирьянова, В. Розенберга, А.Н. Сахарова. – М.: Эдиториал, 1998. – 360 с.

20. В.И. Ленин о профсоюзах: Сборник. – М.: Профиздат, 1980. – 400 с.

21. Томский, М.П. Профессиональные союзы на новых путях / М.П. Томский. – М.: Изд. Главполитпросвета, 1922. – 46 с.

22. Томский, М.П. Избранные статьи и речи / М.П. Томский. – М.: Кн. изд-во ВЦСПС, 1928. – 653 с.

23. Голь, М. Я слушал Ленина / М. Голь // Советские профсоюзы. – 1978. – № 21. – С. 27.

24. Дубовик, А.К. Из истории профсоюзной печати Беларуси / А.К. Дубовик, Е.А. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – № 1. – С. 87–93.

25. Шолохович, А. Тарифно-экономическая работа профсоюзов в Витебске / А. Шолохович // Прафсаюзны рух Беларусі. – 1925. – № 3. – С. 13–14.

26. Шолохович, А. Основные задачи профсоюзов в наступающей коллективно-договорной кампании / А. Шолохович // Прафсаюзны рух Беларусі. – 1927. – № 5. – С. 19–20; № 6. – С. 17–18.

27. Алесин, Р. Положение социального страхования в Белоруссии / Р. Алесин // Прафсаюзны рух Беларусі. – 1926. – № 14. – С. 10–11.

28. Танаевцева, Н. Женский труд в производстве / Н. Танаевцева // Прафсаюзны рух Беларусі. – 1926. – № 15. – С. 5.

29. Мирингоф, З. Задачи союзов в работе среди молодежи / З. Мирингоф // Прафсаюзны рух Беларусі. – 1925. – № 18–19. – С. 6.

30. Натансон, В. Инженерно-технические силы в профессиональном движении Белоруссии / В. Натансон // Прафсаюзны рух Беларусі. – 1925. – № 9. – С. 13.

31. Танхилевич, А.М. Производственные совещания и комиссии (первые итоги работы) / А.М. Танхилевич // Прафсаюзны рух Беларусі. – 1925. – № 1. – С. 3–7.

32. Калінін, Н. Ахова працы на Беларусі / Н. Калінін // Бальшавік Беларусі. – 1927. – № 10. – С. 36–41.

33. Шолохович, А. Политика и практика зарплаты профсоюзов Белоруссии / А. Шолохович // Савецкае Будаўніцтва. – 1927. – № 6. – С. 36–48.

34. интернет-ресурс: <http://www.hist.msu.ru/Labour/index.html>.

35. Дубовик, Е.А. Информационные ресурсы как источник по истории социально-трудовых отношений в период НЭПа / Е.А. Дубовик // Информационные технологии в технических и социально-экономических системах. Сборник материалов Междунар. научн.-практ. конф. – Минск: БНТУ, 2014. – С. 271–274.

36. “Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). – Т. 3. – 1925 г. – Ч. 2. – М., 2002. – 497 с.

«ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» И СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕПЦИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Кедрик Т. В., ст. преподаватель

Визуальные образы сегодня окружают человека повсеместно; репрезентируя реальность, они сами становятся той реальностью, в которой формируется наше мировосприятие. Идея о том, что базовым модусом существования современной культуры является визуальность, постулируется ведущими направлениями в философии, культурологии, социальной теории. Ф. Джеймисон называет визуальность «общим принципом структурирования продуктов культуры «позднего капитализма»», Ги Дебор называет «спектакль» визуальной формой современности. «Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно – в самой своей основе оно является зрительским» [3].

Изучение визуальности в широком смысле включает в себя анализ культурных практик видения, технологий и конвенций визуальной репрезентации и художественной образности. Процесс формирования языка коммуникации современной визуальной культуры во многом обусловлен технологиями, используемыми для создания, воспроизводства и распространения изображений. В связи с этим возникает необходимость в исследованиях кино, рекламы, массовой культуры с позиции современных философских и социальных теорий, объясняющих специфику «общества спектакля», понятие репрезентации и различные импликации аудиовизуальных технологий создания и распространения визуальных продуктов. Визуально репрезентируемые, находящиеся на поверхности знаки часто маскируют явления, для выявления которых необходим специальный анализ как языка репрезентации, так и социокультурных механизмов, действующих в обществе.

Современные философские и культурологические теории разрабатывают новый категориальный аппарат, позволяющий адекватно интерпретировать статус субъекта в современной культуре. XX век в европейской культуре озаглавлен «кризисом метанарративов» (Ж-Ф. Лиотар). В культуре возникает недоверие к «великим историям»: идеи свободы личности, просветительские представления о знании как средстве установления всеобщего равенства, сво-

боды, счастья больше не обладают легитимностью. «Великий рассказ утратил свое правдоподобие». [7, с. 92] – пишет Лиотар. Единая, общая теоретическая база знания о человеке и мире распадается на множество конкурирующих и полемизирующих концепций. И такое положение вещей воспринимается не как период созревания общей идеи, а как закономерное, желаемое состояние.

Постмодерн – время раздробления, расщепления «великих рассказов», время перехода к «локальным историям». В культуре постсовременного мира происходят процессы выделения интересов отдельных социальных, политических, расовых групп и «подразделений» и диктат каждой из них, что приводит к господству всевозможных меньшинств, противопоставляющих свою волю единой, тотализирующей (и стандартизирующей) воле того или иного большинства – расового, политического. Но вследствие боязни современного человека быть поглощенным очередной системой ценностей он стремится уйти из-под всякого влияния – как со стороны большинства, так и со стороны различного рода меньшинств. Поэтому для эпохи постмодернизма становятся характерными такие явления, как мультикультурализм, эклектизм, плюрализм.

Вместо единого общего пути мышления в гуманитарном знании появляются различные «повороты» – феноменологический, лингвистический, визуальный, гендерный и т.д. Ключевой фигурой, заложившей основания «визуального поворота» в гуманитаристике, можно назвать Вальтера Беньямина. Описывая культурные трансформации своего времени, Беньямин создает основы нового концептуального языка и обозначает локусы проговаривания проблем современной визуальной культуры. В своих работах Беньямин анализирует новые культурные практики, ставшие доступными благодаря развитию техники и фиксирует их особый статус в культуре.

Новые условия существования создают предпосылки для процесса децентрации, деуниверсализации и «смерти» европейского субъекта, что постулируется ведущими философскими концепциями. Эти идеи имеют и социальные основания, среди которых можно назвать крах колониализма, появление на международной арене стран «третьего мира» и, как следствие, возрождение интереса к экзотической самобытности; становление «философии надежды» и «философии освобождения» в Латинской Америке, студенческие волнения в Америке и Европе в 1960–1970-х гг., оживление феминизма.

низма, пристальный интерес к «маргинальным» социальным группам (цветные, лесбиянки, геи, больные, молодежь, преступники, аутсайдеры), ненасильственным методам борьбы, новой этике экологистов и специфические механизмы функционирования и распространения массовой культуры; радикальные перемены в среде обитания человека на Земле и в космосе. Эти трансформации приводят к тому, что проблема субъекта не может больше осмысливаться вне его классовой, половой и расовой принадлежности.

Критика классического европейского субъекта и осмысление иной субъективности и видения осуществляется с нескольких методологических позиций – постструктурализма и постмодернизма, неомарксизма и постфрейдизма, гендерных и постколониальных исследований. С позиций этих теорий наше видение оказывается историческим по своей сути, несущим в себе прошлое, которое претерпевает изменения во многих различных нарративах, некоторые из которых в значительной степени изменяют культуру видения, к которой они обращаются или в рамки которой они вписаны. Субъект и его видение конструируются культурными практиками и дискурсами, пронизанными властными отношениями. Визуальное восприятие является дискурсивным конструктом, формирующимся в рамках данной культурно-исторической парадигмы. Фуко утверждает, что люди являются историческими существами не в смысле того, что они существа «конечные», а в том, что они «исторически определенные существа»: «Мы конституированы в соответствии с определенными формами субъективности, типами нормативности и знания, которые являются историческими» [9, с. 437]. Процесс, с помощью которого происходит конституирование субъективности, Фуко называет «субъективацией».

В современной теории ведущая роль в интерпретации визуальной культуры и конструируемых ей форм субъективности принадлежит «культурным исследованиям» (Cultural Studies). «Появление Cultural Studies тесно связано с британской интеллектуальной традицией, и более конкретно — с созданием в 1964 г. Бирмингемского Центра культурных исследований, первым директором которого стал Ричард Хогарт» [8, с. 432]. Это направление сформировалось как междисциплинарный подход, где приоритетными предметами анализа выступают идеология, репрезентация, идентичность.

Идеология, коренящаяся в визуальных репрезентациях, выступает как механизм формирования субъекта и его картины мира. «Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые «субъекты»: субъект сам по себе есть «ничто», пустая форма, которая заполняется содержанием символических матриц. Тем самым проблема идентичности субъекта – это проблема конституирования его символического статуса в системе социальных отношений. В культуре (через идеологию) субъект создает собственный нарциссический образ, социализируясь посредством вписывания себя в определенную символическую структуру социума» [8, с. 439]. Освобождение от единой тождественной самой себе субъективности приводит к конструированию и репрезентации множества субъективностей, обусловленных факторами пола, класса и расы. Идентичности, которые ранее существовали как маргинальные, получают возможность репрезентировать себя. И в современных условиях приоритетным способом репрезентации становятся визуальные практики. Именно визуальные образы позволяют стать видимыми и заявить о своем присутствии в социальном поле ранее маргинализированным идентичностям. В поле анализа структур субъективности наряду с рациональностью включаются механизмы бессознательного и телесные практики. Эти механизмы и практики утверждаются как главенствующие в процессе формирования субъективности.

Субъективность в современной культуре имеет двойственный характер – с одной стороны, субъективность конструируется в культурном поле, задается дискурсивными практиками (языком, властными структурами, масс-медиа, искусством, прежде всего визуальным), с другой стороны, именно в сферах символического производства, основанных на визуальности как базовом модусе, субъективности проявляют и манифестируют себя.

Вместе с визуализацией происходит виртуализация всех сфер современной культуры. Так, в сфере искусства можно заметить перенасыщенность образами, которые ни к чему не отсылают, ничего в себе не несут: «Большинство современных зрелищ, видео, живопись, пластические искусства, аудиовизуальные средства, синтезированные образы – все это представляет собой изображения, на которых буквально невозможно увидеть что-либо. Все они лишены теней, следов, последствий. Все, что мы можем почувствовать, гля-

дя на любое из этих изображений, – это исчезновение чего-то, прежде существовавшего. В них и нет ничего иного, кроме следов того, что исчезло» [1, с. 27–28].

В сфере экономики вследствие кризиса перепроизводства происходит «развеществление» продуктов потребления. Отныне человек потребляет не вещи, а знаки, символы определенного социального статуса, престижа. Кроме того, благодаря внедрению серийного производства уничтожается ценность индивидуальности, оригинальности. Описанные В. Беньямином изменения в восприятии художественного произведения в «эпоху его технической воспроизводимости» характерны не только для эстетической сферы, но и для восприятия жизни в целом.

В политической сфере происходит разрыв между политикой и управлением. Политика начинает превращаться в «шоу-политику», театрализованную, занимающуюся не столько управлением страной, сколько набиранием очков на предвыборных кампаниях. Кроме того, виртуализируется и сама власть, которая в мире тотальной глобализации больше не может управлять, регулировать, контролировать циркуляцию денег, выпуск и содержание периодических изданий, личную жизнь сограждан.

В философском дискурсе появляются иные модели субъективности – «ризоматичная», «перформативная», «цитатная», «эксцентричная», «трансгрессивная». После «смерти» субъекта как подлежащего, стягивающего на себе бытие, он воскресает в образах «машины желания», «номады-кочевника», «киборга», «квир-субъекта».

Номадическая субъективность разрабатывается в работах Ж. Делеза. Делез ставит на место классического субъекта «номадическую сингулярность» – «кочующую» единичность, противостоящую репрезентационным теориям, которые выступают служителями порядка и официальных институтов. «Оседлая» западная культура, с точки зрения которой до сих пор писалась история, по Делезу, должна быть заменена культурой кочевой, что в философском плане означает замену «структуры» – «ризомой» (корневище, термин взятый из биологии). Если образом мира человека Нового времени можно назвать «дерево», укорененное в действительности, имеющее четкую структуру, «верх» и «низ», то образом мира в сознании современного человека становится ризома, грибница, ли-

шенная центра, структуры, рациональной организации, каждая отдельная точка которой может быть связана с любой другой. Как пишут Делез и Гваттари, внедрившие в постмодернистскую теорию сам термин «ризом», у ризомы «нет ни начала, ни конца, только середина, из которой она растет и выходит за ее пределы. <...> Ризома антигенеалогична. Это короткая память, точнее, это антипамять. Ризома развивается, варьируя, завоеывая, схватывая, внедряясь» [4, с. 27]. Ризома не имеет не только семантического центра, но и единого кода, который мог бы оказывать центрирующее действие.

Р. Брайдотти разрабатывает делезовскую теорию номадности для обозначения женской субъективности как децентрированной. Брайдотти противопоставляет образ номады образам мигранта и изгнанника. «Быть номадой не означает бездомности или насильственного перемещения; это скорее фигуральное выражение такого типа субъекта, что оставил всякую идею, желание или ностальгию по закреплённости. Такая фигурация отражает желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему» [2, с. 145].

Расширение влияния электронных технологий, которые проникают во все сферы жизнедеятельности человека, приводят к сложности отделения человеческого от технологического. Д. Харауэй предлагает теорию «кибер-субъективности» как гибридного проекта, своеобразный миф о киборгах. Киборг – полуживотное, полумашина – локализуется в мире, где границы между животным, человеком и машиной проницаемы либо прорваны. «Киборг – создание постгендерного мира; он не имеет ничего общего с бисексуальностью, предэдиповским симбиозом, неотчужденным трудом или прочими соблазнами органической целостности, достигаемой окончательным собиранием всех сил, всех частей в некое высшее единство» [10, с. 325]. Образ киборга, воплощенный изначально в литературе и кино-фантастике, сегодня выходит за пределы этих жанров и становится образом человека, повсеместно вплетенного в электронные коммуникативные сети.

Конституирование субъективности сопряжено с телесными практиками и прежде всего с сексуальностью. Эмансипация субъекта приводит к манифестации кроме гетеросексуальной множества трансгрессивных или экс-центричных сексуальных идентичностей. Трансгрессия, прежде всего, конструирование субъективности из

цитат обоих порядков кодирования – мужского и женского – преодоление культурных ограничений, навязанных телу. «Американский феминистский теоретик Тереза де Лауретис первой использовала ставший затем широко применимым термин квир-идентичности («странная», «экс-центричная») с целью артикуляции более сложного понимания женской гомосексуальности в ее пересечениях с социальными и субъективными формами фантазма, идентификации и желания. Затем этот термин стал использоваться не только для описания структур гомосексуальных (мужских и женских) идентичностей, но и других типов современных идентичностей, не укладывающихся в рамки традиционной гендерной дихотомии» [5, с. 64].

Производство субъективности, ее конструирование происходит в культурном и социальном поле. Субъект задается и определяется властными отношениями в дискурсивных практиках. Однако вместе с постулированием внешней детерминации субъекта, теоретики осмысливают стратегии сопротивления властным структурам и консьюмеристской направленности современной культуры. Эти стратегии находят свое воплощение в образе индивида как «шизо» – «деконструированного субъекта», который порождает себя как свободного человека, лишённого ответственности, одинокого и радостного, способного, наконец, сказать и сделать нечто просто от своего имени: это желание, не испытывающее ни в чем нужды, поток, преодолевающий барьеры и коды» [6, с. 112].

Еще одна практика сопротивления была предложена теоретиками Ситуационистского Интернационала. Целью данного художественно-политического сообщества было преодоление границ, разделяющих искусство и жизнь, преобразование жизни в художественно-творческом акте игры. Игра со смыслами существующей системы приводит к сбоям в ней и подрывает ее основы. Самой знаменитой методикой Интернационала было так называемое «*detournement*», то есть, использование уже созданных культурных объектов, которые при изменении контекста приобретали противоположный, деконструированный смысл.

Таким образом, завершение проекта модерна в европейской культуре и переход к постмодернистскому состоянию ознаменован коренными трансформациями статуса субъекта в культуре. Актуальные субъективности конструируются и манифестируют себя в

визуальных практиках, которые составляют ядро современной культуры.

Использованная литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр Ж.– М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

2. Брайдотти Р. Путем номадизма / Р. Брайдотти // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 136–163.

3. Дебор Г. Общество спектакля [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.anthropology.ru/library/DDR1.htm> (дата обращения: 02.04.2012).

4. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов / Сост. А.Р. Усманова. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 6 – 31.

5. Жеребкина И. Феминистская теория 1990-х гг.: проблематизация женской субъективности / И. Жеребкина // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 49–79.

6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 254 с.

7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна – М.: «Институт экспериментальной социологии»; С-Пб.: «Алетейя», 1998. – 160 с.

8. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований / А. Усманова // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 427–465.

9. Фуко М. История сексуальности. Забота о себе / М. Фуко. – Киев, М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.

10. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Д. Харауэй // Гендерная теория и искусство. Антология 1970–2000 / Под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – С. 322–369.

БЕЛАРУСЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX в.

Киселева С.А., ст. преподаватель
Логовая Е.С., канд. философ. наук, доцент

1812 год. Война с армией Наполеона. И в этой гуще событий краткая информация: будущий дипломат и писатель Александр Сергеевич Грибоедов, молодой человек, вступает вместе с другими в гусарский полк, который располагался в г. Брест-Литовске. Он не просто несет походную службу, а тщательно, серьезно изучает жизнь и быт белорусского крестьянства.

Здесь же, на белорусских землях, начинается первый литературный опыт А. Грибоедова: он пишет о победе в Отечественной войне, которую его полк встретил в г. Брест. Его стихи и проза стали звучать в Санкт-Петербургском журнале «Вестник Европы».

Драгунский полк, где он служил, менял дислокацию – Могилев, Слоним – и Грибоедов пишет об этих местах, о том, что удивляет его в народе: о патриотизме и самопожертвовании.

Автор в будущем знаменитой комедии «Горе от ума» еще в 1815 г. в Бресте создал свою первую комедию «Молодые супруги». В ней отражено наблюдение А.С. Грибоедова традиций, музыкальной культуры жителей белорусской «глубинки». И еще один «белорусский след» в биографии А. Грибоедова – его дружба с декабристами и участие в их деятельности, а впоследствии в их судьбе. Он поддерживал тесные связи с членами Гродненского и Белостокского отделений Общества военных друзей Степаном Бегичевым, Александром Одоевским, Феликсом и Каролом Ордынскими.

В марте 1816 г. Грибоедов уезжает из Бреста. Но его творческие, культурные связи с белорусской землей на этом не закончились. Об этом свидетельствует дружба Грибоедова с гомельским графом Иваном Паскевичем. И поныне в музее г. Гомель хранятся картины В.И. Мошкова, написанные в 30-е гг. XIX в., где эти два деятеля русской политики и культуры изображены вместе. Свидетельством их дружбы стал и авторский рукописный вариант комедии «Горе от ума», который Паскевичи когда-то привезли в Гомельское имение.

С белорусскими землями тесно переплелась судьба многих не только рядовых участников декабристского движения, но и их ли-

дерев. В этом списке имена Федора Глинки, Павла Каховского, Кондратия Рылеева и других.

Ф. Глинка стал одним из организаторов Союза Спасения, Союза Благоденствия, а его «Письма русского офицера» дают возможность узнать много нового о Беларуси начала XIX в. Города Борисов, Березино, Гродно, Вильно, Бельнич, Пинск, Несвиж, Минск – путь следования Ф. Глинки с войсками. И описание всего увиденного – разрухи, руин, участия французских военнопленных в восстановлении белорусских городов – глазами очевидца: «Проедешь Оршу, Дубровну, Борисов, Минск и ничего не заметишь, кроме бедности в народе и повсеместного разорения» [1].

Эти наблюдения, заметки об экономике, жизни простого народа, сострадание к нему нашли отражение в программных документах движения декабристов, судьба которых оказалась связанной с Беларусью.

Как и многие другие, К. Рылеев участвовал в заграничном походе русской армии. В середине 1814 г. он со своим полком был переведен в м. Столовичи Гродненской губернии.

Поэтический талант К. Рылеева в это время был представлен известным произведением «Рогнеда». Сама тема, персонажи и описание природы восстанавливают яркие эпизоды из истории белорусских земель. В спорах о судьбе Российской империи и народов, ее населявших, К. Рылеев высказывал мнение, что не только поляки, но и другие народности в пределах Российской империи борются за свою свободу, определял границы независимой Польши по этническому, а не политическому принципу: «Границы Польши начинаются там, где кончаются наречия малороссийское и русское или по-польски хлопское» [2].

Свободолюбивые настроения в армии российский император пытался подавить путем передислокации военных гарнизонов на западные окраины империи, одновременно устраивая своеобразный смотр сил, предназначенных для устрашения революционных настроений в Европе.

Но именно здесь, на белорусских землях, и набирало свою силу недовольство властью, возникали и активно действовали тайные сообщества военных. Они не только спорили и планировали будущее переустройство России, но и немало делали для оказания по-

мощи белорусским крестьянам, пережившим войну, разорение, неурожай, эпидемии, собирали средства, раздавали деньги.

В свои 24 года А. Бестужев принял активное участие в декабристском движении. Более того, он изучал, живя в Выгоничах (недалеко от Минска), деревенские поверья, обычаи, сказки, песни, белорусский и польский языки. Но многим планам не суждено было сбыться. Сенатская площадь, арест, ссылка. Он разжалован и сослан на Кавказ, где и погиб.

Есть еще одна «страница» белорусской истории декабристов. Ее начало связано с датой 24 декабря 1825 г. В этот день Литовский корпус отказался присягать на верность новому царю Николаю I. Результатом этих действий стал арест командиров рот К. Игельстрема, А. Вегелина и шляхтича М. Рукевича.

Сохранились материалы следственной комиссии, показывающие все нюансы и хитрости сыска. Поскольку многие «крамольные» письма, документы родственники арестованных сумели уничтожить, процесс проходил главным образом на основании показаний предателей. В это время власти ищут беглого Вильгельма Кюхельбекера. Его приютили в Беларуси – сначала в Орше, затем в Минске, Слониме. Но побег не удался и он был арестован уже в Варшаве. Руководители Общества военных друзей были отправлены в ссылку в г. Чита.

Родившись в 1814 г., М.Ю. Лермонтов, пройдя свой путь и став писателем, обратился к событиям 1812 г. уже как к истории. На это оказали влияние семейные предания. Отец поэта принимал участие в военной компании и так же, как тысячи других прошел по белорусским городам и селам. Воевали братья его бабушки, принявшие участие в боях за Витебск. Все собранные им материалы, свои впечатления Лермонтов отразил в поэме «Литвинка» (1832). Она повествует об исторических событиях времен войн Великого княжества Литовского и Московского государства, о любви, предательстве. Главными героями поэмы были литвинка Клара и воин Арсений. Все события, представленные в поэме – это события белорусской истории, тесно переплетенные с событиями, касающимися Великого княжества Литовского в целом.

Вторая поэма М.Ю. Лермонтова «Боярин Орша» (1835), также отразила историю ВКЛ и Московского царства. Эта поэма – свидетельство и итог исследований Лермонтовым исторических событий

XVI в., войн и сражений этого времени: под Полоцком, под Оршей, на р. Улла. Не только памятниками белорусской истории стали эти поэмы Лермонтова, но и свидетельства изучения им народного белорусского фольклора.

С историей белорусских земель связана жизнь еще одного классика русской литературы – Дениса Ивановича Фонвизина. Его служба проходила во времена правления Екатерины II. В свое время Д.И. Фонвизин, благодаря протекции графа Никиты Ивановича Панина, получил должность секретаря Коллегии иностранных дел. Эта должность оказалась связанной с командировками в западные страны. Поскольку во время жизни Фонвизина главным транспортным средством служили кареты, то его поездки позволяли путешествовать с востока на запад через присоединенные после раздела Речи Посполитой земли. Это и была территория белорусских земель. Будучи не только чиновником государственной службы, но и писателем, Д.И. Фонвизин записывал все свои наблюдения. Он вел путевые записки и дневники. Все это пригодилось для создания его знаменитых произведений «Недоросль», «Выбор гувернера» и других.

Много впечатлений о «западных» землях Фонвизин записал во время своей поездки во Францию в качестве представителя посольства Российской империи. Путь его посольской кареты проходил через Оршу, Толочин, Минск, Мир и многие другие города, местечки и деревни Беларуси.

На основании архивных документов известно, что Д.И. Фонвизин получил в подарок от графа Панина за безупречную службу поместье на белорусских землях. В свою очередь, эти земли графу Панину передала в дар Екатерина II. Часть их и составили собственность Д.И. Фонвизина. В прежние времена эти поместья (131 деревня) и крестьяне имели другого хозяина. Им был магнат, виленский воевода Кароль Радзивилл, отказавшийся присягнуть на верность Екатерине II и уехавший за границу. Документы сохранили и названия полученных Фонвизиним деревень – Лисно и Рыково. После многочисленных разделов губерний, волостей, областей в наше время д. Рыково (Руково) находится на территории России в Псковской области. Село Лисно располагается ныне в Витебской области.

Скандалной эта история подаренных земель с сотнями крестьян становится с того времени, когда Д.И. Фонвизин, испытывая де-

нежные затруднения и недостаток времени, сдал их в аренду. В течение последующих четырнадцати лет было все: суды, хождения по инстанциям, поскольку арендатор Медем не только отказывался платить семье Фонвизиных за аренду, но и пытался отсудить арендуемые земли в свою собственность. Итогов этого длительного судебного процесса Д.И. Фонвизин так и не дождался, оставив после смерти вопросы наследства своим адвокатам и наследникам.

Однако не этот факт из биографии Д.И. Фонвизина является главным. Для истории белорусских земель более ценным в культурном плане остается то обстоятельство, что, читая произведения Д.И. Фонвизина, мы больше узнаем о жизни белорусской деревни и ее крестьян, событиях того времени в Беларуси и России, во всем их разнообразии и противоречии.

Особо история Беларуси представлена в творчестве еще одного знаменитого писателя России Николая Васильевича Гоголя. Многим он известен как автор «Мертвых душ», но очень немногие знают следующий факт его биографии: Н.В. Гоголь работал адъюнктом на кафедре истории в Санкт-Петербургском университете. Именно здесь зародился его интерес к истории средних веков. Он изучал жизнь кривичей, дреговичей и родимичей, славянскую мифологию, все то, что касалось как жизни простых людей, так и знаменитых личностей белорусской истории. В его заметках можно прочитать о князьях Всеславе, Изяславе, Мстиславе.

Однако в силу ряда причин через полтора года Гоголь оставил педагогическую работу, но это не уменьшило его интереса к белорусскому прошлому. Найденные им материалы использованы при создании «Истории Малороссии». Он обратил внимание на сходство во многом судеб белорусского и украинского народов, их взаимную поддержку в борьбе за свободу, свою независимость, свое государство.

Замыслы Гоголя были разнообразными и весьма необычными: воплотить все многообразие собранного им исторического материала в различных исследованиях: «Живая география России», «Народная ботаника». В них и других его трудах помещены интересные данные о земледельческих, календарных обрядах белорусов. Так появились «Земледельческие праздники». То описание белорусского дня поминовения – «дзяды», которое дает Н.В. Гоголь, достойно не только прочтения, но и знания всеми исследователями

белорусской культуры, настолько оно детально и подробно. «Вместе с Дедами или большими осенинами в Минской и смежных губерниях отправляют 6-го ноября прикладыны, т.е. обкладывание могил дерном» [3].

Самым шумевшим в 1845 г. в Российской империи стало «мозырское дело». Именно его и все, что писали о нем в печати, внимательно изучал Н.В. Гоголь. В это время он работал над вторым томом «Мертвых душ». Дело это находилось под личным контролем Николая I. Связано оно с группой чиновников и военных – более 20 человек. Они разработали аферу с залогом, куплей и продажей не существующих земель: подлоги, взятки, подкуп, шантаж, фальшивые документы. В результате эта группа присвоила себе миллионы рублей. Чем не новый, более масштабный сюжет очередного произведения?

Отечественная война 1812 г. и события, последовавшие за ней на территории Российской империи, произвели переворот в духовной жизни общества. Эти перемены стали частью деятельности русских революционных демократов. Их имена сохранила история: Александр Герцен и Николай Добролюбов, Виссарион Белинский и Николай Чернышевский, их многочисленные последователи. Главным смыслом их жизни и творчества стала борьба за свободу народов и основанный на такой свободе, а не угнетении, союз. Власти вписывали имена таких людей в списки неблагонадежных лиц, пытались контролировать каждый их шаг, судили и ссылали их на каторгу.

Даже в такой сфере деятельности, как педагогика, В. Белинский пропагандирует идеи о просвещении народа, о личности учителя: «...с званием учителя соединяются великие обязанности, для успешного выполнения которых требуется много знания, дарования и опытности» [4].

Внимательное исследование литературных произведений, изучение ряда языков позволило Белинскому особо выделить белорусскую «мову», показать ее неверное отождествление с польской, русской или полное ее игнорирование.

«Замечу..., что белорусское наречие совсем не литовское, как многие ошибочно утверждают, и не то, которое было в употреблении письменном в XVI ст.» [4].

Чтобы понять мировоззрение В. Белинского, его точку зрения, в противоположность многим, в отношении индивидуальности белорусского языка и культуры, достаточно внимательно изучить работу «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Центром напряженной духовной жизни интеллигенции были журналы «Отечественные записки», «Современник». Во многих номерах можно встретить статьи Н.Г. Чернышевского.

Особая значимость работ Чернышевского связана с его пониманием необходимости научного изучения истории белорусского края с привлечением ученых, специалистов по этнографии и фольклору. Этим объясняются многочисленные публикации в журнале «Современник». На протяжении многих номеров в этом журнале публиковались статьи о музыке, сказаниях, быте белорусской глубинки. Это было для читателей чем-то новым, неведомым, каким-то откровением: «Главнейшее словесное богатство белорусов состоит в песнях – этих самородных памятниках словесности, которые, несмотря на все изменения и обновления в языке их, живут бессмертием в устах простого народа...», – так писала одна из собирательниц белорусских песен.

В журнале «Современник» работал и еще один представитель социал-демократического движения Н. Добролюбов. У него был свой путь в литературе и свой взгляд на многое в изучении культуры: «...вопрос о характеристике белорусов должен быть скоро разъяснен трудами местных писателей» [6, с. 72]. Главный аспект исследований Н. Добролюбова – прослеживание взаимосвязи фольклора и народа, его создавшего.

В исследованиях писателя А. Некрасова понимание судьбы народа доведено до уровня социального крика и отчаяния. Его образы в знаменитой поэме «Железная дорога» намного точнее и конкретнее, чем многочисленные труды ученых, хотя и не заменяют их. Здесь все, внешние характерные черты белорусов, бесправное положение, трудолюбие, страшный быт на каторжных работах.

О самоуправствах, штрафах, физических наказаниях, издевательствах жандармов писали тогда многие газеты и журналы, прежде всего, на основании официальных докладов ревизоров, а также работавших на строительстве железной дороги служащих. Наступило время сказать свое слово о народах, населявших Российскую империю, а значит, и о белорусах и А. Герцену. С 1857 г. раздался

звон «Колокола» – его журнала. Обращение стать корреспондентами было активно поддержано в белорусской глубинке. Не было города, откуда бы ни присылали писем в редакцию «Колокола». Писали о произволе арендаторов и чиновников, о жестокости карательных операций военных подразделений против крестьян, ждавших и надеявшихся на чудо – получить поддержку властей.

Особое внимание уделил А. Герцен вопросу, который в наши дни назвали бы экологическим, состоянию белорусских лесов и Беловежской пуши. Понимая ценность этого реликтового уголка природы, он призывал обратить внимание на факты уничтожения ценных пород деревьев, убийства редких животных.

Особое участие принимала редакция «Колокола» в судьбе крестьян, публично осуждая произвол и заговор помещиков в решении вопроса об освобождении крестьян после реформы 1861 г. Началась борьба между сторонниками двух систем – общинной и фермерской. В своих статьях корреспонденты отмечали, что решение и последнее слово о выборе было предоставлено не крестьянам, а передано властями на усмотрение помещиков.

Даже в ситуации крестьянских выступлений, которые без судов и следствий подавлялись солдатами и офицерами, отдающими приказы о расстреле, А. Герцен, Н. Огарев не боялись открыто критиковать власть.

Говоря о восстании в январе 1863 г, охватившем земли Польши, Литвы, Беларуси, эти представители демократического движения не побоялись дать анализ причин неудач восставших: «Крестьяне не поднимутся, если им не гарантировать землю... украинский и белорусский народы должны сами решать свою судьбу». Выводы из анализа «отмены» крепостного права сами напоминают акт социального неповиновения, приговор власти, которая даровала «свободу» крестьянам, повсеместно расстреливая и казня «недовольных», приговор армии, солдаты которой получали денежные пособия и награды, расстреливая свой народ.

Имя Федора Михайловича Достоевского известно из школьных программ по литературе. Согласно преданиям, этот русский классический писатель принадлежит к древнему дворянскому роду, связанному с историей Польши, Литвы и Беларуси. Его предки – пинский маршалок П. Достоевский, Д.И. Иртищев. Именно Иртищев получил во владение село Достоево, что стало началом новой фа-

мии и династии. Удивительным образом судьба этой семьи со-единилась с историей Боны Сфорцы, Андрея Курбского, Стефана Батория, событиями принятия Брестской унии, деятельностью католической церкви.

Федор Михайлович Достоевский сохранил особую духовную связь с родными местами и образованными людьми белорусских земель, с которыми он всю жизнь состоял в переписке. Такова же была биография еще одного знаменитого писателя России – графа Льва Николаевича Толстого. Влияние его творчества, авторитета на становление самосознания белорусской интеллигенции нельзя не учитывать, особенно если вспомнить этот период белорусской истории – начало XX в.

Белорусское общество на пути социально-политической борьбы, протеста против любого угнетения – религиозного, национального, сословного, пыталось через Л. Толстого заявить о себе в газетах и журналах Российской империи. Количество писем, приходивших в адрес Л.Н. Толстого, насчитывало тысячи адресатов. Их изучение было частью важной работы писателя. Но и в наше время сохранившаяся переписка – это документальная, пронзительная, подробная история всех уголков белорусского края. Особый интерес представляет анализ вопросов смысла жизни, который одинаково поднимает в своих письмах крестьянин, солдат, учитель.

Они пишут о стремлении к образованию и невозможности его получить; о безнравственной жизни в армии, о том, что деревня пустеет, поскольку люди бегут от тягот, жизненных невзгод. Сотни и сотни судеб, вопросов, которые давали возможность Л.Н. Толстому, опираясь на полученный материал, выступать перед обществом, требуя перемен.

Особым образом событие, происшедшее в городе Гродно, отразило события Первой русской революции, начавшейся в 1905 г. Оно показало состояние дел в армии, которая поднялась на бунт. Среди требований, выдвинутых солдатами гарнизона, был отказ от длительной службы, свобода в возможности учиться, улучшение питания. Солдаты самостоятельно пытались решить все вопросы, которые власти не могли или не хотели решать. Население белорусских земель вместе со всеми вступило в открытый спор с властью. Так начинался двадцатый век.

Свои жизненные пути привели русского поэта Александра Блока в белорусские губернии. Это время, страшное своей жестокостью и еще не предсказуемыми тогда последствиями Первой мировой войны. Оказался он в белорусском городе Лунинец в 1916 г., служил в инженерно-саперных войсках. Блок писал много писем своим родным об этом времени и крае. Эти полесские земли были прифронтовой территорией, где особо явственно проявилась бессмысленность, ненужность многих действий властей. Занимаясь множеством дел и бесконечными разъездами по прифронтовым районам, Александр Блок писал об увиденных им разоренных войной имениях, деревнях и не мог не увидеть даже в военных буднях красоты окружавшей его природы.

В сохранившихся воспоминаниях много ценного, описанного глазами не просто очевидца событий. В его словах – голос внимательного писателя, а сами полесские письма дают ценное дополнение к картине войны. Они позволяют по-новому отнестись и понять творчество Александра Блока, которое стало проявлением всех наблюдений семи месяцев пребывания на земле Полесья.

Народная мудрость гласит: «Как тесен мир». Это еще раз осознаешь, стремясь, вновь вернувшись в далекое уже прошлое, понять суть происходящих ныне событий. Этому способствует и обращение к общей истории и судьбе русского и белорусского народов, нашедшее своеобразное подтверждение и отражение в истории русской литературы.

Использованная литература

1. Ревякин А.И. История русской литературы / А.И. Ревякин. – М.: Наука. – 1977. – 153 с.
2. История русской литературы XIX в. / Сб. статей. – М.: 1973 – Т. 1. – 137 с.
3. Мережковский Д.С. Лермонтов: поэт сверхчеловечества; творчество, жизнь и религия / Д.С. Мережковский. – Санкт-Петербург, Просвещение. – 1911. – 170 с.
4. Белинский В. Г. Избранные сочинения /В.Г.Белинский. – Москва: Гос. изд-во худож. литературы. – 1947. – 312 с.
5. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т./ – М.: Советская литература. – 1961–1964. – Т. 3.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БЕСПОМЕСТНОЙ ШЛЯХТЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ В РАЗРЯД ГРАЖДАН 'ОДНОДВОРЦЕВ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1830-1831 гг.

Лепеш О.В., канд. ист. наук, доцент

Проблема преобразования беспоместной шляхты в податные сословия граждан и однодворцев после присоединения белорусских губерний к Российской империи остается в историографии актуальной и в то же время изученной недостаточно полно. Наибольший вклад в освещение данной проблемы внес советский историк В.И. Неупокоев [1]. Из числа последних отечественных исследований, в которых затронута эта проблем, следует отметить труды белорусских историков В.А. Сосно, С.Л. Луговцовой, Г.Н. Тумилович. В частности, в работе В.А. Сосно [2] дается характеристика граждан и однодворцев, подводятся итоги переселенческой политики после восстания 1830–1831 гг. Диссертационные исследования С.Л. Луговцовой [3] и Г.Н. Тумилович [4], посвященные политике российского правительства в Беларуси по отношению к дворянству в первой половине XIX в., содержат некоторую информацию о гражданах и однодворцах западных губерний. Однако в них не рассматриваются система управления однодворцами, особенности налогообложения, как граждан, так и однодворцев, правительственная программа переселения выше названных сословий во внутренние губернии Российской империи.

При подготовке данной статьи автором в основном были использованы архивные источники – журналы заседаний Комитета западных губерний, высшего территориального комитета по управлению западными, в том числе, и белорусскими губерниями в 1831 – 1848 гг., делопроизводственные документы из канцелярий губернаторов и генерал-губернаторов белорусских губерний, а также законодательные акты из Полного собрания законов Российской империи (собрание второе).

Граждане и однодворцы как отдельные категории податного населения появились в Беларуси в результате политики российского правительства, называемой «разбором» шляхты. Сущность ее сводилась к исключению преимущественно мелкой шляхты из дворянства в случае отсутствия определенных документов, подтверждающих шляхетское достоинство, и переводу ее в непривилегированные сословия. Если до восстания 1830–1831 гг. политика «разбора»

шляхты имела вялотекущий характер, то после событий 1830–1831 гг. этот процесс стал более динамичным. В 1831 г. был издан указ «О разборе шляхты в Западных губерниях и об устройстве сего рода людей» [5], согласно которому все не доказавшие своего дворянского происхождения делились на две группы по месту жительства: сельских (однودворцы) и городских (граждане) обывателей. Однودворцы могли быть оседлыми и неоседлыми. Граждане в случае занятия их какими-либо науками могли иметь звание почётных. Почётные граждане освобождались от подушного налога, рекрутского призыва в армию при условии внесения определенной денежной суммы, телесного наказания, имели право участвовать в городских выборах, но были лишены возможности служить в государственных учреждениях.

Основными повинностями для однودворцев и граждан стал земский сбор, денежный сбор на содержание войск (подымный сбор), а также воинская повинность. Земский сбор оседлые граждане и однودворцы платили с дыма в тройном размере по сравнению с крестьянами, а неоседлые и одинокие – наравне с крестьянами. Подымный сбор должен был составлять 3 рубля серебром (далее – руб. сер.) с каждого дыма для однودворцев, живших на собственных землях, 2 руб. сер. для однودворцев, живших на казённых или помещичьих землях и для оседлых граждан, 1 руб. сер. для одиноких и неоседлых. Рекрутский набор предполагалось производить с 500 душ по 10 человек. Военной службе подлежали, в первую очередь, люди неоседлые, не имевшие постоянных занятий, известные праздной жизнью. Только почётные граждане могли получить освобождение от воинской повинности взамен на особый денежный сбор в 1 тыс. руб. ассигнациями (далее – руб. асс.) за каждого человека. С 1 января 1839 г. однودворцы, а позже и граждане западных губерний, стали облагаться сверх существовавших ещё винной пошлиной по 2 руб. асс. с души (мужского пола) [6].

Насущной проблемой для российского правительства стал вопрос об организации управления однودворцами. В 1834 г. Николай I утвердил на три года «Положение о порядке внутреннего полицейского и хозяйственного управления в селениях западных однودворцев» [7], в котором чётко определялась система управления однودворцами. В соответствии с этим положением Казённая палата с разрешения губернатора формировала общества однودворцев по

100 семейств. В каждом таком обществе учреждались общественное собрание, в состав которого входили мужчины не моложе 21 года. Для управления общественное собрание однодворцев избирало из особо благонадёжных людей на три года старшину, смотрителя и писаря, которые утверждались и увольнялись Казенной палатой по представлению земского суда и с согласия губернатора. Глава администрации однодворцев выполнял фискальные функции: наблюдал за выполнением обязанностей членами своего общества, следил за соблюдением в селениях порядка. Член однодворческого общества мог покидать постоянное место жительства на 2 недели, а в случае его отъезда на более длительный срок и свыше 30 вёрст он обязан был получить паспорт. Общественные собрания собиравались старшиной, но периодичность их проведения четко не оговаривалась. Основные вопросы, обсуждаемые на таком собрании, касались выборов начальства, распределения повинностей, ознакомления с отчётами по хозяйственному управлению, представляемых старшиной и смотрителем, совещаний об общественных нуждах. Решения принимались большинством голосов (не менее 2/3). Присутствие на собрании носило обязательный характер. За неявку без уважительной причины налагался штраф в 3 руб., а за нарушение порядка виновный лишался права участвовать в общественном управлении и облагался двухрублёвым штрафом. Таким образом, такая система управления являлась дополнительным звеном в правительственном административно-полицейском аппарате, облегчавшим властям осуществление управления этой категорией населения в западных губерниях, средством сбора налогов и контроля за выполнением повинностей, комплектования армии точно так же, как и администрация удельных и государственных крестьян в центральных губерниях.

Однако, несмотря на такую, казалось бы, четко структурированную схему по управлению однодворцами, к началу 1840-х гг. в однодворческих обществах возникли значительные проблемы, связанные с различными аспектами их деятельности. В декабре 1841 г. в правительстве обсуждалось заключение специальной комиссии, рассмотревшей все отзывы губернаторов и генерал-губернаторов по поводу утверждённого в 1834 г. на 3 года положения об однодворцах. Например, в отчёте о функционировании однодворческих обществ, составленном витебским губернатором

П.П. Львовым, говорилось о невыполнении однодворцами рекрутской повинности, неспособности земской полиции следить за перемещениями этого сословия, об огромных недоимках, числившихся за ними. Например, относительно взимания подымного сбора говорилось, что в 1834 г. он должен был составить по Витебской губернии 2961 руб. сер., а фактически однодворцы внесли в казну лишь 194 руб. сер. В 1835 г. этот же сбор должен был равняться 2811 руб. сер, а реально составил 350 руб. 50 коп. сер. В 1836 г. ситуация не улучшилась: по подсчётам, подымный сбор должен был увеличить казенные доходы на 2829 руб. 50 коп. сер., из которых было внесено однодворцами только 330 руб. 50 коп. сер. Таким образом, за однодворцами Витебской губернии числилась недостача в 5515 руб. 75 коп. сер. [8]. Министр государственных имуществ П.Д. Киселёв, проанализировав ситуацию, пришёл к выводу, что однодворческие общества «не имеют никакого сосредоточенного управления; денежные повинности ... почти не поступают в казну, а натуральные исполняются только при особенном усилении местного начальства, но главнейший недостаток ...состоит в том, что они не достигают цели учредить коренное устройство хозяйственного быта однодворцев» [9]. П.Д. Киселев твёрдо решил передать однодворцев, живших на общественных, собственных и помещичьих землях, Министерству внутренних дел, а в Министерстве государственных имуществ оставить лишь тех, которые проживали на казенных. Он обосновал свое намерение тем, что таким образом удастся расколоть сословие однодворцев и незаметно сравнять их с другими податными состояниями.

Вопрос о пересмотре Положения от 14 января 1834 г. был окончательно решён после утверждения закона 15 декабря 1841 г. «Об устройстве быта однодворцев западных губерний, живущих на казённых землях» [10]. В нём проводилась резкая грань между однодворцами государственной и помещичьей деревни. Первым гарантировалось право на надел, льготные условия нормирования ренты, уменьшение рекрутской обязанности и фактическое уравнение с крестьянами в податях (платили вместо подушного только подымный сбор); вторые оставались на положении мелких арендаторов «по словесным договорам», не подлежащих нормированию и контролю со стороны властей. В 1846 г. произошло окончательное разделение однодворцев между министерствами: однодворцев,

живших на казенных, собственных, общественных землях и всех неоседлых, подчинили ведомству Министерства государственных имуществ, а однодворцев, живших на помещичьих землях – Министерству внутренних дел [11].

Разрешение проблемы по управлению однодворцами и гражданами западных губерний лишь усилило стремление правительства к дальнейшему осуществлению политики «разбора». 1 августа 1857 г. вышел указ об уравнивании с крестьянами и горожанами всех неутверждённых в дворянстве. Согласно этому указу, оседлые однодворцы, жившие на казённых землях, причислялись к обществам государственных крестьян по месту жительства; однодворцы, имевшие собственную землю, – к государственным крестьянам на собственных землях; жившие в городах – к городским обывателям; жившие на помещичьих землях – к разряду вольных людей. Неоседлые однодворцы могли приписываться по желанию либо к городским сословиям, либо к государственным крестьянам [12]. Окончательный процесс слияния однодворцев с крестьянством завершился после принятия закона 19 февраля 1868 г. «О введении однодворцев и граждан западных губерний в общий состав сельских и городских обывателей» [13]. Однодворцы приписывались к волостям по месту жительства. Имевшие наделы в государственной деревне зачислялись в разряд крестьян-собственников. В местах общего поселения из однодворцев создавались отдельные общества.

Проводя политику «разбора» шляхты, правительство ставило целью очищение края от неблагонадежных элементов. Поэтому одним из направлений этой политики стал процесс переселения однодворцев и граждан западных губерний во внутренние губернии Российской империи с последующим слиянием с государственными крестьянами. Первоначально идея о переселении 5 тыс. лиц из числа бывшей шляхты преимущественно из Подольской губернии на Кавказ возникла у императора. Уже 25 марта 1832 г. российскими властями были утверждены правила для переселения граждан и однодворцев «Западного края» на свободные казённые земли Кавказского региона, Саратовской и Оренбургской губерний [14]. К переселению допускались лишь те, кто отличался способностью к занятиям земледелием, добропорядочным поведением и не имел задолженностей по выплате налогов. Отбором переселенцев занимались губернаторы. Чтобы стимулировать местных жителей к переезду на

новое место, им гарантировался ряд льгот. Во-первых, они получали в частное пользование землю в размере 50 десятин на каждую семью. Во-вторых, они освобождались от выплаты определённых повинностей: на 5 лет от подымных и земских повинностей, на 3 года – от натуральных земских, на 5 лет – от рекрутчины, а по прошествии этого срока на протяжении 3 лет выполняли её на четверть, на 6 лет – от воинского постоя и взноса хлеба в сельские запасные магазины. В-третьих, тем, кто соглашался покинуть родные места, списывались все задолженности и гарантировались денежные дотации на путевые издержки в размере 50 руб., на постройку дома в размере от 50 до 100 руб. (в зависимости от того, есть ли поблизости лесные массивы), а также переселенцы обеспечивались первоначальным запасом семян для посева.

Однако итоги этой переселенческой политики были более чем скромные. Так, по донесению подольского губернатора Ф.П. Лукьяновского, в 1833 г. добровольное желание на переселение дали лишь 23 семьи (49 муж. и 46 жен.), отличавшиеся нравственным поведением. 12 семей (31 муж. и 25 жен.), подавших прошения о переезде, считались подозрительными и неблагонадёжными, а остальные 312 (875 муж. и 745 жен.) семей вообще являлись государственными преступниками: пьяницы, воры, бродяги, контрабандисты. Естественно, такой ход дела совсем не соответствовал целям российских властей. Поэтому правительство решило, что едва ли эти 23 семьи заслуживают забот и издержек на перемещение и заселение их на пустующие Кавказские земли, в итоге была вынесена следующая резолюция: «настоятельной необходимости в исполнении меры сей теперь же не представляется» [15]. Император Николай I надеялся, что желающие переселиться появятся, если им обещать больше каких-либо льгот и денежных дотаций. Министр финансов Е.Ф. Канкрин согласился лишь удвоить денежное пособие, то есть, переселявшиеся могли теперь получить 100 руб. на путевые издержки и от 100 до 200 руб. на обустройство по прибытии на новые земли. Тем не менее, и это не явилось стимулом для переселения на новые места. Однодворцы предпочитали «льготам» в отдалённых местах борьбу за лучшее хозяйственное устройство и за возвращение им шляхетских вольностей.

По подсчётам В.И. Неупокоева, всего до 1855 г. из западных губерний было переселено 10 744 души однодворцев мужского по-

ла, что составляло только 9% их общего состава [16]. В.А. Сосно приводит другую цифру. По его данным, к концу 1850 г. на казённых землях оказалось 12 948 переселённых западных однодворцев мужского пола [17].

Таким образом, восстание 1830–1831 гг. привело к существенным изменениям в сословной политике российского правительства на территории западных губерний. Политика «разбора» шляхты, являясь последовательной общеимперской политикой по очистке высшего сословия от чужеродных элементов, привела всех, не доказавших своего дворянского происхождения, к преобразованию их в граждан и однодворцев, что означало их фактическое уравнение с податными сословиями. Это позволило правительству решить две задачи. Во-первых, уничтожить все чаяния мелкой шляхты на возможность восстановления своих прав на дворянство и, во-вторых, увеличить государственные доходы за счёт выполняемых податей новыми податными категориями населения. В 30-40-х гг. XIX в. российское правительство активно занималось оформлением юридического статуса сословия западных граждан и однодворцев, разрабатывало порядок управления однодворцами, стремилось осуществить массовое переселение однодворцев западных губерний во внутренние губернии Российской империи.

Использованная литература

1. Неупокоев, В.И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан / В.И. Неупокоев // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Сб. ст. / Ред. коллегия: М.В. Нечкина (отв. ред.) [и др.] – М.: «Наука», 1974. – Т. 4. – С. 3–23.

2. Сосна, У.А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX стст. / У.А. Сосна. – Мінск: БДУ, 2000. – 115 с.

3. Луговцова, С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Л. Луговцова. – Минск., 1999. – 134 с.

4. Тумилович Г.Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г.Н. Тумилович. – Минск, 1995. – 165 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе: В 55 т. – С.-Пб.: Тип. II отд. Собств. Его имп. Вел. Канцел., 1830–1884 гг. – Т. VI. Отд. 2, № 4869.

6. Там же. Т. XIII. Отд. 1. № 11083. Т. IX. Отд. 1. № 7249. Т. XIV. Отд. 1. № 12001.

7. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1266. – Д. – 12. Журнал Комитета западных губерний 1833 г. – Л. 325–367.

8. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 7384. О представлении в Министерство государственных имуществ сведений о действии в Витебской губернии положения об однодворцах западных губерний России. – Л. 7.

9. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Фонд 1266.– Д. – 28. Журнал Комитета западных губерний 1841 г. – Л. 318 об.

10. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе: В 55 т. – СПб.: Тип. II отд. Собств. Его мп. Вел. Канцел., 1830–1884 гг. – Т. XVI. Отд. 2. № 15121.

11. Там же. Т. XXI. Отд. 1. № 19848.

12. Там же. Т. XXXII. Отд. 1. № 32000.

13. Там же. Т. XLIII. Отд. 1. № 45505.

14. Там же. Т. VII. № 5249, 5250.

15. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1266. – Д. 12. Журнал Комитета западных губерний 1833 г. – Л. 185 об.

16. Неупокоев, В.И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан / В.И. Неупокоев // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Сб. ст. / Ред. коллегия: М. В. Нечкина (отв. ред.) [и др.] – М.: «Наука», 1974. – Т. 4. – С. 19.

17. Сосна, У.А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX стст. / У.А. Сосна. – Мінск: БДУ, 2000. – С. 98.

ЧЫЛІЙСКІ БЕЛАРУС ІГНАТ ДАМЕЙКА

Лойка Т.В., канд. гіст. навук, дацэнт

Беларуская земля дала свету шмат славурых імёнаў. Адным з самых знакамітых з іх з'яўляецца імя нашага земляка Ігната Іпалітавіча Дамейкі. Ён адносіўся да той хвалі палітычных эмігрантаў, якія выказвалі свой пратэст супраць падзелаў і пазбаўлення дзяржаўнасці федэратыўнай Рэчы Паспалітай. Для іх найбольш запатрабаваным быў заходні накірунак. Але ніводзін з нашых суайчыннікаў не дасягнуў на чужыне такіх поспехаў, як Ігнат Дамейка. Ён пакінуў прыкметны след у самых розных галінах чалавечых ведаў: мінералогіі і фізіцы, хіміі і металургіі, геаграфіі і батаніцы, геалогіі і заалогіі, этнаграфіі і педагогіцы. Яго пяру належаць больш за сто трыццаць навуковых прац, якія выдаваліся на французскай, нямецкай, польскай, рускай, англійскай і іспанскай мовах. Найбольш – на іспанскай, бо большую частку жыцця яму давалося правесці ў далёкай паўднёваамерыканскай краіне Чылі.

Нарадзіўся будучы вучоны 31 ліпеня 1802 г. у маёнтку Мядзведка Навагрудскага павета, цяпер Карэліцкі раён Гродзенскай вобласці. Бацька яго Іпаліт Дамейка быў старшынёй земскага суда ў Навагрудку, а значыць, чалавекам аўтарытэтным і паважаным. Па традыцыі, якая склалася ў тыя часы, Ігнат называў сябе ліцвінам. Але пазней, задумваючыся аб сваім этнічным паходжанні, прапаноўваў называць сябе паўночнарусам, у адрозненне ад украінцаў, якіх называў паўднёварусамі.

Дзяцінства яго прайшло ў беларускай вёсцы на беразе ціхай рачулки Ушы. З 1812 г. пачаў вучыцца ў кляштарскай школе ордэна піяраў у Шчучыне. Там шмат увагі ўдзялялася прыродазнаўчым навукам, былі выдатныя выкладчыкі, добрая бібліятэка, свой батанічны сад і нават мінералагічны музей. Акрамя таго, пытливы хлопец любіў чытаць літаратуру па гісторыі і культуры, займаўся вывучэннем моў. Ужо ў Шчучыне дзесяцігадовы Ігнат дасканала ведаў не толькі беларускую і польскую, а і французскую мо 0

Пасля заканчэння Шчучынскай школы ў 1816 г. Дамейка паступіў у Віленскі ўніверсітэт на фізіка-матэматычны факультэт і быў там адным з самых маладых студэнтаў. У той час Віленскі ўніверсітэт з'яўляўся прэстыжнай вышэйшай навучальнай установай еўрапейскага ўзроўню. Выкладалі там такія выдатныя вучоныя, як Іаахім Лялевель, Лявон Бароўскі, браты Анджэй і Ян Снядзецкія.

Папличнікамі і сябрамі Ігната Дамейкі па вучобе былі Адам Міцкевіч, Ян Чачот, Томаш Зан. Яны ўжо тады адрозніваліся творчай і грамадска-палітычнай актыўнасцю, гуртавалі вакол сябе вольналюбівых і свядомых маладых барацьбітоў. Пад іх уплывам Ігнат Дамейка ўключыўся ў дзейнасць тайнага студэнцкага таварыства філаматаў (аматараў ведаў) пад канспіратыўным іменем Жэгота. Аднак ужо праз год, у 1823 г., царскія ўлады натрапілі на след філаматаў. Таварыства было разгромлена. Каля сотні маладых людзей былі арыштаваны, кінуты ў турмы, сасланы ў Сібір. Ігнату ў пэўным сэнсе "пашанцавала", ён быў высланы пад нагляд паліцыі ў веску Заполле каля Ліды, а затым на Дзятлаўшчыну. Там, у вясковай глухамані Дамейка вымушаны быў займацца гаспадарчымі справамі, рабіў пераклады і нават адкрыў школу для сялянскіх дзяцей і сам вёў у ёй заняткі.

Аднак гэта вясковая высылка не выветрыла яго бунтарскіх настройў. Калі ў лістападзе 1830 г. у Варшаве пачалося паўстанне супраць царскага самадзяржаў'я, якое затым перакінулася на Літву і Беларусь, Дамейка без ваганняў далучыўся да паўстанцаў. Як вядома, паўстанне пацярпела паражэнне. Дамейка вымушаны быў назаўсёды пакінуць радзіму і выехаць на захад, стаўшы эмігрантам на ўсё астатняе жыццё.

У 1832 г. Дамейка разам з Адамам Міцкевічам прыбылі ў Парыж і апынуліся ў самым цэнтры эмігранцкага асяродку. Спачатку Дамейка вёў досыць актыўнае палітычнае жыццё, але з цягам часу яго інтарэсы ўсё больш зрушваліся ў бок навукі. Ён пачаў наведваць лекцыі ў школе горнай справы Сарбонскага ўніверсітэта і ў французскай калегіі, займаўся ў Батанічным садзе, удзельнічаў у геалагічных экспедыцыях.

У 1834 г. Ігнат Іпалітавіч паступіў у вышэйшую горную школу ў Парыжы, якую паспяхова скончыў у 1837 г., атрымаўшы дыплом горнага інжынера. У гэтым жа годзе ён правіў свае грунтоўныя веды па геалогіі, склаўшы геалагічную, гідраграфічную і ландшафтна-гаспадарчую карты былой Рэчы Паспалітай і дасканала пракаменціраваўшы іх. Прафесіяналізм і цікавасць да горнай справы на доўгія гады прадвызначылі яго далейшы лёс.

У хуткім часе Дамейка даведаўся, што ў Чылійскай рэспубліцы, якая зусім нядаўна вызвалілася ад каланіяльнай залежнасці, стварыліся ўмовы для асваення і выкарыстання багатых нацыянальных

рэсурсаў, але не было патрэбных кваліфікаваных кадраў. Ён прыняў прапанову стаць выкладчыкам у адной з навучальных устаноў, дзе рыхтаваліся будучыя спецыялісты горнай справы. У 1838 г. Дамейка аформіў шасцігадовы кантракт на працу ў гэтай далёкай краіне на амерыканскім кантыненте. Малады вучоны нават і не думаў, што праца яго там зацягнецца не на шэсць, а на сорак шэсць гадоў, і што Чылі стане яму другой радзімай.

Шлях у Чылі быў нялёгкім. Пасля доўгага падарожжа праз Атлантычны акіян трэба было яшчэ пераадолець паўтары тысячы кіламетраў праз увесь паўднёваамерыканскі кантынент да чылійскага горада Какімба, што знаходзіўся на беразе Ціхага акіяна ў чатырохстах кіламетрах на поўнач ад чылійскай сталіцы Сант’яга. Нарэшце Дамейка і трыццаць кантэйнераў абсталявання і кніг, якія ён вёз з сабой, безперашкодна дабраліся да месца прызначэння.

Шэсць гадоў у Какімба былі напоўнены напружанай і плённай працай. За кароткі тэрмін Дамейка авалодаў іспанскай мовай і з вялікім энтузіязмам і неверагоднай энэргіяй узяўся за справу. Ён фактычна стварыў горную школу ў Какімба, распрацаваў сістэму навучання і сам чытаў лекцыі па хіміі і мінералогіі. Разам са сваімі навучэнцамі ён праводзіў шматлікія геалагічныя экспедыцыі і ў хуткім часе адкрыў у Чылі багатыя радовішчы карысных выкапняў. Вучоны выявіў залежы невядомага да таго часу альгамату срэбра, які атрымаў назву “аркерыт”, знайшоў радовішчы медзі, золата, каменнага вугалю, адкрыў вялікія сховішчы салетры, якая і сёння з’яўляецца адным з галоўных багаццяў гэтай краіны. Аркерыт Дамейка прапанаваў злучыць з іншымі элементамі, у выніку чаго быў адкрыты новы мінерал, якому навукоўцы далі імя “дамейкіт”. Дамейка прайшоў усю краіну ўздоўж і ўпоперак, шэсць разоў перасякаў цяжкадаступныя Кардыльеры, адкрыў сем новых відаў мінералаў і склаў першую геалагічную карту Чылі. Акрамя таго, Ігнат Дамейка праводзіў розныя навуковыя даследаванні, камплектаваў мінералагічныя калекцыі, заснаваў фізічную лабараторыю, навуковую бібліятэку, склаў заалагічную калекцыю. Вынікі сваіх пошукаў ён адлюстроўваў у сваіх артыкулах не толькі ў чылійскіх, але і ў еўрапейскіх навуковых выданнях, у прыватнасці, у парыжскім горнагеалагічным штогодніку “Annales des Mines”. Вельмі каштоўным было выданне грунтоўнага даследавання “Мінералогія або апісанне асноўных мінералаў Чылі,

Балівіі, Перу і Аргенцінскіх правінцый”, якое атрымала высокую ацэнку ў гэтых лацінаамерыканскіх краінах.

Не менш цікавымі з’яўляюцца і этнаграфічныя даследаванні Ігната Дамейкі. Кожны год падчас канікул ён шмат вандраваў па краіне. Дазнаўшыся, што на поўдні Чылі жыве свабодалюбівы і непакорлівы індзейскі народ араўканцы, ён рушыў у Араўканію. Дамейка дасканала пазнаёміўся з жыццём і побытам тутэйшых абарыгенаў, наладзіў з імі добрыя кантакты. Сваё падарожжа ён апісаў у кнізе “Араўканія і яе жыхары”, якая была перакладзена на многія мовы свету, у тым ліку у 1860 г. выдадзена на польскай мове ў Вільні. Некалькі пазней Дамейка зрабіў яшчэ навуковае падарожжа да дзеючага вулкана Антука і першы ў сусветнай літаратуры яго падрабязна яго апісаў.

У 1843 г. тэрмін кантракта Дамейкі скончыўся і ён мог вярнуцца ў Еўропу. Вучоны зрабіў усё, што было абумоўлена ў кантракце і значна больш таго. За гэтыя шэсць гадоў Дамейка набыў шырокую вядомасць і аўтарытэт. Імя яго ўжо ведалі не толькі ў Чылі, але і далёка за межамі гэтай краіны. Чылійскія ўлады добра разумелі, каго яны страчваюць і не хацелі адпускаяць. Урад Чылі прапанаваў яму пасаду прафесара фізікі і хіміі ў сталічным універсітэце ў Сант’яга. І Дамейка прыняў гэту лёсавызначальную прапанову. Нягледзячы на тое, што ён часта марыў аб роднай Беларусі, сніў родныя беларускія палі і лясы, ён не быў упэўнены, што яго там чакаюць і добра сустрэнуць. Так ужо склаўся лёс Беларусі ў тыя часы, што многія лепшыя яе сыны вымушаны былі працаваць на карысць іншых краін і народаў.

У 1848 г. Ігнат Дамейка атрымаў чылійскае грамадзянства, знайшоў тут свае сямейнае шчасце. У 1850 г. ён ажаніўся на маладой і прыгожай чылійскай дзяўчыне Энрыкет Гюзман де Сатамаер, якая нарадзіла яму дачку і двух сыноў. Утульны дом на ўсходзе Сант’яга на доўгія гады стаў яго надзейным прытулкам.

Менавіта падчас працы ва ўніверсітэце ва ўсёй шырыні і моцы раскрыўся яго талент шматграннага вучонага, даследчыка, арганізатара і рэфарматара чылійскай адукацыі. У 1852 г. ён быў прызначаны кіраўніком дэлегатуры па справах вышэйшай школы і з таго часу актыўна займаўся арганізацыяй адукацыі і навуковых устаноў. Ён распрацаваў праект рэформаў школ і ўніверсітэтаў, падрыхтаваў і некалькі разоў выдаваў свае падручнікі па хіміі, фізіцы і мінерала-

логіі, а таксама сваю капітальную працу “Уводзіны ў прыродазнаўчыя навукі”.

Адначасова Дамейка працягваў займацца навуковымі даследаваннямі. Ён адзін з першых апісаў геалагічную будову самай сухой пустыні свету Атакамы, вывучаў знойдзены там метэарыт. Ён арганізаваў вывучэнне мінералогіі і геалогіі Андаў і Кардыльераў, у гонар яго ланцуг гор і названы “Кардыльера Дамейка”. Ігнат Дамейка арганізаваў у Сант’яга метэаралагічную службу, увёў у Чылі метрычную сістэму вымярэння. Ён удзяляў увагу будаўніцтву шахт і капальняў па здабычы медзі, срэбра і золата. Чылійцы гавараць, што Дамейка першы знайшоў скарбы ў іх зямлі і навучыў імі карыстацца. Дзякуючы яму, горная прамысловасць у Чылі зрабілася вырасальнай і зараз з’яўляецца асновай эканомікі краіны.

У 1866 г. прадстаўнік навуковай эліты Чылі Ігнат Дамейка ўдзельнічаў у сусветнай выстаўцы ў Парыжы, дзе атрымаў залаты медаль за цудоўную калекцыю мінералаў. А ў наступным 1867 г. чылійская грамадскасць выказала яму вялікую пашану – ён аднадушна быў абраны рэктарам Нацыянальнага ўніверсітэта ў Сант’яга. За заслугі перад краінай падчас святкавання трыццацігадовага юбілею навуковай дзейнасці яму было прысвоена званне “Ганаровы грамадзянін Чылі”, з нагоды чаго быў выбіты памятны медаль. Рэктарам нацыянальнага ўніверсітэта Чылі Дамейка перавыбіраўся чатыры разы і працаваў на гэтай пасадзе семнаццаць гадоў, да 1883 г. Пасля звальнення ён атрымаў самую высокую пенсію ў краіне ў 6 тыс. піястраў у год.

У 1884 г. 82-гадовы Ігнат Дамейка вырашыў ўсе ж такі здзейсніць заповітную мару свайго жыцця і наведаць Беларусь. Ён разам са сваімі сынамі прыплыў на параходзе “Брытань” да французскага порта Бардо, а затым цягніком праехаў праз усю Еўропу. Аб яго прыездзе паведамлялі многія газеты і часопісы. У Варшаве Дамейка быў увенчаны лаўровым вянкком з надпісам на стужцы “Сейбіту нацыянальнай чысціні і сумлення сярод чужых народаў.” І вось урэшце праз пяцьдзсят гадоў Дамейка з хваляваннем ступіў на родную зямлю. Пазней ён пісаў: “А што рабілася са мною, калі я ўбачыў першыя хаты, а за імі нашу мядзведскую сядзібу... Амаль плачучы выйшлі мы з экіпажу...”. Ігнат Дамейка наведаў могількі бацькоў і родных, сустрэўся з блізкімі і знаёмымі, якія памяталі яго яшчэ малым хлопчыкам, наведаў Вільню.

На Радзіме Дамейка правёў амаль чатыры гады, дзе, як адзначаў ён, душа адпачывала сярод родных мясцін Бацькаўшчыны. Менавіта тут ён напісаў сваю апошняю і вельмі цікавую кнігу “Маё падарожжа. Успаміны выгнанніка”. Выязджаў адсюль у Парыж, Рым і нават здзейсніў паломніцтва ў Іерусалім. Урэшце ў 1888 г. ён вярнуўся ў Чылі. Гэтага хацелі і яго сыны. З радасцю сустрэлі чылійцы свайго нацыянальнага героя “Дона Ігнасіо”. Усе разумелі, што Дамейка вярнуўся на сваю другую радзіму назаўсёды. Праз два месяцы 23 студзеня 1889 г. Ігнат Дамейка ступіў у бессмяротнасць...

Удзячныя чылійцы свята захоўваюць памяць пра чылійскага беларуса, выдатнага горнага інжынера, вучонага-прыродазнаўца сусветнага маштабу. Ён абвешчаны народным героем Чылі. У Сант’яга яму ўстаноўлены велічны помнік з надпісам “Вялікі Асветнік”, выдадзены яго навуковыя працы ў пяці тамах. Яго імя носіць горад Дамейка, вуліцы ў васьмі гарадах, універсітэт, горны хрыбет, мінерал дамейкіт, адкрытая ім кветка-фіялка дамейкіяна, малюск науцілус дамейкус.... А ўсяго ў свеце налічваецца больш за семдзсят такіх назваў. Мала хто можа параўнацца з ім у гэтым сэнсе. Сын беларускай зямлі сваім талентам, працай, розумам стаў сусветна вядомым чалавекам.

Ведаюць, памятаюць і шануюць славу тага земляка Ігната Іпалітавіча Дамейку і на яго гістарычнай Радзіме ў Беларусі. Яго імя носяць вуліцы ў Мінску, Навагрудку, Лідзе, Крупаве і Дзівце. У Крупаўскай школе адкрыты музей, дзе сабраны каля 500 экспанатаў. У роднай весцы Дамейкі ў яго гонар пасаджана алея, устаноўлены памятны знак з барэльефам асветніка. На месцы родавай сядзібы Дамейкаў у Мядзведцы ўстаноўлены бюст і памятны валун. У Карэлічах традыцыйна праходзяць чытанні, прысвечаныя жыццю і дзейнасці Ігната Дамейкі. У Міры ўстаноўлены надмагільны помнік яго бацьку Іпаліту Дамейку. Пра яго пішуць кнігі і навуковыя артыкулы...

Выкарыстаная літаратура

1. Асіноўскі С. Там, дзе цвіце фіялка дамейкіяна / С. Асіноўскі // *Архівы і справаводства*. – 2010. – № 6 – С. 142–151.
2. *Беларускае замежжа*. Беларускае зарубежжэ. Мінск. Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2010. – 579 с.

3. Грыцкевіч В. Іх змусілі аддаць свой талент іншым землям і народам / В. Грыцкевіч // Беларусь. – 1993. – № 6. – С. 32–33.

4. Мальдзіс, А. З Беларусі да антыподаў / А. Мальдзіс // Маладосць. – 1967. – № 3. – С. 144–148.

5. Мяснікоў, А. Незапатрабаваны Бацькаўшчынай беларус А. Мяснікоў // Полымя. – 2010 – № 7 – С. 166–172.

6. Сітько З. Гражданин Чили, белорус/ З. Сітько // Нёман. – 1989 – № 1, С. 166–168.

7. Мазоўка Н. Дамейка Ігнат Іпалітавіч / Н. Мазоўка // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 202–203..

8. Ярмоленка В. Жыццё Ігната Дамейкі В. Ярмоленка // Крыніца. – 2002.– № 9–10. – С. 177–196.

ГОРОДА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Семенова Л.Н., доктор. ист. наук, профессор

Проблема развития промышленности в эпоху капитализма в XIX – начале XX вв. в Беларуси представляет собой весьма популярную и хорошо изученную тему. Начало ее разработки было положено в Российской империи со становлением статистической службы. В XX в. в исследованиях М.В. Довнар-Запольского [6], З.Е. Абезгауза [1], М.Ф. Болбаса [2], А.М. Лютого [9], В.В. Чепко [12] и др. выполнен институциональный анализ индустриальной динамики в дореформенной и пореформенной Беларуси. Имеющиеся источники и научная литература дают возможность создать полную и детальную картину уровня промышленного развития белорусских земель.

В начале XIX в. аграрное и промышленное развитие белорусских земель было крайне низким. М. Довнар-Запольский отмечал «общую бледность хозяйственной жизни» этой территории [6, с. 302]. В экономическом районировании Российской империи белорусский регион в составе Минской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерний характеризовался как земледельческий с преобладанием барщинного помещичьего хозяйства, несмотря на не-

благоприятные почвенные и климатические условия. В то же время, несмотря на то, что вследствие низкой урожайности основных сельскохозяйственных культур крестьяне были лишены нормального питания, помещики продавали сельскохозяйственную продукцию на европейский рынок. Основными товарными видами являлись рожь, гречиха, овес, ячмень, картофель. Гродненская губерния относилась к литовскому региону с интенсивным земледелием, ориентированным на европейский рынок. Низкопроизводительное, бедное сельскохозяйственное производство, не обеспечивавшее на достаточном уровне потребление продуктами питания крестьян Беларуси, дополнялось весьма скромной и незначительной промышленностью. Витебскую губернию, например, один из авторов 1830-х гг. относил к «самым малопромышленным странам России» [6, с. 303].

На протяжении XIX – начала XX вв. на белорусских землях получили развитие все три характерные для того времени вида промышленности или организационно-технологического способа производства: ремесленные мастерские, близкие к ним мелкие капиталистические предприятия, мануфактуры, фабрично-заводская промышленность. В первой половине XIX в. самым распространенным и успешным была предпринимательская деятельность по созданию мануфактур и фабрик на территории собственных поместий с применением труда крепостных крестьян. Города по традиции оставались центрами ремесла. После отмены крепостного права шире стало распространяться купеческое, мещанское, крестьянское предпринимательство с применением наемного труда. В итоге увеличивалось количество мелких предприятий, мануфактур, заводов и фабрик в городах.

Динамика развития фабрично-заводской промышленности показывает, что в Беларуси на рубеже XIX – XX вв. завершился промышленный переворот и начался процесс капиталистической индустриализации. В 1900 г. фабрики производили почти половину (46,8%) всей промышленной продукции. Если учесть мануфактурное производство, то вместе с фабричным оно давало 61% всей промышленной продукции [2, с. 86]. Это свидетельствовало о состоявшемся преобладании крупного производства над мелким. По промышленному развитию белорусский регион достиг средних показателей по Российской империи. По словам М. Довнар-

Запольского, Беларусь в области промышленности «начинала даже равняться со всей остальной Россией» [6, с. 394]. В 1913 г. фабрики, действовавшие на территории белорусских губерний, составляли 11 % всех фабрично-заводских предприятий Российской империи (без горных заводов), а белорусский пролетариат составлял 3,5 % российского [6, с. 392]. Россия же по ряду промышленных показателей уверенно приближалась к промышленно развитым странам. Так, например, за 1860 – 1880 гг. выпуск промышленной продукции возрос во всем капиталистическом мире на 86%, в том числе, в Англии – на 56%, Франции – на 65%, Германии – на 78%, США – на 113%, России – на 113% [2, с. 87].

Но это была капля в море. Высокий процент промышленного роста свидетельствовал всего лишь о начале процесса капиталистической индустриализации. Россия превращалась в аграрно-индустриальную страну. Беларусь же была далеко не в первых рядах этого движения. Весьма красноречивыми в этом отношении являются показатели состава населения по занятиям. Так, в 1911 г. на 1 тыс. населения в Гродненской губернии 690 человек занимались сельским хозяйством, лесоводством, рыболовством, охотой и только 113 работали в обрабатывающей и горной промышленности, осуществляли ремесленную деятельность. При этом следует учитывать, что среди белорусских губерний Гродненская являлась самой развитой в промышленном отношении. В Витебской губернии 74,7 % занимались сельским хозяйством и только 8,2 % были заняты в промышленности, в Минской губернии – соответственно 74,8% и 8,9%, в Могилевской – 79,5% и 7,1% [11, с. 85]. Анализируя состояние белорусской экономики, М. Довнар-Запольский отмечал, что «промышленность еще не достигла размеров крупного экономического фактора. Пока ясна только тенденция этого развития». Не было преодолено отставание от остальной России. Как свидетельствовал Довнар-Запольский, по уровню промышленного производства Беларусь еще отставала от России. Если в 1908 г. производство промышленной продукции на одного жителя в России в среднем составляло 30 руб., то в 3 губерниях Беларуси – только 6 руб. [6, с. 392]. По мнению П.Г. Чигринова, в «российском промышленно-хозяйственном комплексе конца XIX – начала XX вв. Беларусь была сравнительно отсталым районом» [13, с. 246]. Беларусь в основном оставалась крестьянской страной.

Вопрос о причинах низкого уровня промышленного развития не стал предметом оживленных дискуссий в белорусской историографии. Напротив, он считается вполне решенным. Историки единодушно придерживаются ряда следующих положений. Прежде всего, отмечается сдерживающий фактор крепостного права. Только его отмена стимулировала развитие крестьянского, мещанского и купеческого предпринимательства и формирование масштабного рынка наемного труда. Важной причиной является слабость внутреннего рынка, который не мог поглотить предлагаемую промышленностью товарную массу. Считая экономическое положение крестьянства тяжелым, М.Ф. Болбас подчеркивал, что «оно не обладало высокой покупательной способностью» [2, с. 96]. В качестве одного из первостепенных признается фактор недостатка капиталов, прежде всего, отсутствие значительных капиталов у купцов и мещан. По мнению А.М. Лютого, именно эти особенности процесса первоначального накопления капитала отрицательно сказались на развитии промышленности. Причину этого А.М. Лютый видит в господстве магнатов в экономической жизни региона, наличии большого числа частновладельческих городов, конкуренции русских купцов, частых военных действиях на территории Беларуси в XVIII – начале XIX вв., которые привели к упадку хозяйственной жизни [9, с. 121]. Распространенной также является ссылка на наличие черты еврейской оседлости, в результате которой еврейское население сосредоточило в своих руках всю мелкую торговлю и промыслы, оттеснив от этих занятий белорусов.

Но, на наш взгляд, все эти причины являются лишь следствием глубинных процессов первичной капиталистической модернизации, в результате которых в XVI– XVIII вв. состоялось «европейское экономическое чудо» и западноевропейские страны оказались лидерами мировой капиталистической системы. Страны центральной и восточной Европы, в том числе Речь Посполитая и Российская империя, включились во вторичную, запоздавшую модернизацию. Ее-то вызовов и не выдержала Речь Посполитая, разделенная более сильными соседями. Для модели вторичной модернизации были характерны преобладание аграрного сектора и слабое развитие промышленности, приведшие ко «второму изданию крепостничества», закрепившему аграрную специализацию в международном разделении труда, недостаток капиталов, высокая актив-

ность государства в экономике, более позднее национальное самоопределение, порой заменявшее социально-профессиональное деление и т.д. Беларусь вместе с Россией оказались за пределами центра мировой капиталистической системы. Поэтому вопрос о слабости их промышленности является, по сути, вопросом о том, почему капитализм стал первоначально и успешно развиваться не в Восточной, а в Западной Европе?

Именно в таком ключе ставится эта проблема известным французским историком Ф. Броделем, старонниками школы миросистемного анализа И. Валлерстайна, исследующими капитализм не с либеральных, а скорее с марксистских позиций. Воспользуемся концептуальным инструментарием указанных ученых для обозначения одной из версий в исследовании названной проблемы.

Ф. Бродель считает, что капитализм, могущий существовать только в мировом масштабе, использующий международные ресурсы, создан городами и национальными экономикими [3, с. 97]. По его мнению, «национальная экономика представляет собой политическое пространство, превращенное государством в силу потребностей и под влиянием развития материальной жизни в связанное и унифицированное экономическое пространство, деятельность различных частей которого может быть объединена в рамках одного общего направления» [3, с. 105]. Феодалное аграрное хозяйство при политической раздробленности никак не отвечает этим требованиям. Бродель делает вывод о том, что одной лишь Англии удалось в достаточно ранний срок реализовать такое свершение. Этому способствовали объединение с Шотландией, Ирландией, обилие транспортных средств, густая сеть городов и т.д. Города в роли создателей капитализма Бродель выделяет отдельно, не только в качестве элементов национальных экономик. Это принципиальное замечание.

Город – особая форма организации пространства для совместного проживания и деятельности, в отличие от сельского поселения. Появившись в глубокой древности одновременно с государственной организацией, город знаменовал собой переход от первобытности к эпохе древнего мира. С тех пор и принято считать, что деревня является постоянной, стабильной хранительницей традиций, город же, напротив, видится динамичным, изменчивым, произ-

водителем инноваций. Деревня олицетворяет собой патриархальность, город является воплощением модернизации.

В период феодализма, когда центр экономической тяжести переместился в сельское хозяйство, феодальные города сохраняли особый городской образ жизни. Западноевропейский город – одно из замечательных достижений средневековья. В городской среде вырастали различные экономические, гражданские, культурные институты социального взаимодействия, которые, окрепнув, стали основой повсеместной модернизации общества.

Город с его «волнующимся человеческим морем» всегда влияет и задает ритмы развития. Как заметил О. Шпенглер, даже малые города, в конечном счете, «побеждали» прилегающую сельскую местность, наполняли ее «городским сознанием» [4, с. 449, 450]. Однако для такого влияния необходимы минимум три условия. Первым является численность городского населения, чем она больше, тем влиятельнее город. Для французской статистики город – это поселение с минимум 2 тыс. жителей, для английской – с 5 тыс. Возможности для радикального изменения образа жизни в отдельном городе возникают тогда, когда численность его населения достигает 20–25 тыс. человек, то есть, применительно к XIX в., достаточно большие поселения [10, с. 288].

Городов должно быть много, таково второе условие. Только при наличии определенного числа городского населения в стране возможны стартовые условия для модернизации. 10% признаются «первичным уровнем эффективности». Англия имела 10% городского населения в 1500 г., английские колонии в Америке – в 1700 г. В Голландии, «стране городов», в 1515 г. был достигнут уже 50%-й уровень городского населения [4, с. 452]. Чем выше процент, тем более влиятельное и результативное для капиталистической модернизации «городское напряжение».

Но есть еще одно, третье условие. Важно, чтобы города располагались близко друг к другу. Тогда расстояния не затрудняют общение и не требуют развитой транспортной инфраструктуры. Известный норвежский политолог С. Роккан предложил концепт «пооя городов», ставших звеньями на торговых путях между Северо-Западной и Южной Европой. Это в основном голландские, прирейнские западногерманские и североитальянские города. «Поюс городов» выполнял функцию канала распространения культурных,

гражданских, экономических достижений. Он явился ядром и двигателем развития Западной Европы, определившим ее национально-территориальное деление и капиталистическую структуру [8, с. 42]. Интересно, что сила «городского напряжения» внутри пояса была настолько высокой, что она не позволила подчинить себя еще одной власти. Германия и Италия оставались раздробленными вплоть до конца XIX в., при этом капиталистическая экономика и культура были в них высокоразвитыми. Национальные экономики в национальных государствах создавались за пределами пояса городов. Сильные государства своей активной политикой компенсировали отсутствие необходимого «городского напряжения». Однако капиталистические национальные государства возникли только западнее (Англия, Франция) и севернее (Скандинавские страны) пояса городов, там, где уже было собственное «городское напряжение», не вошедшее в «пояс городов». Это множество городов, связанное густой транспортной инфраструктурой. Восточнее формировались империи, к которым можно отнести Германскую, Австро-Венгерскую и Российскую. Чем дальше на восток, тем все более редкой становилась городская сеть.

Отметим еще один фактор, обусловивший богатство западноевропейских городов. Многие из них, прежде всего самые богатые, были связаны с международными торговыми путями, которые с развитием капитализма переместились в Атлантику. Их монопольные торговые кампании, купеческие дома имели интересы в Азии, Африке, Америке. Такие города становились узловыми пунктами мирового движения капитала. Именно там, по словам Броделя, «на вершинных видах экономической деятельности» и вырос капитализм, который всегда тяготеет к монополии, к вершинам [3, с. 118].

В XIX в. те города, которые удержались на плаву в бурных волнах модернизации, превратились в центры капитала, индустриального, банковского, торгового предпринимательства. Капитал кардинально преобразовал архитектурный облик городов. За центром, плотно застроенным роскошными жилыми, офисными, общественными зданиями в стиле модерн, располагались промышленные районы. Городской пейзаж оттеняли мрачные громады производственных помещений и рабочих бараков, прорезали шоссе и железные дороги. В городское небо вонзились дымящиеся трубы

заводов и фабрик. Городская повседневность наполнилась новой индустриальной культурой.

Белорусские земли оказались восточнее «пояса городов», вдали от Атлантик. Не будучи инициаторами капиталистической модернизации, они были вовлечены в ее орбиту. Поэтому они модернизировались медленными темпами и в меньших масштабах. Только к концу XIX в., уже находясь в составе Российской империи, на белорусских территориях появились первые два городских условия, что и подтверждала начавшаяся индустриализация.

В соответствии с административно-территориальной реформой 1802 г. в границах современной Беларуси общее число городов составило 42, из них 4 губернских, 36 уездных, 2 заштатных города. На протяжении XIX – начала XX вв. количество городов существенно не менялось. Накануне Первой мировой войны в Беларуси насчитывалось 45 городов: 4 губернских, 31 уездный и 10 заштатных [5, с. 367].

Городского населения в сравнении с сельским было крайне немного, около 12%, близко к определяющим 10%. В 1911 г. в Витебской губернии городское население составило 18,5%; в Гродненской – 12,3%; в Минской – 9,7%; в Могилевской – 8%. Это были типичные показатели для Российской империи. По данным статистического ежегодника России за 1911 г. городское население России составляло 13,7%, сельское – 86,3%. В Европейской России, куда относились и белорусские губернии, эти показатели составили 13,1 и 86,9% соответственно; по Привисленским губерниям, куда относились Польша и Прибалтика – 23,3 и 76,7%; по Сибири – 12 и 88%. Из 99 губерний Российской империи только в 14 городское население составляло более 20%. Это существенно отличало все еще аграрную Россию от ряда промышленно развитых стран Запада. Например, в Англии городское население составляло уже 78%, в Норвегии – 72%, Германии – 56,1%, в США – 41,5%, во Франции – 41,2% [11, с. 34–36, 61].

В начале XX в. города было принято делить на четыре основные группы: 1) города-села с числом менее 5 тыс. жителей; 2) малые города (5–20 тыс.); 3) средние (20–100 тыс.); 4) большие (более 100 тыс.). В начале XX в. во всей Российской империи насчитывалось всего 22 больших города, из них только два: Петербург и Москва с более чем миллионным населением. Среднестати-

стическим считался средний город, в котором средняя численность горожан города определялась, например, в 1910 г. в количестве 24,9 тыс. жителей [10, с. 287–289]. В Беларуси только губернские центры и некоторые города (Полоцк, Брест, Пинск, Бобруйск, Гомель и др.) достигли этих показателей.

Самой серьезной проблемой для городов оставались огромные расстояния между ними. С эпохи средних веков в Западной Европе сеть городов росла и густела. Если в середине XIX в. среднее расстояние между европейскими городами было от 10 до 28 км, то в начале XX в. уже от 8 до 15 км, в Италии и Англии – 10 км. При такой сети любое сельское поселение оказывалось от города в 10 – 15 км, что составляло день нормального пешего пути. Город был доступен для любого крестьянина, который мог прийти туда и торговать продуктами своего нехитрого труда. В Европейской же России (без Польши и Финляндии) в 1857 г. среднее расстояние между ближайшими городами составило 87 км, в Сибири – 516 км, в 1914 г. – соответственно 83 и 495 км. Один из российских статистиков А. Бушен писал по этому поводу: «При такой редкости поселений нетрудно объяснить себе весьма неутешительный факт русского экономического быта – дурное состояние путей и в особенности второстепенных проселочных дорог, дороговизну сообщений и вследствие этого несовершенство сельского хозяйства и промыслов вообще. Большие расстояния затрудняют поддержку путей сообщения, даже там, где они устроены, заставляют мужика пренебрегать лучшим сбытом своих произведений на рынках, которые от него слишком далеко. Таким образом, главное условие для экономического успеха – быстрота сообщений и обмена – в России пока находит коренное препятствие в рассеянности ее населения» [10, с. 286].

Помимо городов и сел, в Российской империи еще выделялись неземледельческие или городские административно-промышленные поселения. Они подразделялись на следующие виды: местечко, посад, отдельно стоящее промышленное заведение, духовное или религиозное поселение, военное поселение. В Беларуси были распространены местечки. В России они определялись как польские торгово-промышленные центры, заселенные преимущественно евреями [10, с. 283]. М. Довнар-Запольский подчеркивал, что местечки «вообще ошибочно было бы включать в состав городского населения» [6, с. 324]. В середине XIX в. в Беларуси насчитывалось 383

местечка, в 1897 г. – 464 местечка, в которых проживало 679 тыс. человек, примерно столько, сколько в городах [2, с. 26]. Местечки занимали важное место в хозяйственной жизни, играя роль соединительного, преимущественно торгового звена между городом и деревней. Еще не город, но уже и не деревня, местечко связывало горожан и селян, став при больших расстояниях удобной перевалочной базой для торговых потоков.

Среднестатистический российский и белорусский город так и не стал к началу XX в. капиталистическим индустриальным центром. Он не смог оттянуть на себя преобладающую массу промышленности. Так, большинство ремесленников Беларуси (около 63%) были местечковыми (в Гродненской губернии 59%, Витебской – 62%, Минской – 69%) и только 37% – городскими [2, с. 57]. Не стали достоянием города и мануфактуры, среди которых преобладали вотчинные. Сначала по их количеству лидировала Могилевская губерния, на рубеже XIX – XX вв. – Минская. Даже фабричное производство находило себе приют отнюдь не в городах. Показательно, что первые паровые машины в Беларуси были установлены в 1825–1827 гг. на суконных предприятиях в местечках Косово Слонимского уезда и Хомск Кобринского уезда.

Металлургическое производство, требовавшее значительных сырьевых и людских ресурсов, тоже начинало развиваться на селе. Металлообрабатывающая отрасль лидировала в 1860 г. по количеству всех фабричных рабочих (43%, 1326 чел.). На крупнейшем в белорусских губерниях заводе в селе Старинка в 1853–1863 гг. работали от 700 до 900 человек. Под стать ему были заводы на Борисовщине и в Налибоках. В 1850-е гг. на всех трех заводах были установлены пудлинговые (доменные) печи, заменившие старинный кричный способ получения железа в мелких руднях. На них уже действовали паровые машины. Заводы принадлежали помещикам, работали на них крепостные крестьяне. Отмена крепостного права серьезно подорвала их трудовые ресурсы. Старинковский завод вообще был закрыт в 1867 г. [2, с. 76–77].

Второе место по оснащенности паровыми машинами в белорусской промышленности после металлообработки принадлежало винокурению – самой распространенной отрасли белорусской промышленности. В 1900 г. во всей фабричной промышленности Беларуси в винокуренных заводах насчитывалось 72 % паровых двига-

телей, 54 % их всех мощностей, 29% всех рабочих и 69% объемов производства [2, с. 78]. Основная масса винокурен также находилась в селах в память о долго действовавшем феодальном принципе пропинации, в соответствии с которым только крупный землевладелец имел право на производство алкогольных напитков, и вблизи от сырьевой базы.

Самыми технически оснащенными были признаны три белорусские фабрики, опять-таки сельские: Добрушская бумажная фабрика в Могилевской губернии, суконные фабрики в Альбертине (Гродненская губерния) и Поречье (Минская губерния) [5, с. 201].

По данным М.Ф. Болбаса, в начале пореформенного периода промышленность Беларуси размещалась преимущественно вне городов (87%). Только на предприятиях Минска, Могилева, Бреста объемы производства были большими, чем в их уездах. За 40 пореформенных лет объемы продукции, произведенной городской промышленностью, выросли в 34 раза, сельской – только в 14,5 раза. Тем не менее, в 1900 г. в городах производилось всего 31% всей промышленной продукции [2, с. 112].

Низкий уровень развития городской промышленности Беларуси, не соответствующий реальным возможностям, отмечали и современники. А. Киркор в географической серии «Живописная Россия», изданной в 1882 г., свидетельствовал, например, что в Гродно «торговые и промышленные обороты не соответствуют тому значению, которое должен бы иметь город по своему географическому положению... Брест в торговом отношении мог бы иметь громадное значение» [7, с. 194].

И промышленность, и города остро нуждались в транспортной инфраструктуре. В 1870-е гг. развернулось интенсивное железнодорожное строительство, медленнее шло освоение водных путей. Толчок, данный дорогами развитию промышленности, был вполне сопоставимым, если даже не более существенным, с отменой крепостного права. Железные дороги и каналы, соединившие речные системы, стали кровеносными артериями промышленного организма, по которым перемещались необходимые материалы и готовая продукция. К 1900 г. 80% всех рабочих и 77% объемов производства металлообрабатывающей отрасли были сосредоточены в 23 железнодорожных мастерских, располагавшихся в городах [2, с. 77].

Семёнов П. в «Живописной России» так писал о роли транспортных путей в Литовском Полесье, включавшем Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии: «Благодаря прорезавшим Литовскую область в разных направлениях и пересекшим прежние водные пути железным дорогам, вся область покрылась превосходною сетью удобных торговых сообщений. Это обстоятельство дает Литовской области такое выгодное транзитное положение между Востоком и Западом, какого она никогда не имела» [7, с. 232]. В отношении Белорусского Полесья, к которому были отнесены Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская губернии, он также отмечал: «Проведение прекрасной сети железных дорог еще более подняло экономическое благосостояние страны и крепко связало ее в ее экономических интересах с остальными частями России» [7, с.490]. По словам П. Семёнова, «... для Белорусской области наступит лучшее время и, несмотря на скудость своей почвы, обделенность дарами природы, Белорусская область займет в своей родной русской земле принадлежащее ей по праву происхождения место не между ее пасынками, а между родными ее сынами» [7, с. 490].

Использованная литература

1. Абезгауз, З.Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. (1900–1913 гг.) / З.Е. Абезгауз.– Минск: Наука и техника, 1977.– 168 с.
2. Болбас, М.Ф. Промышленность Белоруссии. 1860–1900 / М.Ф. Болбас. – Минск: Изд-во Бел. гос. ун-та, 1978. – 312 с.
3. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
4. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель // Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Весь мир, 2011. – 592 с.
5. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд) [і інш]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4 Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX стст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
6. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский.– 3-е изд. испр. и доп. – Минск: Беларусь, 2011. – 591 с.

7. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: Белорусская Энциклопедия, 1993. – 550 с.

8. Ларсен, С.У. Моделирование Европы в логике Роккана / С.У. Ларсен // Полис. – 1995. – № 1. – С. 39–57.

9. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М. Лютый. – Минск: Наука и техника, 1987. – 181 с.

10. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 3-х т. / Б.Н. Миронов. – С.-Пб: «Дмитрий Буланин», 2003. – Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – 548 с.

11. Статистический ежегодник России 1911 г. – СПб: Издание Центрального Статистического Комитета МВД, 1912.

12. Чепко, В.В. Города Беларуси в первой половине XIX века. Экономическое развитие. Конспект / В.В. Чепко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/sredin_n_e/xixcenturyall. – Дата доступа: 10.03.2014.

13. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: учебное пособие / П.Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск: Высшая школа, 2007. – 463 с

К ВОПРОСУ О ЛЮДСКИХ ПОТЕРЯХ СССР И ФИНЛЯНДИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сервачинский И.Ю., канд. ист. наук, доцент

История Второй мировой войны на сегодняшний день представляется неполной без рассмотрения событий советско-финляндских отношений этого периода. Основным содержанием этих отношений были вооруженные конфликты между СССР и Финляндией, которые продолжались с перерывами почти 5 лет – с 30 ноября 1939 г. по 5 сентября 1944 г. Правда, активные боевые

действия занимают около 8 месяцев и могут быть разделены на 3 этапа: 1) «зимняя война» ноября 1939 – марта 1940 гг.; 2) наступление финских войск в июле-октябре 1941 г.; 3) наступление Красной Армии летом 1944 г. (10 июня – середина августа 1944 г.). Последние два этапа и в финляндской, и в западной историографии в целом, именуется «войной-продолжением». Военные действия между СССР и Финляндией завершились подписанием перемирия 19 сентября 1944 г., а советско-финляндский мирный договор был заключен 10 февраля 1947 г.

Для оценки эффективности боевых действий сторон, а также более общих проблем, связанных с политическими, пропагандистскими, историческими последствиями войны, актуальным является вопрос о людских потерях СССР и Финляндии в этих вооруженных конфликтах.

Лучше всего на сегодняшний день изучена «зимняя война» 1939-1940 гг., о потерях в которой мы располагаем различными сведениями. В день окончания военных действий – 13 марта 1940 г. – главнокомандующий финскими вооруженными силами маршал К. Маннергейм обратился к армии с приказом, в котором прозвучали первые оценки потерь противоборствующих сторон: «Солдаты славной армии Финляндии! ... Более 15000 из тех, кто отправился воевать, не увидят больше своего дома, а сколько таких, кто навсегда потерял способность трудиться! Но вы тоже наносили сильные удары, и когда сейчас две сотни тысяч ваших противников спят вечным сном под ледяным покровом или невидящим взглядом смотрят на наше звездное небо, в этом не ваша вина» [1, с. 306].

Вскоре было озвучено и официальное советское мнение по этому вопросу. 29 марта 1940 г. на VI-й сессии Верховного Совета СССР со ссылкой на командование Ленинградского военного округа (ЛВО) было сообщено (и опубликовано в газете «Правда» 30 марта 1940 г.), что количество убитых и умерших от ран советских воинов составило 48745 человек, количество раненых и обмороженных – 158863 человека. Финские же потери штаб ЛВО определил в более чем 70 тыс. человек убитыми, более чем 250 тыс. ранеными и 15 тыс. умершими от ран [2, с. 340]. Эти оценки были предназначены для «внутреннего пользования» и должны были убедить советских людей в удачных (в целом) действиях Красной Армии. Нужно отметить, что подобные данные фигурировали затем

во всех немногочисленных работах советского периода, так или иначе связанных с событиями советско-финляндской войны.

Новый этап в освещении войны в целом и вопроса потерь, в частности, относится в СССР к периоду перестройки. Появились новые данные, основанные на рассекреченных архивных материалах. Так, в 1990 г. М.И. Семиряга сообщил о том, что Красная Армия потеряла на полях сражений советско-финляндской войны более 53522 человек убитыми, 16208 пропавшими без вести и 176 тыс. ранеными и обмороженными [3, с. 26]. А.М. Носков в том же 1990 г. назвал иные цифры советских потерь, существенно отличавшиеся от предыдущих: более 72408 убитых и умерших от ран, 17520 пропавших без вести и около 200 тыс. раненых, контуженных и обмороженных [4, с. 9].

Уточненные данные советских потерь удалось получить после обнаружения в Российском Государственном Военном Архиве (РГВА) «Книги учета безвозвратных потерь РККА в войне с белофиннами». Фактически они представляют собой алфавитные списки погибших, умерших от ран и пропавших без вести военнослужащих. В результате подсчетов на основании этих списков российским историком П.А. Аптекарем была установлена цифра безвозвратных потерь Красной Армии в войне 1939–1940 гг., которая используется сегодня большинством специалистов: 131476 человек убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран [5, с. 329]. Не слишком отличается от этих данных вариант подсчета безвозвратных потерь, произведенный на основании того же источника российскими военными историками – 126875 человек [6, с. 595].

При этом ряд авторов считают вышеуказанные данные неполными. Опыт справочной работы Российского Государственного Военного Архива, связанный с подготовкой ответов на просьбы установления судьбы или места захоронения родственников, не вернувшихся с советско-финляндской войны 1939-1940 гг., выявляет 20-25% людей, отсутствующих в «Книгах учета безвозвратных потерь РККА в войне с белофиннами», но значащихся погибшими в списках частей. Попытка учета этих обстоятельств корректирует приведенные выше цифры в сторону увеличения. В результате П.А. Аптекарь оценивает безвозвратные потери Красной Армии в «зимней войне» в 150 тыс. человек, а Б.В. Соколов – в 170 тыс. че-

людей [5, с. 330; 2, с. 346], что не получило закрепления в научной литературе.

К безвозвратным потерям советских войск в этой войне следует добавить санитарные потери (раненые, заболевшие, обмороженные), которые авторитетный современный российский источник «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование» под редакцией Г.Ф. Кривошеева оценивает в 264908 человек [6, с. 595].

В этом же издании, как и в ряде других работ российских авторов, со ссылкой на неназванные финские источники людские потери Финляндии в войне 1939-1940 гг. определены в 48243 человека убитыми и 43 тыс. человек ранеными. При этом оговаривается, что по «другим официальным источникам» (также не указанным) финская армия потеряла в этой войне 95 тыс. человек убитыми и 45 тыс. человек ранеными [6, с. 212]. Насколько нам известно, нигде в официальных финских данных подобные цифры безвозвратных потерь не фигурировали.

Согласно уточненным подсчетам, сделанным уже после Второй мировой войны, вооруженные силы Финляндии потеряли в «зимней войне» безвозвратно около 23,5 тыс. человек и 43,5 тыс. ранеными [2, с. 340]. По другим, несколько отличающимся данным, потери финляндской армии составили убитыми и умершими от ран и болезней около 25 тыс. человек, почти 44 тыс. ранеными, примерно 11 тыс. больными – всего около 80000 солдат. Страна потеряла примерно 0,7% своего населения. Из строя выбыло около 20% личного состава финляндской армии, причем потери в пехоте достигли 40% списочного состава [7, с. 39].

Тем не менее, соотношение потерь сторон в «зимней» войне оказалось крайне неблагоприятным для СССР. Только по безвозвратным людским потерям (даже если принять наиболее распространенную цифру в 131,5 тыс. человек) мы получаем пропорцию один к пяти не в пользу Красной Армии. Автор самой значительной русскоязычной монографии о «зимней войне» П.А. Аптекарь считает, что «победу, достигнутую такой ценой, стоит с полным на то основанием назвать пирровой» [5, с. 338]. Маршал К. Маннергейм оценил действия противника следующим образом: «Первое, что бросалось в глаза, – это диспропорция между огромным вкладом и ничтожным результатом». По итогам войны, по мнению глав-

нокомандующего финской армией «... сложилось такое отрицательное впечатление о действиях Красной Армии... Если бы общая оценка боевых действий советских войск в войне против Финляндии не была бы столь отрицательной, Германия едва ли бы так недооценила возможности русского колосса и повторила ошибки Наполеона» [1, с. 309].

Следующим вооруженным конфликтом между СССР и Финляндией стала т.н. «война-продолжение» 1941–1944 гг., статистика потерь в которой известна гораздо хуже, чем в «зимней войне». Первым ее этапом стало наступление финских войск в Карелии летом-осенью 1941 г. В результате войскам Красной Армии было нанесено серьезное поражение, а финны смогли вернуть почти все территории, утраченные ими в ходе войны 1939–1940 гг.

Потери финской армии в кампании 1941 г. оказались значительными. По свидетельству маршала Маннергейма (и по оценкам современных финских историков) они превысили потери, понесенные Финляндией в «зимней войне». Безвозвратные потери составили около 27 тыс. человек: 26 тыс. убитых и 1 тыс. попавших в плен. Еще порядка 80–90 тыс. человек вышли из строя по причине ранения или болезни (цифры следует рассматривать как ориентировочные, в работах разных финских авторов они имеют разброс в 10–15%). Таким образом, общие потери измеряются цифрами в 110–115 тыс. человек, что составляло около 40% от штатной численности всех боевых частей финляндской армии [8, с. 691].

Что касается потерь Красной Армии в военных действиях против Финляндии в 1941 г., то их выявление затрудняется тем, что никакого отдельного учета потерь на советско-финляндском фронте не велось (ибо никакого «финляндского фронта», по мнению советских историков, не было, а было «участие финской военщины в гитлеровской агрессии против СССР»). Кроме того, советская историография с большой неохотой упоминала о пленных, поэтому безвозвратные потери (убитые, пленные, дезертиры) всегда приводились в суммарном виде, без разделения на отдельные составляющие.

Фактически единственным официальным изданием, содержащим данные по указанной проблеме, является уже упоминавшийся труд российских военных историков «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование». Он содержит дан-

ные о потерях Красной Армии в «Стратегической оборонительной операции в Заполярье и Карелии» (29 июня – 10 октября 1941 г.). Указанные хронологические рамки не вполне совпадают с реальной продолжительностью боевых действий (которые в северной Карелии завершились лишь в начале декабря 1941 г.); с другой стороны, в совокупную цифру потерь вошли и потери советской 14-й армии, воевавшей с немцами в Заполярье. Потери «армейской оборонительной операции на Карельском перешейке» включены в общую сумму потерь войск Северного фронта в период с 10 июля по 23 августа 1941 г. в ходе «Ленинградской оборонительной операции» [6, с. 269, 271].

Несколько более информативно насыщенными являются сведения о потерях советских фронтов (Северного за весь период его существования и Карельского в 1941 г.) [6, с.269,]. Цифры убитых и пропавших без вести в этой статистике разделены, хронологически включены все периоды войны, кроме последней, самой трагической недели боев на Карельском перешейке (окруженные соединения Выборгской группировки с 23 августа 1941 г. считались уже войсками Ленинградского фронта). Если достаточно условно (т.е. на основании предположения о пропорциональной зависимости числа потерь от количества дивизий Северного фронта, воевавших на «немецком» и «финском» фронтах) предположить, что потери 14-й армии в Заполярье составили 25% от общих потерь Северного фронта, то можно прийти к следующей ориентировочной оценке потерь Красной Армии в боях против финнов в 1941 г.:

– Карельский фронт (с 23 августа до конца 1941 гг.) – 14720 убитых, 19317 пропавших без вести, 43758 раненых и заболевших;

– Северный фронт (с 29 июня по 23 августа 1941 г., без учета потерь 14-й армии) – 17750 убитых, 47343 пропавших без вести, 47178 раненых и заболевших.

Всего 32 тыс. убитых, 67 тыс. пропавших без вести, 91 тыс. раненых и заболевших, общие потери – 190 тыс. человек [8, с. 693]. Можно отметить, что цифра пропавших без вести военнослужащих Красной Армии в целом близка численности пленных, учтённых финским командованием в операциях 1941 г.: 64188 человек [8, с. 691].

Последним этапом советско-финляндского противостояния стало наступление советских войск летом 1944 г., в военной исто-

рии известное как Выборгско-Петрозаводская операция (10.06–09.08.1944 г.). В ее ходе Красной Армии удалось нанести поражение финляндским войскам и во многих местах выйти на границу 1940 г. Однако их упорное сопротивление позволило руководству Финляндии избежать требования безоговорочной капитуляции и, заключив перемирие, сохранить независимость страны. Очень точно итог боевых действий оценил К. Маннергейм: «Противник осознал, что за наш разгром следует заплатить огромную цену» [1, с. 468].

Потери советских войск в боевых действиях против финляндской армии в 1944 г., в частности, соединений Ленинградского фронта, точно неизвестны. Потери Карельского фронта в Выборгско-Петрозаводской операции, по официальным данным, составили: 23674 человек – безвозвратные, 72701 человек – санитарные [6, с. 295].

При этом потери финляндской армии летом 1944 г. также были велики: около 12 тыс. погибшими и свыше 50 тыс. ранеными [7, с. 43]. По другим данным, только безвозвратные потери (убитые и пропавшие без вести) оцениваются цифрами от 26 до 32 тыс. человек [8, с. 738]. Таким образом, безвозвратные потери в результате двух с лишним месяцев боев 1944 г. оказались сопоставимыми с потерями во время финского наступления лета-осени 1941 г., что свидетельствует о значительно возросшей боевой мощи Красной Армии.

Общие итоги противостояния СССР и Финляндии в годы Второй мировой войны, выраженные статистикой потерь, оказались тяжелыми и трагическими для обеих стран. Всего, по финским данным, в «зимней войне» и последовавшей за ней «войне-продолжении» Финляндия потеряла на фронтах около 2,2% населения страны – 76893 человека погибшими и 6512 пропавшими без вести [7, с. 43]. Точные данные о санитарных потерях отсутствуют. Очень близко оценивает безвозвратные потери Финляндии за 1939–1944 гг. и российский статистический сборник – 84377 человек [6, с. 514].

Общие потери Красной Армии за 1939–1944 гг. на сегодняшний день могут быть названы лишь приблизительно. Так, безвозвратные потери Карельского фронта за период с 01.09.1941 г. по 15.11.1944 г. оцениваются статистическим сборником «Россия и

СССР в войнах XX века» в 110435 человек, санитарные – 420260 человек [4, с. 339]. Лишь приблизительно можно вычленить долю потерь Ленинградского фронта, понесенных в боях с финляндской армией в 1941 и 1944 гг. Тем не менее, даже будучи неполными, суммарные цифры советских потерь в военных действиях против Финляндии в 1939–1944 гг. выглядят очень внушительно – около 250 тыс. человек безвозвратных потерь (убитых, умерших от ран и пропавших без вести) и около 700 тыс. человек – санитарных (раненых, заболевших и обмороженных).

Для сравнения, в конфликтах с Японией (на озере Хасан в 1938 г., реке Халхин-Гол в 1939 г., в Маньчжурской наступательной операции 1945 г.) СССР понес безвозвратные потери, по официальным российским данным, в количестве 21 тыс. человек. США, Великобритания и Канада в кампании 1944–1945 гг. на Западном фронте, от Нормандии до Эльбы, потеряли безвозвратно 156 тыс. человек, Германия в кампании 1940 г. на Западном фронте, приведшей к разгрому Франции, – 49 тыс. человек [7, с. 8].

Косвенным, но от этого не менее тяжелым, ущербом от войны с Финляндией стало ее участие в блокаде Ленинграда, унесшей более 1 млн. человек. Известный советский разведчик И.Г. Старинов дал следующую оценку советско-финляндского вооруженного противостояния: «В результате кровопролитной непопулярной войны (1939–1940 гг. – И.С.), которая показала, как ослабла Красная Армия после репрессий 1937–1938 гг., граница была отодвинута на запад более чем на 100 километров от Ленинграда, но Финляндия из англо-французского блока перешла в гитлеровский лагерь, а это привело позже к гибели сотен тысяч ленинградцев во время блокады, которой не было бы, если бы мы не воевали с Финляндией» [9, с. 148].

Список использованной литературы

1. Маннергейм, К.Г. Мемуары / К.Г. Маннергейм. – М.: Вагриус, 1999. – 544 с.
2. Соколов, Б.В. Тайны финской войны /Б.В. Соколов. – М.: Вече, 2000. – 416 с.
3. Семиряга, М.И. Советско-финляндская война: (К 50-летию окончания) / М.И.Семиряга. – М.: Знание, 1990. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Защита Отечества; 3/1990). – 64 с.

4. Носков, А.М. Северный узел / А.М. Носков // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 7. – С. 7-19.

5. Аптекарь, П. Советско-финские войны / П. Аптекарь. – М.: Эксмо, Яуза, 2004. – 384 с.

6. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев [и др.]; под общ. ред. Кривошеева Г.Ф. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.

7. Козлов, А.И. Советско-финская война 1939-1940. Взгляд с «той» стороны / А.И. Козлов. – Рига: «TORNADO», 1997. – 43 с.

8. Солонин, Марк. 25 июня: глупость или агрессия? / Марк Солонин. – М.: Эксмо, Яуза, 2008. – 756 с.

9. Старинов, Илья. Записки диверсанта / Илья Старинов. – М.: Вымпел, 1997. – 448 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РУКОВОДСТВА ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг. КАК ФАКТОР, СПОСОБСТВОВАВШИЙ ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Хромченко Д.Н., канд. ист. наук, доцент

В исторической научной, публицистической литературе накоплен обширный материал, касающийся развертывания партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Однако деятельность центральных органов управления по руководству партизанскими формированиями, прежде всего, Северо-Западной оперативной группы ЦК КП(б)Б и СНК БССР, Белорусского штаба партизанского движения пока еще не нашла достаточного отражения, за исключением обзорных сведений в исследованиях общего характера или же раскрывающих отдельные направления этой работы.

Исключением являются краткая информация о Северо-Западной оперативной группе ЦК КП(б)Б и СНК БССР в статье профессора Э. Иоффе «На острие партизанской борьбы», опубликованной в журнале «Беларуская думка» в октябре 2009 г. Отдельные аспекты деятельности БШПД освещены в статьях Д.А. Козела

«БШПД в биографиях своих руководителей»; «БШПД: создание и начало деятельности»; «Медико-санитарная служба БШПД и ее деятельность по организации медицинской помощи партизанам в годы Великой Отечественной войны» (в соавторстве), помещенных в сборниках научных трудов. Даже в мемуарах непосредственных руководителей БШПД П.З. Калинина и В.А. Брюханова основное внимание обращено на развертывание партизанского движения в Беларуси и недостаточное, на наш взгляд, – на работу непосредственно штаба, прежде всего, по оказанию материальной и организационной помощи партизанским отрядам, бригадам, соединениям, координации их действий с частями Красной Армии. При этом следует отметить, что это скорее художественно-популярные произведения, а не научные исследования.

В настоящей работе предпринята попытка комплексного подхода к изучению проблемы централизованного управления партизанским движением в Беларуси, координации действий партизан, организации их взаимодействия с частями Красной Армии.

Первоначально, летом и осенью 1941 г., организацию и руководство зарождающимся движением сопротивления оккупантам пытался осуществлять непосредственно ЦК КП(б)Б.

Уже 30 июня ЦК КП(б)Б принял директиву №1 «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом» и 1 июля 1941 г. – директиву № 2 «Партийным, советским и комсомольским организациям по развертыванию партизанской войны в тылу врага». Однако к этому времени войска немецкой группы армий «Центр» уже заняли западную и центральную части Беларуси, включая столицу республики – г. Минск, и вышли к реке Березина и г. Борисову. Безусловно, в напряженной обстановке отступления, эвакуации населения и материальных ценностей, при отсутствии связи с уже оккупированными районами и кадрами, оставшимися на этой территории, эти документы уже не могли дойти до адресатов и немедленно приняты к исполнению.

Тем не менее, следует признать, что ЦК КП(б)Б уже тогда предпринимал меры по установлению системы управления подпольным и партизанским движением. На еще неоккупированной части Беларуси низовые партийные и советские органы стали спешно готовить группы актива для работы в тылу врага. В оккупированные районы Беларуси направлялись работники аппарата ЦК,

связные. Были предприняты попытки создания Столинского, Ленинского, Бобруйского, Кричевского зональных центров в Пинской и Могилевской областях. 1215 коммунистов, оставленных для работы в тылу, смогли создать в 89 районах организационно оформленные структуры управления (центры, «тройки»). Всего вместе с привлеченным активом в 1941 г. в борьбу с оккупантами включились 8500 коммунистов.

Однако времени и возможностей для создания материальной базы будущих партизанских отрядов, подготовки и обучения кадров не было. К тому же уже в первые месяцы войны в ходе начавшихся массовых «чисток» оккупанты смогли физически уничтожить многих партийных и советских активистов, да и созданные подпольные и партизанские группы из-за уже указанных причин и недостатка опыта борьбы понесли большие потери. К январю 1942 г. в тылу осталось только 20 подпольных руководящих партийных органов (комитетов, центров, «троек»), из 231 созданных партизанских отрядов большинство были рассеяны карателями или временно самораспустились зимой 1941 г. [1, с. 214]. Выдержавшие же эти репрессии и другие испытания организационные группы и созданные самостоятельно из числа окруженцев и местных жителей-патриотов партизанские отряды были относительно немногочисленными, действовали стихийно, неорганизованно, без всякой связи с руководящими центрами, в обстановке военного и морального террора, поэтому делать выводы о широком размахе партизанской борьбы на начальном этапе войны, каком-то действенном и непосредственном руководстве ими со стороны партийных органов, тем более, ЦК, не приходится, хотя работа в этом направлении проводилась.

На протяжении всего начального периода Великой Отечественной войны, как уже отмечалось, руководство партизанским движением продолжало осуществляться непосредственно ЦК КП(б)Б. Часть его руководящих работников были включены в военные советы фронтов, армий. Первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, например, был членом военного совета Западного фронта, действующего с начала 1942 г. в непосредственной близости от границ Беларуси. Остальные работники ЦК находились в Рославле, где занимались формированием партизанских групп и засылкой их в тыл врага. Непосредственно начальником этого центра считался бывший заведующий военным отделом СНК БССР

И.П. Кутейников. Однако формирование партизанских групп заключалось в основном в подборе кадров, постановке задач и снабжении стрелковым оружием. Обучение тактике партизанской борьбы, диверсионным методам работы не осуществлялось.

По инициативе П.К. Пономаренко в июле 1941 г. народный комиссар обороны маршал Тимошенко, одновременно исполнявший обязанности командующего Западным фронтом после смещения Павлова, подписал приказ о создании оперативно-учебного центра Западного фронта (ОУЦ) для подготовки партизанских кадров. Возглавил его сотрудник военно-инженерного управления генштаба РККА полковник И.Г. Старинов, уже имевший практический опыт диверсионной работы во время боев в Испании. Центр располагался недалеко от Гомеля в бывшей санаторной зоне. На ОУЦ были возложены задачи подготовки специалистов минно-подрывного дела, формирование, экипировка и забрасывание в тыл противника диверсионных и организационных групп для проведения диверсий и развертывания партизанской борьбы на оккупированной территории. Начались интенсивные занятия по минно-подрывному делу, тактике партизанской борьбы. Срок обучения в начальный период войны определялся в 5–7 дней, позже продлен до 3–4 месяцев. Естественно, состав курсантов постоянно обновлялся, но одновременно в школе обучались до 250 человек, а всего за время деятельности ОУЦ с июля по октябрь 1941 г. здесь было подготовлено и заброшено во вражеский тыл 4119 человек.

Оперативно-учебный центр являлся не только учебным заведением, но и своего рода мастерской-лабораторией по подготовке минно-подрывных устройств и гранат. В первые месяцы после начала войны остро ощущался недостаток мин, взрывчатки, гранат. Все, что имелось, отправлялось на фронт, где необходимо было минировать дороги перед наступающим противником, взрывать стратегически важные объекты, чтобы они не достались врагу. Да и во время боев солдаты вынуждены были за неимением гранат использовать так называемые «коктейли Молотова» – бутылки с горючей смесью. Используя свой опыт и инженерные знания, полковник Старинов наладил непосредственно в школе из подсобных материалов выпуск самодельных взрывных устройств, которыми снабжали группы, забрасываемые за линию фронта. Для подготовки взрывчатки использовали некоторые химикаты, обнаруженные в местных

аптеках, из колхозных складов завезли даже несколько тонн аммиачной селитры, которая в мирное время использовалась при сельскохозяйственных работах как минеральное удобрение. Часть необходимых компонентов для производства мин и гранат Старинов смог приобрести в Москве через главное военно-инженерное управление. Для оболочек мин и гранат использовали обычные консервные банки, любые металлические емкости [2, с. 118].

В связи с приближением фронта к Гомелю 17 июля ОУЦ был перебазирован в поселок Чонки, где сразу же после прибытия были возобновлены занятия. Вскоре центр развернул партизанскую школу также и в Мозыре. Однако недостатком было отсутствие радиий, поэтому радистов не готовили, а партизанские группы отправлялись за линию фронта фактически без связи с «Большой землей».

В конце лета 1941 г. П.К. Пономаренко подготовил докладную записку «К вопросу о постановке диверсионной работы в тылу врага», в которой подводились итоги уже проделанной работы по подготовке диверсионных и партизанских групп, их действий в тылу противника и обосновывалась необходимость перехода к более масштабной организации диверсионной работы и партизанской борьбы путем засылки за линию фронта партизанских групп и последующего приобщения ими к движению сопротивления местного населения. В качестве первоочередных мер предлагалось усилить централизацию руководства партизанским движением путем создания отдельного штаба партизанского движения и расширения сети школ для краткосрочной подготовки партизан-диверсантов.

После ознакомления с запиской И.В. Сталин вызвал П.К. Пономаренко в Москву и поручил организовать, а затем возглавить Центральный штаб партизанского движения при ставке ГКО. Однако в январе 1942 г. эта работа была приостановлена. Возобладала точка зрения, которую отстаивал прежде всего Берия, о том, что стихийные разрозненные партизанские выступления не могут быть охвачены централизованным руководством, да и не нуждаются в нем. Партизанскую борьбу и диверсии, по мнению Берии, могут и должны осуществлять квалифицированные диверсанты, а партизанские отряды нужно комплектовать из профессиональных военных и только тогда в полном составе засылать в тыл врага. Следует отметить, что значительную роль в приостановке работы по созданию ЦШПД сыграло и то, что 18 января 1942 г. в ведомстве Берии было

создано 4-е управление НКВД, одной из основных задач которого была организация партизанского движения.

Кроме того, существовали также точка зрения о том, что партизанскую борьбу нужно проводить крупными силами, иначе она будет неэффективной и обреченной на провал, кроме того, в массе бойцы действуют решительнее, смелее. Развернулась работа по созданию на неоккупированной гитлеровцами территории Украины в районе Кубани, Дона и Терека конной казачьей партизанской армии из 6 дивизий численностью 33 тыс. человек. В Ивановской, Ярославской и других областях России, входивших в Московский военный округ, также формировалась стрелковая партизанская армия из 5 дивизий численностью 26 тыс. человек.

Все эти подходы исходили из расчета прежде всего на свои собственные силы, без учета возможного массового включения в партизанскую борьбу местного населения.

После разгрома немецких войск под Москвой и последующего контрнаступления Красной Армии начался, по сути, новый этап в развитии партизанского движения в Беларуси. С одной стороны, немаловажное значение имел моральный фактор: у населения появилась надежда на скорое освобождение и усилилось стремление его приблизить. Начиная с весны 1942 г., партизанская и подпольная борьба на оккупированной гитлеровцами территории вступила в новую фазу, фазу перерастания в массовое движение сопротивления. С другой стороны, изменилось и отношение со стороны руководящих органов СССР к развитию и руководству партизанским движением. В условиях перехода к затяжной войне возростала стратегическая значимость партизанской борьбы в тылу врага и прежде всего в тылу группы армий «Центр», нацеленной на Москву. Кроме того, в связи с выходом в ходе контрнаступления Калининского фронта к границам Витебской области больше стало возможностей для непосредственного руководства партизанским движением и оказания всесторонней помощи.

В этой ситуации все большее значение стали приобретать установление связи с создаваемыми на оккупированной территории партизанскими отрядами и совершенствование руководства ими. В начале 1942 г. эту работу по-прежнему осуществлял непосредственно ЦК КП(б)Б через ОУЦ и путем засылки в тыл врага связных и организаторов партизанского движения, в большинстве своем ком-

мунистов. 20 марта 1943 г. ЦК КП(б)Б принял решение о создании Западной и Северо-Западной оперативных групп ЦК КП(б)Б. Наиболее активно действовала Северо-Западная группа, возглавляемая секретарем ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдиновым. Она дислоцировалась в д. Шейно Торопецкого района Калининской области, в зоне действий Калининского фронта и непосредственно контактировала с военными советами 3 и 4 ударных армий, удерживавших линию фронта непосредственно у границ Беларуси. Одновременно возобновили работу или активизировали ранее созданные подпольные обкомы партий 6 областей Беларуси.

Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б активно использовала в своей работе т.н. Витебские (Суражские) «ворота» – 40-километровый разрыв в линии фронта между Велижем и Усвятами на стыке группы немецких армий «Север» и «Центр». Этот разрыв удерживался партизанами и частями Красной Армии как важный стратегический плацдарм для возможного будущего наступления Красной Армии и как канал связи партизан с «Большой землей». Существование «ворот» примерно совпало со временем действий Северо-Западной оперативной группы: с марта по сентябрь 1942 г. За это время в тыл врага было переправлено через этот разрыв фронта 20 партизанских отрядов, 184 организаторские и диверсионные группы в количестве около 3 тыс. человек, оружие, боеприпасы, медикаменты, эвакуировано с оккупированной территории в советский тыл около 200 тыс. мирных граждан. Через «ворота» за линию фронта для налаживания связи и организации партизанской борьбы направлялись и ответственные работники Северо-Западной оперативной группы ЦК КП(б)Б [3].

При Северо-Западной группе действовала спецшкола – филиал оперативного учебного центра Западного фронта (ОУЦ), где за полгода прошли обучение около 600 подрывников. Подготовка партизанских кадров в это время велась также под Москвой, в урочище Гороховец возле г. Муром, на Особом (Муромским) белорусском сборе по 200-часовой программе, разработанной ЦК КП(б)Б и утвержденной народным комиссаром обороны СССР. С апреля по сентябрь 1942 г. здесь прошли обучение 2613 человек.

К лету 1942 г. партизанское движение в Беларуси приобрело уже массовый характер, что требовало дальнейшего совершенствования руководства. Стала очевидной ошибочность взглядов сторон-

ников опоры на свои собственные силы, на спецподразделения. В итоге была возобновлена работа по созданию ЦШПД, который начал действовать при Ставке Верховного главнокомандования в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 30 мая 1942 г. Возглавил его секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко. Штаб состоял из 4 управлений: оперативного, разведывательно-информационного, политического, обеспечения, имел собственный радиоузел, 4 школы по подготовке организаторов партизанского движения. При штабах фронтов и армий действовали оперативные группы ЦШПД.

В это время продолжался процесс совершенствования руководства партизанским движением на местах. Большую работу в этом отношении проводили подпольные обкомы партии, действовавшие практически во всех областях республики. Предпринимались попытки создать руководящие и координирующие центры в местах наибольшей активности партизанских отрядов, в партизанских зонах. В частности, предполагалось создать 10 оперативных центров на местах, но были образованы только два – Кличевский и Борисовский военно-оперативные центры, причем эффективно действовал только Кличевский центр. По ряду причин не смогла закрепиться и такая новая форма руководства партизанским движением, как штабы партизанских зон. Централизованное руководство партизанским движением и его координация в основном осуществлялись через ЦК КП(б)Б, уполномоченных ЦК КП(б)Б по областям, которые со своими помощниками, по сути, дополняли деятельность подпольных обкомов партии; через ЦШПД и его оперативные группы при фронтах и армиях. Вместе с тем, с дальнейшим расширением партизанского движения летом 1942 г. все более актуальной становилась задача совершенствования централизованного управления партизанскими отрядами и координация их действий, в том числе, и со стратегическими замыслами командования Красной Армии. В сентябре 1942 г. решением Государственного Комитета Обороны были созданы несколько республиканских штабов партизанского движения, в том числе, 9 сентября 1942 г. – Белорусский штаб партизанского движения. Возглавил его секретарь ЦК КП(б)Б П.З. Калинин, местом дислокации первоначально были д. Шейно и Тимохино Торопецкого района Калининской области, затем некоторое время – в Москве, впоследствии штаб перебазировался в подмосковный посе-

лок Сходня, где функционировала и партизанская школа, с февраля 1944 г. – в д. Чонки Гомельской области, затем в Ново-Белицу. Структурными подразделениями штаба являлись оперативный, разведывательный, информационный, связи, кадров. Представительства и оперативные группы БШПД действовали при военных советах фронтов. Они имели свои авиабазы, передвижные радиоузлы и осуществляли руководство определенными партизанскими зонами [4]. Так, представительство БШПД при I-м Прибалтийском фронте осуществляло непосредственное руководство 32 партизанскими бригадами и 8 отдельными партизанскими отрядами, действовавшими в Витебской, Вилейской, Минской областях, представительству и опергруппе БШПД Западного фронта, впоследствии разделенного на 1-й, 2-й, 3-й Белорусские фронты, подчинялись Гомельское, Полесское, Брестское, Пинское партизанские соединения, ряд партизанских отрядов [5].

Основными направлениями работы штаба были: организация и координация действий партизанских формирований, их материально-техническое и кадровое обеспечение, совершенствование разведывательной деятельности. Следует отметить, что эта работа велась под непосредственным руководством ЦШПД, Ставки ГКО, параллельно с деятельностью служб Главного разведывательного управления, НКВД. По линии ГРУ, НКВД продолжали засылаться диверсионные и разведывательные группы, которые в ряде случаев становились основой для создания новых партизанских отрядов. Последнее, правда, приводило иногда к своего рода соперничеству, как например, с убийством Кубе, когда заслугу за проведение этой операции пытались приписать себе и ГРУ, и НКВД, в итоге арбитром пришлось выступить лично Сталину.

Белорусский штаб партизанского движения предпринял немало мер по созданию четкой организационной структуры партизанских формирований, приблизив их, по сути, по формам и содержанию деятельности к кадровым войсковым соединениям. В конце 1942 г. – первой половине 1943 г. партизанские группы были объединены в следующие структурные единицы: взводы, которые в свою очередь входили в состав партизанских отрядов, затем партизанские бригады, партизанские соединения, военно-оперативные группы. Дисциплина в партизанских формированиях приводилась в соответствие с воинской, было улучшено материально-техническое снабжение

партизан, прежде всего, вооружением, как и в воинских подразделениях, партизанам присваивались воинские звания, производились награждения, даже определено, как и в Красной Армии, денежное довольствие, но с выплатой после освобождения Беларуси от оккупантов.

До создания ЦШПД и БШПД непосредственное руководство и связь с партизанскими отрядами осуществлялись главным образом через Суражские «ворота». Авиация использовалась только для выброски на парашютах диверсионных групп. Первые полеты самолетов непосредственно к партизанам на партизанские аэродромы начали осуществляться с июля 1942 г. Для этого партизаны оборудовали первыми Кличевский и Голынский аэродромы. Регулярные авиарейсы к партизанам были налажены с осени 1942 г., после создания БШПД. Штаб имел свои аэродромные базы на Чкаловском, Монинском, Внуковском, Реутском, Раменском, Астафьевском аэродромах. Кроме того, аэродромные базы со временем были созданы при опергруппах БШПД на отдельных фронтах: на 1-м Белорусском фронте – в д. Вязовка, 2-м Белорусском фронте – в д. Налайковичи, 3-м Белорусском фронте – в д. Кушлянщина. В 1943 г., после передислокации БШПД в Ново-Белицу, там же была создана и зябровская аэродромная база.

По заданию ЦК КП(б)Б началось оборудование взлетно-посадочных площадок для приема грузов с «Большой земли» в партизанских зонах: в Бегомльском, Ушачском и ряде других районов Белоруссии. На одном из подмосковных аэродромов были организованы курсы по подготовке специалистов аэродромного строительства для партизанских зон. К 1944 г на временно оккупированной территории Беларуси были сооружены 41 партизанский аэродром и 83 площадки для выброски грузов. Воздушное сообщение с Большой землей стало осуществляться регулярно. В течение двух лет, по подсчетам Белорусского штаба партизанского движения, летчики авиации дальнего действия, фронтовой авиации, отдельного авиаотряда БШПД совершили 5945 вылетов в тыл врага, доставили в отряды и бригады 2626 человек, 2403,5 тонн различных грузов, в их числе более шестидесяти тысяч автоматов и винтовок, около трех тысяч пулеметов, 100 млн. патронов к ним, двести тысяч гранат, пятьсот пятьдесят три тонны прессованного тола, свыше ста тысяч диверсионных мин и много другого военного имущества [6].

С оккупированной территории было эвакуировано на Большую землю двенадцать тысяч тяжелораненых и больных партизан, немало членов семей военнослужащих [7, с. 132]. Однако при этом были потеряны 51 самолет и планер.

Для организации руководства и координации действий, а также для получения оперативной разведывательной информации крайне необходима была связь. БШПД организовал подготовку радистов, одновременно принимались меры по обеспечению партизан радиосвязью. К декабрю 1942 г. партизанам было переправлено 62 радиостанции, а к началу 1944 г. все крупные партизанские бригады и соединения были обеспечены устойчивой радиосвязью. К началу операции «Багратион» в тылу врага действовало 130 партизанских радиостанций, не считая радистов с рациями, направленных к партизанам штабами фронтов, армий с целью тактического взаимодействия.

Все это облегчало непосредственное управление партизанскими отрядами и соединениями, согласование боевых задач партизан с действиями регулярных подразделений Красной Армии, способствовало активизации действий партизан и повышению их эффективности, оказанию ими действенной помощи Красной Армии. Об эффективности совершенствования централизованного управления партизанским движением свидетельствуют немало фактов.

Например, в апреле 1943 г. на совещании у Сталина маршал авиации А.Е. Голованов, говоря о проблемах, стоящих перед авиацией дальнего действия, обратил внимание на сложность организации полетов из-за отсутствия информации о метеоусловиях на центральном направлении, прежде всего, в Беларуси. В итоге в каждом партизанском соединении с помощью прибывших специалистов были созданы метеопосты, которые снабжали регулярными сведениями центр.

Большую помощь партизаны оказывали Красной Армии в обеспечении разведанными. Эффективность партизанской разведки в 1943 г. отмечал маршал Г.К. Жуков. Он писал, что «партизаны снабжали советское командование разведанными, которые помогали правильно оценить обстановку и замыслы вражеского командования на лето 1943 г.».

О том, какое значение придавалось командованием Красной Армии партизанам Беларуси, свидетельствует тот факт, что парти-

занский фактор учитывался при планировании масштабных стратегических операций. В августе 1943 г. на совещании у Сталина было решено создать плацдарм на основе Полоцко-Лепельской партизанской зоны для приема воздушно-десантного корпуса. С этой целью были сосредоточены 15 партизанских бригад, которые заняли круговую оборону, оборудовали рубежи обороны. Однако германские войска начали крупномасштабную карательную операцию против партизан с использованием танков, авиации, в итоге десант не состоялся [8, с. 49, 73, 178].

Крупнейшей операцией партизан, проведенной в соответствии со стратегическими замыслами советского командования, стала «рельсовая война». Ей предшествовала не менее масштабная операция, проведенная с помощью авиации, по обеспечению партизан необходимым количеством боеприпасов, взрывчатки. С 20 апреля по 5 июня 1943 г. было совершено 624 самолетовылета, в ходе которых партизанам было доставлено 535 тонн различных грузов, в том числе 172 тонны взрывчатки, переправлено 259 инструкторов-подрывников [9]. Во многих бригадах и отрядах проводились занятия, на которых партизаны учились подрывному делу. В ходе первых двух этапов «рельсовой войны», продолжавшихся с 3 августа до начала ноября 1943 г., партизаны взорвали более 200 тыс. рельсов, 256 мостов, в итоге перевозки для немецкой группы армий «Центр» сократились на 40%. В ходе третьего этапа, накануне операции «Багратион», только в ночь с 19 на 20 июня 1944 г. партизаны взорвали свыше 40 тыс. рельсов.

Маршал Г.К. Жуков в своих воспоминаниях отмечал, что централизация руководства партизанской борьбы во всех звеньях – от тактического до оперативно-стратегического – в период операции «Багратион» привела к тому, что «активные действия партизан на тыловых путях немецких войск парализовали деятельность снабжающих органов и перевозки» [10, с. 546].

Всего в ходе боевого взаимодействия с частями Красной Армии в данный период партизаны Белоруссии уничтожили 15 тысяч, взяли в плен более 17 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

Таким образом, постоянное совершенствование централизованного управления партизанским движением в Беларуси явилось одним из важнейших факторов повышения его эффективности.

Использованная литература

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя [и др.]. – Минск: БЕЛГА, 2005. – 544 с.
2. Старинов И.Г. Записки диверсанта / И.Г. Старинов. – М.: Альманах «Вымпел», 1997. – 227 с.
3. Паўлавец П.С. Паўночна-Заходняя аператыўная група ЦК КП(б)Б / П.С. Паўлавец // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945: Рэд. кал. І.П. Шамякін [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1990. – С. 490–491.
4. Манаенкаў А.Л. Беларускі штаб партызанскага руху / Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945: Рэд. кал. І.П. Шамякін [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1990. – С. 80–82.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 3. – Д. 132. – Л. 2.
6. Отчет оперативного отдела БШПД о работе авиации по обслуживанию партизан Беларуси // НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 3. – Д. 110. – ЛЛ. 12, 39–47, 142.
7. Калинин П.З. Партизанская республика / П.З. Калинин. – Минск: Беларусь, 1973. – 365 с.
8. Брюханов Л.И. В штабе партизанского движения // Л.И. Брюханов. – Минск: Беларусь, 1980. – 256 с.
9. Отчет оперативного отдела БШПД о работе авиации по обслуживанию партизан Беларуси // НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 3. – Д. 110. – Л. 88.
10. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М.: Издательство АПН, 1969. – 702 с.

КУЛЬТУРНАЕ РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ ХХ ст. (1900 – 1914 гг.)

Шаўлінскі М.Б., канд. гіст. навук, дацэнт

Асобныя аспекты развіцця культуры Беларусі ў пачатку ХХ ст. закраналіся ў працах айчынных вучоных, аднак увогуле праблема грунтоўна не даследавалася і прадстаўляе цікавасць для беларускай

гістарычнай навукі. Актуальнасць тэмы таксама вызначаецца неабходнасцю вывучэння ўсіх накірункаў, відаў і формаў беларускай культуры таго часу.

Трэба заўважыць, што культура Беларусі ў пачатку ХХ ст. развівалася ў цеснай сувязі з нацыянальным рухам, працэсамі культурнага наступу больш магутных суседзей: з усходу – Расіі, з захаду – Польшчы. Царызм у той час не дазваляў на Беларусі ніякіх нацыянальных формаў грамадскага развіцця, ім таксама падаўляліся праявы культурна-нацыянальнага адраджэння беларусаў. Вось як аб становішчы ў беларускіх губернях у гэты час апавядаў вядомы гісторык М.В. Доўнар-Запольскі: “Цяжкая, прыгнятаючая рука царскага ўраду не дазваляла тут ствараць навуковыя цэнтры, разганяла інтэлігентных работнікаў, зганяла сюды русіфікатараў, цікавілася краем толькі з паліцэйскага пункту гледжання, таму нават нашыя губернскія цэнтры ў навуковых і грамадскіх адносінах далёка адставалі ад губернскіх цэнтраў Украіны ці Вялікарасіі” [1, с. 1].

Найбольш важным накірункам русіфікатарскай палітыкі была забарона беларускай мовы і распаўсюджванне рускай. Напрыклад, у часопісе Камітэта Міністраў з нагоды імператарскага ўказу ў адносінах да заходніх губерняў падкрэслівалася: “Расійскай мове як дзяржаўнай павінна быць, па перакананню Камітэта, і далей паранейшаму забяспечана пануючае становішча. Неабходнасць гэтага выцякае з факта прыналежнасці края да Расійскай дзяржавы і ўсведамлення, што заходнія губерні, якія здаўна ўваходзілі ў яе склад, маюць у значнай сваёй частцы спрадвечна рускае насельніцтва [2, л. 586].

У якасці навуковага абгрунтавання сваёй русіфікатарскай палітыкі царскі ўрад выкарыстоўваў ідэалогію “заходнерусізма”, якая адмаўляла існаванне беларускай нацыі і беларускай мовы. Гэта ідэалогія з’яўлялася адным з накірункаў грамадскай думкі ў заходніх губернях на працягу ХІХ – ХХ стст. Згодна з яе канцэпцыяй, “Беларусь не з’яўляецца краінай з асобнай нацыянальнай культурай і не мае дзеля гэтага права на самастойнае культурнае і палітычнае

развіццё, але што яна з'яўляецца культурнай і дзяржаўнай часткай Расіі і таму павінна разглядвацца як адзін з яе састаўных элементаў” [3, с. 7].

Найбольш буйным арганізацыйным стварэннем гэтай ідэалагічнай плыні з'яўлялася “Западнарусское общество”, якое было заснавана 29 студзеня 1911 г. у Пецярбургу. Статут і праграма дадзенага таварыства ставілі сваёй мэтай “узмацненне расійскай культуры і развіццё духоўных і матэрыяльных сіл расійскай народнасці ў Заходнім краі, вывучэнне сучаснага становішча і мінулага”.

Заўзятымі прыхільнікамі гэтай ідэалогіі таксама з'яўляліся праманархічныя чорнасоценна-акцябрыцкія партыі (“Союз русскаго народа”, “Всероссийский национальный союз”, “Русское окраинное общество”, “Совет объединенного дворянства” і інш.).

У такім жа накірунку, толькі з польскай арыентацыяй супраць беларускага нацыянальнага адраджэння змагалася польская палітычная эліта. Польскі ўплыў асабліва моцна адчуваўся ў галіне культуры. Фактычна многія пласты польскага грамадства, у тым ліку, іхнія ідэйныя натхняльнікі Людвіг Гурскі і Генрых Сянкевіч актыўна прапагандавалі ідэі пра “гістарычнае права Польшчы на Беларусь”, пра “вялікую культурную місію палякаў на Усходзе” і г.д. [4, с. 19].

Такія ідэі таксама прапагандавалі “працоўныя хрысціянскія саюзы” (клерыкальнага напрамку) [5, л. 25], таксама “Польская партыя сацыялістаў”(ППС), якая здолела разгарнуць вельмі актыўную работу сярод польскага насельніцтва Беларусі і Літвы. Лідэры ППС неаднаразова адзначалі ў сваіх прамовах, што Літва і Беларусь павінны ўвайсці ў склад незалежнай дэмакратычнай польскай рэспублікі. Так, С. Мендэльсон, актыўны дзеяч ППС, на старонках “Pszedswita” заўважаў, што “Польшча ў этнічных граніцах – гэта проста абсурднае паняцце” [6, с. 56].

Найбольш рэакцыйныя газеты польскага друку (“Slowo”, “Kurjer Warszawzki”, “Prawda”, “Gazeta Codzenna”), у публікацыях якіх асабліва адчувалася нянавісць да беларускага народа і яго культуры, выступалі адзіным фронтам супраць беларускай літаратуры і беларускай мовы. Згодна з планамі аб аднаўленні Польшчы з уключэннем беларускіх зямель яны імкнуліся даказаць, што нібыта няма ні Беларусі, ні беларускага народа, ні беларускай мовы, ні, тым больш, беларускай літаратуры. Напрыклад, польскі пісьменнік

3. Пяткевіч у артыкуле пра купалаўскую “Адвечную песню” сцвярджаў: “Беларускі народ ніколі не меў і не мае сваёй літаратуры. Стварыла яе польская інтэлігенцыя. Створана яна штучным чынам, у значнай меры не адлюстроўвае ні душы, ні яго звычаяў, традыцый, вераванняў, ні нават складу яго мовы” [7, с. 2].

Аднак, нягледзячы на русіфікатарскую палітыку царскіх улад на Беларусі, экспансіянісцкую дзейнасць на беларускіх землях розных польскіх памешчыцка-клерыкальных арганізацый, беларуская інтэлігенцыя працягвала барацьбу за нацыянальна-культурнае адраджэнне, якая ва ўмовах адсутнасці ў беларусаў сваёй дзяржаўнасці, самастойных формаў палітычнага і эканамічнага жыцця з’яўлялася найбольш важным аб’ядноўваючым фактарам, садзейнічала захаванню этнічнай самабытнасці беларускага народа, вяла да абуджэння яго палітычнай самасвядомасці.

Таму зусім не выпадкова, што ў канкрэтных гістарычных умовах на грунце культурна-асветніцкіх гурткоў у 1903 г. нарадзілася першая палітычная партыя нацыянальна-дэмакратычнай арыентацыі – Беларуская рэвалюцыйная грамада (БРГ), якая ў 1904 г. была перайменавана ў Беларускую сацыялістычную грамаду (БСГ) [4, с. 19–20].

Стваральнікамі і кіраўнікамі партыі былі І. Луцкевіч, А. Луцкевіч, А. Пашкевіч (Цётка), А. Бурбіс, К. Кастравіцкі (Карусь Каганец), В. Іваноўскі, Ф. Усмятоўскі і інш. Практычна з першых дзён сваёй дзейнасці, а таксама ў перыяд рэвалюцыі 1905–1907 гг. партыя выступіла як арганізатар барацьбы беларускага народа за яго нацыянальнае і культурнае адраджэнне.

Для прапаганды нацыянальных ідэй і беларускай культуры БСГ у верасні 1906 г. заснавала першую легальную беларускую газету “Наша доля” [8, с. 289]. Газета выступала за тое, “каб усе народы мелі як найбольшую свабоду”, а самай жаданай формай забяспечання нацыянальнай свабоды ў перыяд капіталізму прызнала “незалежную дэмакратычную рэспубліку” [9, с. 228]. Увогуле газета “Наша доля” мела рэвалюцыйна-дэмакратычны характар, у сувязі з чым з 6 нумароў 5 былі канфіскаваны, а нумар 7 раскіданы ў наборы. Пасля закрыцця “Нашай долі” лідэры БСГ заснавалі газету “Наша ніва”, якая ўзначаліла барацьбу за нацыянальнае адраджэнне і якая выдавалася штотыднёва на беларускай мове ў Вільні з лістапада 1906 г. па жнівень 1915 г.

Першачарговую і галоўную сваю задачу ў тых умовах “Наша ніва” бачыла ў барацьбе за ўсебаковае нацыянальна-культурнае адраджэнне беларускага народа, за прызнанне самога факта яго існавання, за яго раўнапраўнасць з іншымі народамі. Зыходзячы з таго, што асновай усёй нацыянальнай культуры з’яўляецца мова народа, нашаніўскі публіцыст С. Палуян пісаў: “Нам упершую чаргу трэба адрадзіць сваю мову... Толькі адрадзіўшы мову, мы зможам паставіць на цвёрды грунт наш рух” [9, с. 228].

Паступова пад кіраўніцтвам лідэраў БСГ “газета стала галоўнай трыбунай, ідэалагам і арганізатарам беларускага нацыянальнага культурнага руху, усімі сваімі праявамі накіраванага супраць вялікадзяржаўнай палітыкі царызму, рэакцыйнай дзейнасці рускіх чарнасоценна-акцыябрысцкіх і польскіх памешчыцка-клерыкальных партый і арганізацый, а таксама царквы і касцёла, якія імкнуліся асіміляваць беларускі народ, далучыўшы праваслаўную частку беларусаў да рускіх, а каталіцкую – да палякоў” [3, с. 17].

Паступова расла і папулярнасць “Нашай нівы”, штогод мацнелі яе сувязі з народам, аб чым сведчаць тыя факты, што тыднёвік меў вялікую колькасць карэспандэнтаў – сялян у самых далёкіх кутках Беларусі. Згодна з заявай рэдакцыі газеты, толькі за першыя тры гады свайго існавання яна змясціла 960 артыкулаў з 489 беларускіх вёсак, надрукавала 246 вершаў 61 паэта, 91 апавяданне 36 розных аўтараў [10, с. 17].

У той жа час праявіліся і пашырыліся розныя формы арганізацый беларускай студэнцкай моладзі, якая займалася ў вышэйшых навучальных установах Пецярбурга, Масквы, Харкава, Рыгі, Варшавы і іншых гарадоў Расійскай імперыі. Адным з найбольш актыўных з’яўляўся “Беларускі літаратурна-навуковы гурток студэнтаў Санкт-Пецярбургскага ўніверсітэта”. Гэты гурток узнік па ініцыятыве студэнтаў Я. Хлябцэвіча і Б. Тарашкевіча, а кіраўніком яго быў абраны дацэнт А.А. Разенфельд. Заснавальнікамі гуртка таксама з’яўляліся Л. Адамовіч, А. Каспяровіч, Я. Сушынскі, К. Душэўскі, Л. Давідовіч і інш. 30 снежня 1912 г. савет прафесараў універсітэта афіцыйна зацвердзіў статут гуртка, дзе адзначалася, што мэтай гурткоўцаў было “навуковае азнаямленне з духоўным і грамадскім жыццём беларускага народа” [11, с. 61].

На сваіх паседжаннях гурткоўцы абмяркоўвалі рэфераты, даклады па пытаннях гісторыі, мовы, літаратуры, народнай творчасці,

побыту беларускага народа. У рабоце гуртка ўдзельнічалі навукоўцы Б.Ш. Эпімах-Шыпіла, Я.Ф. Карскі, А.А. Шахматаў і іншыя. Вось што згадвае пра гэты час П. Мядзёлка: “1912–1913 гады. Пецярбург... Кожную суботу вечарамі збіралася беларуская моладзь на кватэры прафесара Браніслава Эпімаха-Шыпілы... Апрача студэнцкай моладзі, тут спаткаем... жывапісца Драздовіча, збіральніка беларускіх народных песен Грыневіча, кампазітара Казуру, інжынераў, аграномаў. Браніслаў Тарашкевіч чытае даклад аб асновах беларускай граматыкі, іншым разам хтось прачытае даклад па гісторыі ці эканоміцы Беларусі, Грыневіч знаёміць нас з новымі запісамі беларускіх народных песен; Драздовіч расказвае аб беларускім стылі старадаўніх касцёлаў, цэркваў і іншых помнікаў архітэктуры, паказвае нам свае замалёўкі; Жылуновіч прыносіць падпольную рэвалюцыйную літаратуру, расказвае аб рабочым руху на заводах, Купала чытае свае творы... і так кожную суботу” [11, с. 61].

Акрамя гэтага гуртка ў Пецярбурзе існавалі яшчэ “Беларускі студэнцкі хаўрус” пры сельскагаспадарчым інстытуце, беларускі гурток пры каталіцкай духоўнай семінары і арганізацыя беларускіх студэнтак Пецярбургскіх жаночых курсаў. Напярэдадні вайны ў некаторых правінцыяльных гарадах таксама працавалі беларускія гурткі студэнтаў: пры Глухаўскім настаўніцкім інстытуце на Чарнігаўшчыне, пры ўніверсітэце ў Дэрпце, пры Феадосьеўскім настаўніцкім інстытуце ў Крыме, пры інстытуце сельскай гаспадаркі ў Пулавах (Польшча), у Закаўказзі, нават у Чэхіі [12, с. 67–68].

Агульны грамадска-палітычны і культурны ўздым у пачатку ХХ ст. абумовіў хуткі рост і развіццё беларускай літаратуры. “З’явіліся паэты, песняры свайго, забытага Богам і людзьмі краю і долі народнай. Прарокі яны ці не прарокі – аб гэтым скажэ будучыня, але што яны косьць з косьці свайго народу – аб гэтым і рэчы быць ня можэ” [13, с. 1], – адзначалася ў адным з рэдакцыйных артыкулаў “Нашай нівы”.

Літаратура таго часу была прасякнута пачуццём гонару за свой народ і яго барацьбу за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне, ідэяй сцвярджэння чалавечай годнасці мужыка-беларуса. Вялікі ўклад у развіццё беларускай літаратуры ўнеслі Я. Купала, Я. Колас, М. Богдановіч, К. Каганец, Ц. Гартны, М. Гарэцкі і інш. У іх творах адчуваецца любоў да радзімы, жаданне бачыць свой народ свабодным і шчаслівым.

Летапісам жыцця, працы і барацьбы беларускага народа, квітнеючым садам, у якім сабраны самыя дарагія каштоўнасці мастацкага слова, называюць творчасць Янкі Купалы. У 1905 г. у газеце “Северо-Западный край” быў надрукаваны першы верш паэта “Мужык”. У творы Купала паказаў беларуса, які працуе, “як той вол рабочы”, лечыцца без доктара і “свята рэдка калі” знае, не ўмее ні чытаць, ні пісаць, зносіць лаянку і свавольства пана.

У 1908 г. у Пецяярбургу выйшаў з друку першы паэтычны зборнік Я. Купалы “Жалейка”, вершы якога ствараліся на самым грэбні рэвалюцыйных падзей 1905–1907 гг. У вершы “Там” (са зборніка “Жалейка”) Я. Купала заклікаў беларускі народ “прачнуцца” і змагацца за сваё вызваленне, а ў вершы “Ворагам Беларушчыны” паэт ведзе гаворку аб гістарычным праве беларусаў на сваю незалежнасць, на свабоднае развіццё беларускай мовы.

Увогуле, усе вершы зборніка “Жалейка” прасякнуты пафасам услаўлення беларускага мужыка-працаўніка, якога паэт называе “панам сахі і касы” [14, с. 122]. У 1910 г. таксама ў Пецяярбургу быў выдадзены другі зборнік паэта – “Гусляр”, а ў 1913 г. трэці – “Шляхам жыцця”. Акрамя гэтых твораў, Я. Купала ў даваенныя гады напісаў паэму “Курган” (1910), камедыю “Паўлінка” (1912), драму “Раскіданае гняздо” (1913) і інш.

Глыбінныя зрухі ў беларускай літаратуры ў пачатку XX ст. звязаны з іменем Я. Коласа. Літаратурную дзейнасць ён пачаў у 1906 г., калі напісаў свой першы верш “Наш родны край”. У ім, як і ў пазнейшых творах “Вёска”, “Наша сяло”, “Ворагам” паэт заклікаў бедны народ не гнуцца перад багатымі, не спадзявацца на іх дапамогу, а самому быць кавалём уласнага шчасця.

Паэзія Я. Коласа была паэзіяй тугі і смутку. Невыпадкова свой першы зборнік вершаў паэт назваў “Песні жалбы” (1910). У ім многа лірычных, шчырых вершаў пра бацькаўшчыну, пра “забыты богам край”. Нямала вершаў у Я. Коласа, прысвечаных тэме паэта і паэзіі (“Песняру”, “Дудка”, “Родныя песні”). У іх аўтар патрабуе ад мастакоў слова быць выразнікамі дум і жаданняў народа, смела раскрываць праўду жыцця, пісаць узнёсла і ўсхвалявана.

Самабытны талент Я. Коласа знайшоў сваё бліскучае праяўленне і ў прозе. У ранніх апавяданнях пісьменнік адлюстроўвае розныя бытавыя з’явы і падзеі ў беларускай вёсцы, абуджэнне свядомасці працоўнага сялянства, рост яго стыхійнага пратэсту,

ставіць вострыя палітычныя і сацыяльныя пытанні (апавяданні “Бунт”, “Нёманаў дар”, “Малады дубок”).

Вяршынай паэтычнага майстэрства песняра з’яўляецца паэма “Новая земля”, над якой паэт пачаў працаваць у 1910 г., а закончыў у 1923 г. У сваёй аснове паэма аўтабіяграфічная і невыпадкова яе называюць энцыклапедыяй жыцця беларускага сялянства ў дарэвалюцыйны час [14, с. 154].

Значны ўклад у развіццё беларускай культуры XX ст. унёс малады паэт М. Багдановіч. Як беларускі паэт, перакладчык, крытык і гісторык літаратуры ён зрабіў шмат і назаўсёды застаецца ў нашай культурнай спадчыне, нягледзячы на тое, што пры жыцці паэта выйшоў толькі адзін зборнік вершаў – “Вянок” (1913). У літаратурна-разнаўчых і публіцыстычных творах паэта зроблен сістэматызаваны і комплексны агляд гісторыі беларускай літаратуры ад XII да пачатку XX стст. ва ўзаемасувязі і ў кантэксце з агульнаславянскім і еўрапейскім гісторыка-культурным працэсам. Паэт спрыяў замацаванню ў грамадскай думцы галоўных паняццяў, з якімі звязана нацыянальнае развіццё: “Беларусь”, “беларускі народ”, “беларуская нацыя”, “Бацькаўшчына”, “беларуская мова”, “беларуская культура”, “беларуская інтэлігенцыя” [9, с. 227].

Дзякуючы намаганням М. Багдановіча (паэт таксама працаваў у галіне мастацкага перакладу – М. Ш.), беларускі чытач змог пазнаёміцца з творамі старажытных рымскіх аўтараў Авідзія і Гарацыя, нямецкіх – Ф. Шылера і Г. Гейне, французскага – П. Верлена, рускіх – А. Пушкіна і А. Майкава і інш. [15, с. 200].

Адной са значных постацей на ніве беларускай культуры пачатку XX ст. з’яўляецца М. Гарэцкі. Яго літаратурная творчасць пачалася ў 1912 г. з першых допісаў у газету “Наша ніва”. Першае яго апавяданне – “У лазні” (1913), першы зборнік – “Рунь” (1914). Ужо ў ранніх творах “Наш тэатр” (1913), “Развагі і думкі” (1914) ён вылучыў праблемы духоўнага сталення нацыі, актывізацыі глыбіннага гісторыка-культурнага патэнцыяла беларусаў, росту іх нацыянальнай самасвядомасці, узнаўлення гістарычнай памяці, пераадолення комплексу нацыянальнай прыніжанасці, чым зрабіў важкі ўклад у развіццё беларускай і грамадскай думкі.

Гарэцкі М. таксама абгрунтаваў грамадскае прызначэнне беларускай літаратуры, культуры, інтэлігенцыі, сфармуляваў задачу “культурнаадражэнскіх сіл”. Ён таксама развіў палажэнні М. Багда-

новіча аб Адраджэнні як сваеасаблівай заканамернасці гісторыка-культурнага працэсу на Беларусі, даў арыгінальную перыядызацыю развіцця літаратуры, падкрэсліў станоўчае дачыненне беларускай дзяржаўнасці ў эпоху ВКЛ да росквіту тагачаснага пісьменства, яго “залатога веку” (летапісанне, Статуты ВКЛ, творчасць Ф. Скарыны, С. Буднага, В. Цяпінскага, Л. Сапегі і інш.), арганічную сувязь тагачасных гуманістычных традыцый з нацыянальнаадраджэнскім духам новага часу [9, с. 225]. Многія творы М. Гарэцкага выдадзены на рускай, украінскай, літоўскай, латышскай, польскай і нямецкай мовах.

Сапраўднымі сцяганосцамі беларускай літаратуры гэтага часу, акрамя адзначаных, з’яўляліся А. Пашкевіч (Цётка), К. Буйло, Я. Журба, А. Гарун, А. Гурло і іншыя. Прыкметныя зрухі ў разглядаемы перыяд адбыліся і ў развіцці беларускага кнігадрукавання. У 1905 г. царскія ўлады пасля працяглага часу скасавалі забарону на беларускамоўныя публікацыі. 5 мая 1906 г. было ўтворана выдавецкае таварыства “Загляне сонца і ў наша ваконца” [16, с. 131].

Ініцыятарам заснавання суполкі быў Б. Эпімах-Шыпіла. У яе склад таксама ўвайшлі І. Вінцук, У. Калашэўскі, У. Сталыгва, Ю. Іваноўскі і іншыя. Паводле палажэння, якое было зацверджана 13 мая 1906 г., таварыства арганізавалася для таго, каб “друкаваць і шырыць паміж людзёў ксёнжкі беларускія і ўсё, што датычалася Беларусі” [17, л. 1].

Нягледзячы на цензурныя перашкоды і цяжкае становішча, суполка за няпоўныя восем гадоў існавання выпусціла цэлую бібліятэчку беларускіх кніг, каля 40 назваў, агульным тыражом звыш 100 тысяч экзэмпляраў. Таварыства “Загляне сонца і ў наша ваконца” перавыдала творы В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, выпусціла купалаўскія зборнікі “Жалейка” і “Шляхам жыцця”, а таксама “Паўлінку”, кнігі Я. Коласа, З. Бядулі, Цёткі, К. Каганца і іншых беларускіх пісьменнікаў, наладзіла выданне перакладной літаратуры (А. Міцкевіча, А. Чэхава, М. Крапіўніцкага, Э. Ажэшкі і інш.). Суполка выдавала падручнікі, навукова-папулярную літаратуру, драматычныя творы, паштоўкі з беларускімі краявідамі і партрэтамі беларускіх пісьменнікаў.

Актыўна ў той час працавала выдавецтва “Нашай нівы” (1907–1913) [18, с. 211]. Пачынаючы з 1910 г., “Наша ніва” выдавала вельмі папулярны “Беларускі каляндар”, тыраж якога дасягаў 20000

экзэмпляраў. Адрасоўваліся каляндары беларускаму селяніну і складаліся з наступных раздзелаў: агульныя звесткі, важнейшыя кірмашы на Беларусі, статыстычны і юрыдычны раздзелы, парады для гаспадароў (“Работа ў полі вясной”, “Лубін”, “Садок каля хаты”, “Школка і прышчэпкі”) і інш. Быў у каляндары раздзел “З роднай нівы”, дзе друкаваліся мастацкія творы беларускіх пісьменнікаў; складальнікі таксама шырока выкарыстоўвалі на старонках каляндароў народныя прыкметы, беларускія жарты, прыпеўкі. Двойчы на мясцовых сельскагаспадарчых выстаўках “Беларускі каляндар” атрымліваў сярэбраныя медалі, ён высока ацэньваўся ў рускім, украінскім і польскім друку. Напрыклад, прафесар А. Пагодзін пісаў: “Нашым выдаўцам каляндароў для народа варта было б звярнуць увагу на штогоднія каляндары, якія выпускае “Наша ніва”. Гэтыя каляндары праводзяць сапраўдную культурную работу” [16, с. 144].

У выданнях “Нашай нівы” у 1911–1912 гг. выйшлі, апрача таго, некалькі адносна аб’ёмных кніг: зборнік Я. Коласа (Т. Гушчы) “Апавяданні”; Ядвігіна Ш. “Бязрозка”, “Беларускія казкі” і інш. Вясной 1912 г. сельскагаспадарчы аддзел “Нашай нівы” быў пераўтвораны ў самастойны часопіс “Саха”, які спачатку выдаваўся ў Вільні, а са снежня 1917 г. – у Мінску.

15 снежня 1908 г. у Вільні пачало сваю дзейнасць беларускае выдавецкае таварыства “Наша хата”. У склад новай віленскай суполкі ўвайшлі В. Бонч-Асмалоўскі, А. Уласаў, Б. Даніловіч, І. Луцкевіч, І. Манькоўскі і К. Цэтэрман. Галоўная кантора таварыства “Наша хата” знаходзілася ў Вільні пры бібліятэцы “Знаніе”. Суполка “Наша хата” выдала 6 кніг агульным тыражом 15 тыс. экзэмпляраў.

Значную ролю ў развіцці беларускага кнігадрукавання адыграла заснаваная ў Вільні 1 ліпеня 1913 г. “Беларускае выдавецкае таварыства”. Яго заснавальнікамі былі Б. Даніловіч, І. Луцкевіч і К. Шпакоўскі. Адзначалася, што новае таварыства “мае мэтай выданне і распаўсюджванне кніг, брашур, плакатаў і ўсялякіх выданняў (перыядычных і іншых) на беларускай мове, а таксама прац, якія маюць адносіны да Беларусі, на іншых мовах” [19, л. 49–50]. Толькі за 1914 г. таварыства выпусціла ў свет 13 кніг тыражом 42 тыс. экзэмпляраў. Такой вялікай колькасці беларускіх кніг, як па

назвах, так і па тыражу, тады не выдавала за год ні адно выдавецтва [16, с. 147].

Акрамя гэтых выдавецтваў, у 1908–1914 гг. дзейнічалі і іншыя: “Грамада”, “Беларус”, “А. Грыневіч”, “Палачанін”. Усяго за адзначаны перыяд беларускія выдавецтвы выдалі 77 кніжак агульным тыражом 226000 асобнікаў [20, с. 432].

Асабліваці культурнага развіцця Беларусі ў пачатку XX ст., адпаведна, адбіліся на стане асветы і адукацыі. Царскія ўлады разумелі, што сістэма адукацыі ў краіне ў той час адставала ад патрабаванняў жыцця, і пачалі неяк садзейнічаць яе развіццю. Замест царкоўна-прыходскіх школ, якія знаходзіліся ў заняпаде, адкрываліся пачатковыя народныя вучылішчы з 4-класнай агульнай адукацыяй. Хутка пашыралася сетка дзяржаўных і прыватных сярэдніх школ – гімназій і рэальных вучылішчаў. У 1914 г. на Беларусі ўжо налічвалася 88 сярэдніх навучальных ўстаноў, у тым ліку, 33 дзяржаўныя сярэднія школы розных ведамстваў і 55 прыватных поўных і няпоўных школ [9, с. 211]. Агульная колькасць школ усіх тыпаў у 1914 г. складала 7682 [8, с. 287], у іх навучалася 490 тыс. навучэнцаў.

У пачатку XX ст. на Беларусі таксама павялічылася сетка школ і вучылішчаў прафесійнага навучання, дзе рыхтаваліся спецыялісты для розных галін гаспадаркі. На пачатак студзеня 1910 г. налічвалася 66 чыгуначных, сельскагаспадарчых, рамесніцкіх і іншых школ і вучылішчаў [8, с. 287]. Для дарослага насельніцтва адкрываліся нядзельныя школы, вячэрнія змены і курсы. У 1914 г. дзейнічалі 4 гандлёвапрамысловыя вучылішчы, грамадская школа фельчараў і акушэрак, 5 настаўніцкіх семінарыяў, якія выпускалі настаўнікаў для народных вучылішчаў. Ва ўсіх сярэдніх школах у той час навучалася 1,4 тыс. чалавек [9, с. 212]. Настаўнікаў таксама рыхтавалі настаўніцкія інстытуты ў Віцебску, Мінску і Магілёве.

Неабходна звярнуць увагу і на тое, што некаторыя дзеячы беларускага нацыянальнага адраджэння, сярод іх В. Іваноўскі, К. Каганец, Я. Купала, М. Багдановіч, В. Ластоўскі і іншыя рашуча выступалі ў той час за стварэнне беларускай нацыянальнай школы. Значных поспехаў усправе адраджэння беларускай нацыянальнай школы і ўвогуле культуры дасягнуў С.Е. Палуян. Ён лічыў, што менавіта народная школа павінна стаць галоўным сродкам распаўсюджвання беларускай мовы. С. Палуян не толькі паставіў пы-

танне аб “нацыяналізацыі школы”, якую разумеў шырока, але і вы­ступіў за дэмакратызацыю школьнай справы. Галоўным момантом пры гэтым ён лічыў увядзенне выкладання на роднай мове, садзей­нічанне школе ў развіцці нацыянальнай свядомасці вучняў [9, с. 217].

Трэба адзначыць, што за навучэнне на роднай мове выказаліся ў 1907 г. настаўніцкі з’езд у Вільні [8, с. 287] і нарада дырэктараў і інспектараў народных вучылішч Віленскай вучэбнай акругі [21, л. 91]. Не менш прыкметныя зрухі ў пачатку XX ст. былі зроблены ў этнаграфіі, вивучэнні гісторыі і культуры края, а таксама ў прыро­дазнаўчых навуках. У той час пры ўдзеле мясцовай інтэлігенцыі пачалі стварацца розныя навуковыя таварыствы. Усяго на Беларусі ў перыяд 1900–1914 гг. дзейнічала 54 навуковых і культурна­асветніцкіх таварыстваў.

Найбольш вядомым было “Мінскае таварыства аматараў прыгожых мастацтваў”, якое існавала з 1898 па 1906 гг. Створана яно па ініцыятыве Я. Чырыкава, А. Аляксандрава, В. Чавусава. Ар­ганізацыяй кіраваў савет старэйшын з 10 чалавек. Усклад таварыства ў розны час уваходзілі Д. Мейчык, С. Мядзведзеў, А. Холм­скі, К. Фальковіч, С. Камінскі, В. Сушынскі і інш. Паводле статута, таварыства ставіла мэтай “служыць збліжэнню мясцовых дзеячоў у галіне прыгожых мастацтваў і асоб, якія спачуваюць ім”, садзей­нічаць развіццю і распаўсюджванню мастацтваў у Мінску [22, с. 169]. Таварыства складалася з літаратурнай, драматычнай, му­зычнай і мастацкай секцый. Як прагрэсіўная грамадская культурна­асветніцкая арганізацыя, таварыства зрабіла значны ўклад у справу шырокай прапаганды эстэтычных ведаў, абуджэння і развіцця са­мадзейнай творчай ініцыятывы шырокіх дэмакратычных слаёў гра­мадскага насельніцтва. Так, літаратурная секцыя наладжвала лек­цыі, дыспуты, чытанне рэфератаў пра творчасць Э. По, В. Бялінска­га, А. Чэхава, Л. Андрэева, М. Горкага. Мастацкая секцыя арганіза­вала выстаўкі жывапісу, графікі, фатаграфіі (1901, 1902, 1904). Му­зычная секцыя мела аркестр, клас па тэорыі харавых спеваў і інш.

У 1912 г. у Мінску пачало сваю дзейнасць “Мінскае таварыства аматараў прыродазнаўства, этнаграфіі і археалогіі”, якое існавала да 1915 г. Яго праграма прадугледжвала навуковае вивучэнне прыро­ды краю, гісторыка-археалагічныя даследаванні, ахову помнікаў прыроды, распаўсюджванне прыродазнаўча-гістарычных і ге­

аграфічных ведаў на тэрыторыі Мінскай губерні. Існавала таварыства за кошт членскіх узносаў, паступленняў ад чытання лекцый, ахвяраванняў. Члены таварыства займаліся навуковай працай, чыталі даклады па медыцыне, геалогіі, глебазнаўстве, батаніцы. Арганізацыя падтрымлівала сувязі з археаграфічнай камісіяй, батанічным садамі і Вольна-эканамічным таварыствам у Пецярбургу, Казанскім універсітэтам, Маскоўскім, Вяцкім, Уральскім, Мікалаеўскім таварыствамі аматараў прыродазнаўства, Захадне-Сібірскім аддзелам Рускага геаграфічнага таварыства і інш. [22, с. 169].

Вельмі вялікае значэнне для вывучэння і папулярызавання гісторыі роднага краю мела дзейнасць “Віцебскай вучонай архіўнай камісіі”. Гэта гістарычнае таварыства было створана ў 1909 г. па ініцыятыве Е.Р. Раманова, А.П. Сапунова, В.С. Арсеньева. Паводле статута, яно мела на мэце ахову помнікаў гісторыі і культуры, вывучэнне і папулярызаванне гісторыі роднага краю, збіранне прадметаў старажытнасці, правядзенне археалагічных раскопкаў, збор і вывучэнне старадаўніх рукапісаў і дакументаў, арганізацыю экскурсій па гістарычных месцах, выданне навуковых і папулярных прац па гісторыі, геаграфіі, археалогіі і этнаграфіі Віцебшчыны [23, с. 322]. Да канца 1910 г. камісія налічвала 28 членаў-заснавальнікаў, 99 ганаровых членаў (сярод іх Дз.Н. Кайгарадаў, Я.Ф. Карскі, В.В. Ключэўскі, А.С. Лапа-Данілеўскі, П.П. Сямёнаў-Цяньшанскі, А.А. Шахматаў, Б.І. Эпімах-Шыпіла), 325 правадзейных членаў (сярод іх мясцовыя гісторыкі і краязнаўцы М.В. Анцаў, К.А. Змігродскі, М.Я. Нікіфароўскі, У.К. Стукаліч, К.І. Ціхаміраў) і 15 членаў-супрацоўнікаў. Таварыства існавала на субсідыі ўрада (адначасова 500 руб. і 200 руб. штогод), членскія ўзносы, грашовыя ахвяраванні ад прыватных асоб і ўстаноў, зборы з лекцый.

У сувязі з 100-годдзем разгрому Напалеона ў Расіі камісія працягла вялікую работу па ўшанаванню памяці герояў Айчыннай вайны 1812 г., пошуку брацкіх магіл, устанавленню помнікаў на Віцебшчыне, для чаго быў створаны спецыяльны камітэт з 18 чалавек. На сабраныя камісіяй сродкі быў пабудаваны помнік у гонар герояў Айчынай вайны 1812 г. у Віцебску. Падчас сваёй дзейнасці арганізацыя мела кантакты больш чым з 100 навуковымі ўстановамі Расіі і замежных краін.

Неабходна звярнуць увагу на актывізацыю ў пачатку XX ст. тэатральнага жыцця ў Беларусі. У Мінску, Віцебску, Магілёве, Бе-

ластоку (у той час уваходзіў у склад Гродзенскай губерні – М. Ш.) і іншых гарадах вельмі часта праходзілі гастролі рускіх і ўкраінскіх тэатральных труп. Перад глядачамі выступалі вядомыя майстры сцэны А. Яблачкіна, В. Камісаржэўская, К. Варламаў, М. Дальскі, Ю. Юр’еў, група актёраў Маскоўскага Малага тэатра, трупы М. Старыцкага, М. Крапіўніцкага, О. Суслава і інш.

Дзейнасць гэтых і іншых прафесіянальных рускіх і ўкраінскіх тэатраў аказала вялікі ўплыў на ўзнікненне ў Беларусі шматлікіх аматарскіх калектываў. Найбольш вядомы тэатральны калектыв працаваў пры “Таварыстве аматараў прыгожых мастацтваў”. Толькі за перыяд 1903–1905 гг. на яго сцэне глядачы пазнаёміліся з наступнымі творамі: “Казка аб спячай прыгажуні і сямі багатырах” А. Пушкіна, “Грамадзянская смерць” Джакамеці, “Маскарад” М. Лермантава, “Дзядзя Ваня” і “Чайка” А. Чэхава, “Фама Гардзеў” М. Горкага, “Кара смерцю” Г. Ге, “Вір”, “Лес” А. Астроўскага, “Патануўшы звон” Г. Гауптмана, “Нора” Ібсена, “Ідыёт”, “Злачынства і пакаранне” Ф. Дастаеўскага [24, с. 68].

Пачынаючы з 1905 г., у гарадах, мястэчках і вёсках Беларусі пашырыліся, так званыя, “беларускія вечарынкi” – канцэрты, калі ў адзін вечар ставіліся п’есы, спяваў хор, выступалі салісты, дэкламатары, танцоры. Вечарынкi праводзіліся як стыхійна, так і па ініцыятыве музычна-драматычных гурткоў, якія існавалі ў той час у Гродна, Мінску, Слуцку, Капылі, Полацку, Дзісне, Давыд-Гарадку, Радашковічах, Празароках і інш. [25, с. 86].

Асабліва вялікую цікавасць прадстаўляе дзейнасць беларускага музычна-драматычнага гуртка, які ўзнік у 1911 г. у Вільні. Адрозна ж пасля яго адкрыцця артысты інсцэніравалі пастаноўкі “У зімовы вечар” Э. Ажэшкі, “Пашыліся ў дурні” М. Крапіўніцкага, “Сватанне” А. Чэхава. Потым гурткоўцы пачалі ставіць “Моднага шляхцюка” К. Каганца [26, с. 161]. 27 студзеня 1912 г. віленскі гурток першы ажыццявіў пастаноўку п’есы Я. Купалы “Паўлінка”. Удзячныя глядачы – віленскія беларусы – падарылі прысутнічаўшаму на вечарынцы аўтару залаты гадзіннік [8, с. 290], а артыстцы, якая іграла ролю “Паўлінкі”, аўтар падаў на сцэну букет з жывых кветак [27, с. 1]. Паступова віленскі гурток ператварыўся ў сваеасаблівы цэнтр беларускай культуры, аб’яднаў вакол сябе многіх прадстаўнікоў мастацкай інтэлігенцыі горада.

Вельмі добра была пастаўлена работа беларускага аматарскага тэатра ў Гродне. Ужо восенню 1909 г. навучэнцы гімназіі арганізавалі гурток, у якім чыталіся беларускія кнігі, вывучалася гісторыя і геаграфія Беларусі, наладжваліся вечарынкi і спектаклі. Сваю работу гурток спачатку праводзіў за горадам, у вёсках, а затым 19 лютага 1910 г. было наладжана адкрытае выступленне і ў Гродне. У праграму вечара ўвайшлі даклад аб нацыянальным адраджэнні Беларусі, песні, музыка, танцы і спектакль. Паказвалася п’еса “Па рэвізіі”. На другі дзень прадстаўленне, з прычыны вялікага поспеху, было паўторана. Пасля гэтага больш частымі сталі выезды гурткоўцаў у навакольныя вёскі – Сакольшчыну, Крыштапараву і інш. Паступова рэпертуар гуртка папаўняўся новымі п’есамі, сярод якіх былі “Модны шляхцюк”, “Міхалка” і інш.

У 1906 г. у Пятроўшчыне пад Мінскам была зроблена першая спроба арганізаваць беларускі народны тэатр [26, с. 160]. Арганізацыяй тэатра заняліся вядомыя тагачасныя беларускія палітычныя і культурныя дзеячы – А. Бурбіс, А. Уласаў, С. Кукель і інш. Быў пастаўлены пераклад камедыі Крапіўніцкага “Па рэвізіі”. Сцэна была зроблена на падворку, лаўкі самі пабудавалі, “гардэроб” (беларускія вопраткі) даставіла непасрэдна вёска. Спектакль, у якім расказвалася пра знаёмыя вясковыя парадкі ў воласці, усім падабаўся. Аднак, калі пасля спектакля А. Бурбіс прачытаў яшчэ не надрукаваны верш Я. Купалы “Што ты спіш, беларускі мужык”, які гучаў як заклік узняцця на цара і папоў, дык госці і суседзі, у асноўным, фальваркаўцы, прысутнічаўшыя на спектаклі, былі абураны. На гэтым усё і скончылася.

Тым не менш, ідэя беларускага прафесійнага тэатра была ажыццёўлена І.П. Буйніцкім (1861–1917), беларускім акцёрам, рэжысёрам, тэатральным дзеячам. Ужо пачынаючы з 1905 г. Буйніцкі сістэматычна праводзіў у Палевічах і Празароках вечарынкi самадзейных танцораў, спевакоў, дэкламатараў, музыкантаў, паказваліся і драматычныя сцэнкаў з народнага жыцця.

Паступова вакол І. Буйніцкага арганізавалася група аматараў сцэны, якая на працягу 1907 г. ператварылася ва ўстойлівы аматарскі тэатр [23, с. 118-119]. Спачатку яго ўдзельнікі выступалі перад мясцовымі жыхарамі. Праз некаторы час, у 1910 г., папоўненая таленавітымі драматычнымі акцёрамі, спевакамі трупа стала прафесійнай і атрымала назву “Першая беларуская трупа Ігната

Буйніцкага”. У яе рэпертуары былі песні, танцы, пастаноўкі п’ес “Па рэвізіі”, “Пашыліся ў дурні” М. Крапіўніцкага, “У зімовы вечар” паводле Э. Ажэшкі, “Модны шляхцюк” К. Каганца, дэкламацыя твораў вядомых і маладых беларускіх пісьменнікаў.

Царскія ўлады непрыхільна ставіліся да паказу са сцэны твораў на беларускай мове, асабліва на вострыя сацыяльныя тэмы, нярэдка забаранялі спектаклі. Але тэатр жыў, актыўна дзейнічаў на Беларусі. Толькі за перыяд 1910–1911 гг. ён гастралюваў у Дзісне, Свянцянах, Паставах, Полацку, Капылі, Нясвіжы, Клецку, Ляхавічах, Слуцку і іншых гарадах і мястэчках [23, с. 119].

15 лютага 1911 г. трупам выступала ў Пецярбургу ў клубе “Пальма”. На вечары, апрача студэнтаў-беларусаў, прысутнічала руская ўніверсітэцкая моладзь, а таксама Я. Купала. У канцы 1912 г. трупам І. Буйніцкага ў другі раз наведала Пецярбург, а ў 1913 г. выступіла на вечары студэнтаў-беларусаў у Варшаве. Аднак уціск царскіх улад і матэрыяльныя цяжкасці прымусілі І. Буйніцкага закрыць на нейкі час у 1913 г. тэатр.

Трэба адзначыць, што хуткія тэмпы станаўлення таварна-рыначных адносін у пачатку XX ст., рост беларускага насельніцтва (да 1914 г. колькасць жыхароў Беларусі дасягнула 7,5 мільёнаў чалавек) [28, с. 262], адпаведна паўплывалі на працэс урбанізацыі беларускіх гарадоў і іх архітэктур. Буйнейшым горадам Беларусі ў той час робіцца Мінск, у якім напярэдадні Першай сусветнай вайны налічвалася 106 тыс. жыхароў, столькі ж насельніцтва пражывала ў Віцебску [29, с. 20]. Найбольшай дынамікай росту вызначаўся Гомель, які за перыяд з 1890 па 1917 гг. павялічыўся ў 2,7 разы, стаўшы трэцім па колькасці насельніцтва беларускім горадам [30, с. 287].

Вядучае становішча таксама занялі Гродна і Магілёў. Аднак хуткія тэмпы росту ў той час характэрны не толькі для буйных гарадоў, але і для асобных гарадскіх пасяленняў (Баранавічы, Жлобін, Калінкавічы, Ліда, Лунінец, Маладзечна, Орша, Асіповічы, Полацк) і інш.

Пад уздзеяннем актыўных сацыяльна-палітычных працэсаў у разглядаемы перыяд у горадабудаўнічай практыцы Беларусі ўсё выразней праяўляюцца тэндэнцыі дэмакратычнага развіцця, што знайшло адлюстраванне ў некаторай нівеліроўцы адрозненняў паміж раёнамі цэнтральнай забудовы і рабочых ускраін. Напрыклад,

у перыферырных раёнах усё часцей з'яўляюцца будынкi масавага прызначэння: бальніцы, багадзельні, школы, тэхнічныя і рамесныя вучылішчы. Шырокае развіццё таксама ў пачатку ХХ ст. атрымала жыллёвае будаўніцтва. У агульнай масе жылой забудовы перавагу набывае сядзібнае будаўніцтва, якое пачало рэгламентавацца адпаведна з прынятымі ў 1870 і 1892 гг. генеральнымі планамі забудовы гарадоў, а таксама будаўнічымі і дарожнымі камісіямі, адпаведнымі органамі гарадскіх упраў. У той жа час шырыцца будаўніцтва даходных дамоў, што спрыяла шырэйшаму распаўсюджванню доўгіх шматкватэрных пабудоў. Яны падзяляліся на тры-чатыры жылыя часткі (кватэры), кожная мела асобны тамбур – ганак, ці веранду, прыхожую, вакол якой размяшчаліся кухня і жылыя пакоі (два-тры). Печы ставіліся на падоўжанай восі будынка. Мураваны падмурак, сцены з брусаў, падвойныя падлога і столь, кроквіны з урубкаю пятаў крокваў у знешнія выпускі бэлек, пакрыццё – дражка ці бляха. Сцены ўнутры часта тынкаваліся, абклеіваліся шпалерамі. Печкі аздабляліся белай кафляй з карнізамі і паяскамі, часам каляровымі [30, с. 290-291].

Даходныя дамы цэнтральных раёнаў беларускіх гарадоў былі, як правіла, двух-трохпавярховымі пабудовамі, якія ўтваралі стужачную забудову ўздоўж вуліц. Часам дамы з рознастылявымі рашэннямі фасадаў ляпіліся адзін да другога, утвараючы стракатую папластыцы і колеру панараму. Праходы ў двор ажыццяўляліся праз аркі – праезды на ўзроўні першага паверха. Пластычнае аздабленне даходных жылых дамоў складалі праёмы з паўарачным і арачным завяршэннем (у напрамку росту паверхаў), пілястрамі, карнізнымі паяскамі. Прыклады такой забудовы ў Мінску былі па вуліцах Рэвалюцыйнай, Інтэрнацыянальнай, М. Багдановіча (раён Траецкага прадмесця); у Магілёве – па вуліцах Першамайскай і Піянерскай; у Гомелі – па вуліцы Савецкай, у Гродне – па вуліцах Ажэшкі і Савецкай (назвы вуліц сучасныя).

Практычна ўсе жылыя даходныя дамы беларускіх гарадоў аздабляліся ў стылі мадэрн. Яго найбольш яркія праяўленні бачны ў мудрагелістых па форме атыках, ламаных мансардных дахавых пабудовах, аздабленні сцен пілястрамі і карнізамі з лякальнай цэглы, складаных крывалянейных формах аконных праёмаў, мудрагелістых і разнастайных малюнках кратаў балконаў, кансоляў, казыркоў (Мінск), часам архітэктурнае рашэнне дапаўняюць

пірамідальныя і вежавыя формы, чыста дэкаратыўнага характару, асабліва ў выпадку, калі забудова фланкіруе вуглы вуліц і кварталаў у такіх гарадах, як Гродна, Віцебск і Магілёў [30, с. 291].

Напрыклад, у гэтым стылі былі пабудаваны пазямельна-сялянскі банк у Віцебску (архітэктар К. Тарасаў, 1914 г., цяпер Віцебскі ветэрынарны інстытут), капліца ў вёсцы Лясная Слаўгаградскага раёна Магілёўскай вобласці (архітэктар А. Гаген, 1912 г.), асабняк у Бабруйску (1910-1912 гг.), вучэбны корпус Лужаснянскай земляробчай школы (сучаснага Лужаснянскага сельскагаспадарчага тэхнікума імя Ф.А.Сурганава) у Віцебскім раёне (1909) і інш. [28, с. 273].

Шырокае распаўсюджванне ў беларускай архітэктуры пачатку ХХ ст. атрымалі таксама неагатычны і неараманскі стылі. У неагатычным стылі былі пабудаваны: Троіцкі касцёл у гарадскім пасёлку Відзы Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці (архітэктар В. Міхневіч, 1914 г.), касцёл Сэрца Ісуса ў вёсцы Слабодка Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці (1903 г.), касцёл у вёсцы Краснае Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці (пачатак ХХ ст.), касцёл у вёсцы Суботнікі Іўеўскага раёна Гродзенскай вобласці (пачатак ХХ ст.), а таксама касцёлы ў Вілейцы, Міёрах, Полацке, Паставах, Речыцы, Ракаве [28, с. 276].

Найбольш поўна неараманскі стыль прадстаўляюць пабудаваны ў 1908 – 1910 гг. касцёл Сімяона і Гелены ў Мінску (архітэктары У. Марконі і Т. Паяздэркі), царква – пахавальня князёў Святаполк – Мірскіх у Міры (архітэктар Р. Марфельд) [28, с. 276]. і інш.

Важную кампазіцыйна-прасторавую ролю ў будове беларускіх гарадоў адыгрывалі помнікі манументальнага мастацтва. Прычым, калі раней яны ставіліся толькі на плошчах, што было вынікам іх грамадскай значнасці ў гарадах, дык у пачатку ХХ ст. помнікі ўсё часцей сталі ўзводзіцца на шырокіх вуліцах, бульварах, у месцах канцэнтрацыі грамадскага жыцця. Так, у 1912 г. быў пабудаваны помнік у Кобрыне ў гонар герояў 1812 г. (скульптар С. Ота, архітэктар Д. Маркаў), у тым жа годзе таксама пабудаваны помнік-абеліск у гонар 100-годдзя гераічнай бітвы пад Віцебскам у Айчынай вайне 1812 г. (архітэктар І. Фамін).

Разам з устаноўкай помнікаў у гарадах у пачатку ХХ ст. прасочваецца пэўная заканамернасць ва ўзвядзенні помнікаў

непасрэдна на месцах буйных гістарычных падзей. У гэтым сэнсе комплексным падыходам вызначалася стварэнне ў 1908 г. у вёсцы Лясная (Слаўгарадскі раён Магілёўскай вобласці) мемарыяльнага ансамбля на месцы бітвы 1708 г., дзе была атрымана першая перамога рускай рэгулярнай арміі на чале з Пятром I над шведскім корпусам генерала А. Левенгаўпта (архітэктар А. Гаген) [28, с. 270-271].

Трэба адзначыць, што значных поспехаў у пачатку ХХ ст. дасягнула беларускае выяўленчае мастацтва. Найбольш прагрэсіўная частка беларускіх мастакоў у той час заставалася на рэалістычных пазіцыях. Прыхільнікам і стваральнікам яркага, глыбока-эмацыянальнага рэалістычнага пейзажа быў Ф.Э. Рушчыц (1870-1936). Лепшымі яго творамі з’яўляюцца: “Зямля” (1898), “Стары млын” (1899), “У свет” (1901), “Эмігранты” (1902) і інш., якія вызначаюцца вялікім прафесійным майстэрствам і высокай ідэйнасцю. У тых жа гады мастак стварае і пейзажы, у якіх сацыяльныя матывы адыходзяць на задні план: “Вадзяны млын”, “Лясны ручай”, “Берагі Вілейкі” і інш. Увогуле, пейзажы Ф. Рушчыца паветраныя і матэрыяльныя адначасова. Гэтага аўтар дасягнуў спалучэннем каларыстычнага і танальнага вырашэння. Карціны, экспанаваныя на выстаўках у Пецярбургу і Варшаве, прынеслі мастаку славу выдатнага каларыста і мастака [28, с. 326–328].

Адной з яркіх старонак у гісторыі беларускага пейзажнага жывапісу ў разглядваемы перыяд з’яўляецца творчасць В.К. Бялыніцкага-Бірулі (1872–1957). Першае сваё значнае палатно “З ваколіц Пяцігорска”, якое высока ацаніў І.Я. Рэпін, а П.М. Траццякоў пажадаў набыць пейзаж для сваёй галерэі, мастак напісаў у 1892 г. у Пяцігорску. У 1901 г. В.К. Бялыніцкі-Біруля напісаў карціну “Вечныя снягі”, за якую на Каўказскай юбілейнай выстаўцы мастак быў удастоены залатога медаля, а ў 1908 г. В. Бялыніцкаму-Бірулі было прысвоена званне акадэміка жывапісу. Усяго за сваё доўгае творчае жыццё мастак напісаў больш за 1000 карцін і эцюдаў [23, с. 165].

Разам з рэалістычным пейзажам шырокае распаўсюджванне ў беларускім жывапісу ў пачатку ХХ ст. атрымаў бытавы жанр. Найбольш буйным прадстаўніком гэтага жанру з’яўляўся Ю.М. Пэн (1854–1937). За сваё творчае жыццё мастак стварыў цэлую галерэю

вобразаў “людзей з народа”: “Жабрак”, “Стары солдат” (1902), “Жанчына з пісьмом” (1903), “Стары кравец” (1903), “Гадзіншчык” (канец 1910 – пачатак 1920-х гг.) і інш. [31, с. 14–15]. Асноўная частка мастацкай спадчыны Ю. Пэна належыць цяпер Віцебскаму дзяржаўнаму краязнаўчаму музею (155 жывапісных і 15 графічных работ). Шэраг яго карцін захоўваецца ў Нацыянальным мастацкім музеі Рэспублікі Беларусь.

Акрамя вышэй названых мастакоў, значны ўклад у развіццё беларускага жывапісу ў пачатку XX ст. унеслі К. Стаброўскі, С. Жукоўскі, Г. Вейсенгоф і інш. Асаблівага росквіту ў гэты перыяд дасягнула і графіка, якая таксама вызначалася дэмакратычнасцю, імкненнем да стварэння нацыянальных вобразаў. Графікі ўдзельнічалі ў афармленні беларускіх газет “Наша доля” і “Наша ніва”, кніг на роднай мове. Сярод першых мастакоў, якія звязалі сваю творчасць з нацыянальна-вызваленчым рухам, быў К. Каганец, што працаваў ужанры малюнка – “Пахаванне Свабоды” (1905 г.), плаката – “Віншую з новым годам” (1906 г.) і інш. [32, с. 60].

Яркія і індывідуальныя вобразы персанажаў стварыў у сваіх графічных працах С. Богуш-Сестранцэвіч. Найбольш вядомыя сярод іх: “Праца ў фальварку”, “Размова”, “У мястэчку”, “Цыганы”, “Бегавы конь”, “На паляванні” [32, с. 55].

Безумоўна, таленавітым графікам, які зрабіў значны ўклад у беларускае мастацтва, быў выхадзец з Гродзеншчыны А.Я. Каменскі (1860–1933). У беларускай мастацтвазнаўчай літаратуры імя гэтага мастака ўпамінаецца вельмі рэдка. У большай ступені звесткі пра яго мы знаходзім толькі ў працах польскіх мастацтвазнаўцаў. Але ўважлівае вывучэнне яго спадчыны, архіўных матэрыялаў дазваляе зрабіць выснову, што творчасць Каменскага шмат у чым была звязана з беларускай культурай. Пасля вучобы ў Пецябургскай акадэміі мастацтваў і ў акадэміі Жульена ў Парыжы у 1909 г. ён зрабіў падарожжа ў Белавежскую пушчу, дзе працаваў з наттуры. Вынікам гэтага стала серыя эцюдаў і малюнкаў, у якіх мастак адлюстравяўродную беларускую прыроду і насельнікаў пушчы. Цудоўнымі паводле выканання, узварушанымі паводле глыбіні закладзенага ў іх пачуцця з’яўляюцца такія аркушы, як “Дарога ў пушчы”, “Старыя дубы”, “Дзяўчынка-ліцвінка”, “Беларус і ліцвін”, “Вячоркі”, “Сустрэча ў пушчы” і інш.

Такім чынам, развіццё культуры Беларусі ў пачатку XX ст. дасягнула значных поспехаў. Вельмі прыкметныя змены ў той час адбыліся ў развіцці асветы. Даволі хутка развіваўся друк, у тым ліку, і на беларускай мове. Агульны грамадска-палітычны і культурны ўздым абумовіў рост і развіццё беларускай літаратуры. Значна актывізавалася у пачатку XX ст. на Беларусі тэатральнае жыццё, быў створаны пад кіраўніцтвам І. Буйніцкага прафесійны тэатр. Асаблівага росквіту дасягнулі архітэктура і жывапіс. Усё гэта, цалкам узятае, спрыяла як уздыму нацыянальнай самасвядомасці, так і ўкладу беларускай культуры ў скарбонку культур іншых народаў.

Выкарыстаная літаратура

1. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: «Издательство Госплана БССР», 1926. – 240 с.

2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 7509.

3. Цьвікевіч А. “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX стст. / А. Цьвікевіч. – Мінск: “Навука і тэхніка”, 1993. – 352 с.

4. Сташкевіч М. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г. / М. Сташкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3. – С. 18–23.

5. НАРБ. – Фонд 2649. – Воп. 1. – Спр. 51.

6. Літвінёнак Р.С. Польскія партыі сацыялістычнай арыентацыі ў Беларусі і Літве (90-я гады XIX – пачатак XX стст.) / Р.С. Літвінёнак // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 1998. – № 4. – С. 54–61.

7. Prawda. Warszawa. – 1910. – № 39 – S. 2.

8. Гісторыя Беларусі / А.Л. Абцэдарская, П.І. Брыгадзін, Л.А. Жылуновіч [і інш.]; Пад рэд. А.Г. Каханова [і інш.] – Мінск: “Экаперспектыва”, 1998. – 496 с.

9. Парашкоў С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А. Парашкоў. – Мінск: “Беларуская навука”, 2003. – 444 с.

10. Турук Ф. Белорусское движение : Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – Москва: Типография “Под/отдела Инвалидов”, 1921. – 143 с.

11. Семашкевіч Р.М. Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецярбургу (канец XIX – пачатак XX стст.) / Р.М. Семашкевіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1971. – 132 с.
12. Цуба М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг.) / М.В.Цуба. – Брэст: “Выд-ва С. Лаўрова”, 2003. – 196 с.
13. Чаму плачэ песня наша? // Наша ніва. – 1913. – 26 ліпеня.
14. Старычонак В.Дз. Беларуская літаратура / В.Дз. Старычонак. – Мінск: “Вышэйшая школа”, 2001. – 350 с.
15. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У.Навіцкі. – Мінск: «Современная школа», 2008. – 512 с.
16. Александровіч С.Х. Пуцявіны роднага слова / С.Х. Александровіч – Мінск: “Выд-ва БДУ”, 1971. – 248 с.
17. Беларускі дзяржаўны музей літаратуры і мастацтва (Далей – БДМЛМ). Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 93.
18. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.] – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1997. – Т. 4. – 432 с.
19. БДМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 99.
20. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / Ч. 1, М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў [і інш.] – Мінск: “Беларусь”, 1994. – 527 с.
21. БДМЛМ. – Фонд 3. – Воп.1 – Спр. 106.
22. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.] – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. – Т. 5. – 592 с.
23. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Б.І. Сачанка (галоўны рэд.) [і інш.] – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. – Т. 2. – 537 с.
24. Няфёд У. Беларускі тэатр / У. Няфёд. – Мінск: “Выд-ва Акадэміі навук Беларускай ССР”, 1959. – 900 с.
25. Беларускі каляндар. – Вільня. – 1916. – 86 с.
26. Грамыка М. Ад аматарскага гуртка да дзяржаўнага тэатру / М. Грамыка // Польша. – 1927. – № 7. – С. 158 – 170.
27. Перадавіца. // Наша ніва. – 1913. – 1 лютага.
28. Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т. / Рэдкал.: Л.М. Дробаў, П.А. Карнач. – Мінск: “Навука і тэхніка”, 1989. – Т. 3. – 448 с.

29. Победа Советской власти в Белоруссии / Редкол.: М. Родионов, Г. Вольский. – Минск, “Наука и техника”, 1968. – 508 с.
30. Лакотка А.І. Нацыянальныя рысы Беларускай архітэктурны / А.І. Лакотка – Мінск: “Ураджай”, 1999. – 366 с.
31. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2001. – Т. 6. – Кн. 1. – 592 с.
32. Дробаў Л.М. Графіка Беларусі XIX – пачатку XXстст. / Л.М. Дробаў. – Мінск: “Тэхналогія”, 2000. – 67 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Божанов В.А.</i> Генезис понятия «культура».....	4
<i>Багалејша С.В.</i> Дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе ў 1918–1924 гг.....	18
<i>Богдановіч А.И.</i> Великий разрушитель или великий реформатор? (к вопросу об оценке роли Петра I в истории России).....	30
<i>Дубовік А.А.</i> Крыніцы па гісторыі дзейнасці прафсаюзаў Беларусі ў сістэме сацыяльна- працоўных адносін у перыяд НЭПа.....	41
<i>Кедрык Т.В.</i> «Визуальный поворот» и современные концепции субъективности.....	52
<i>Киселева С.А., Логовая Е.С.</i> Беларусь в жизни и творчестве русских писателей XIX в.....	60
<i>Лепеш О.В.</i> Преобразование беспоместной шляхты западных губерний в разряд граждан и однодворцев после восстания 1830 –1831 гг.....	70
<i>Лойка Т.В.</i> Чылійскі беларус Ігнат Дамейка.....	78
<i>Семёнова Л.Н.</i> Города и капиталистическая индустриализация белорусских земель в XIX – начале XX вв.....	84
<i>Сервачинский И.Ю.</i> К вопросу о людских потерях СССР и Финляндии в советско-финляндских вооруженных конфликтах периода Второй мировой войны.....	96
<i>Хромченко Д.Н.</i> Совершенствование централизованного руководства партизанским движением в Беларуси в 1941–1944 гг. как фактор, способствовавший повышению эффективности партизанской борьбы и взаимодействию с Красной Армией.....	104
<i>Щаўлінскі М.Б.</i> Культурнае развіццё Беларусі ў пачатку XX ст. (1900 – 1914 гг.).....	116

Научное издание

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
СОТРУДНИКОВ КАФЕДРЫ
«ИСТОРИЯ, МИРОВАЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» БНТУ**

Технический редактор *О.В. Песенько*

Подписано в печать 24.03.2015. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 6,36. Тираж 60. Заказ 211.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.